

Александр Поламишев

Событие – основа спектакля

Отсканировано с книги А. М. Поламишева Событие основа спектакля. М., «Сов. Россия», 1977. 112с. (Б-чка «В помощь худож. самодеятельности» №13).

Приведено в должный вид Свечниковым Александром Александровичем.

17.10.2004 г. Улан-Удэ ул. Димитрова 2 МХТ

chita@buriatia.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I	
О МЕТОДЕ ДЕЙСТВЕННОГО АНАЛИЗА.....	5
Глава II	
«РАЗВЕДКА УМОМ» И РЕЖИССЕРСКИЙ АНАЛИЗ ПЬЕСЫ.....	8
Глава III	
СОБЫТИЕ. ЕГО ПРИЗНАКИ.....	11
Глава IV	
КРУПНЫЕ СОБЫТИЯ И СОБЫТИЯ МЕНЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ	23
Глава V	
ИСХОДНОЕ СОБЫТИЕ	30
Глава VI	
ЗАКОНЫ ЖИЗНИ И ЗАКОНЫ ИСКУССТВА	37
Глава VII	
ИСХОДНОЕ СОБЫТИЕ И УЧАСТВУЮЩИЕ В ЭТОМ СОБЫТИИ ХА- РАКТЕРЫ	39
Глава VIII	
ЗНАЧЕНИЕ ИСХОДНОГО СОБЫТИЯ ДЛЯ ПОСТИЖЕНИЯ ПРЕДЛА- ГАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПЬЕСЫ	56
Глава IX ИСХОДНОЕ СОБЫТИЕ - ПУТЬ К ПОСТИЖЕНИЮ ВСЕХ СОБЫТИЙ И АТМОСФЕРЫ ПЬЕСЫ	61
Глава X	
ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ И ИДЕЯ ПЬЕСЫ.....	91

Глава I О МЕТОДЕ ДЕЙСТВЕННОГО АНАЛИЗА

В нашей стране существует целая сеть учебных заведений, воспитывающих будущих режиссеров народных театров и руководителей драматических коллективов: это и режиссерское заочное отделение театрального училища им. Щукина при Государственном академическом театре им. Евг. Вахтангова, это и Московский и Ленинградский институты культуры, Восточно-Сибирский институт культуры, ряд других учебных заведений.

Программа всех этих учебных заведений в своей основе опирается на систему Станиславского. И это естественно, потому что, чем дальше развивается не только советский, но и мировой театр, тем более убедительным становится величайшее наследие, оставленное нам — система К. С. Станиславского.

Но система К. С. Станиславского состоит из двух основных частей:

1. Работа актера над собой.
2. Работа актера и режиссера над пьесой и ролью.

1-я часть системы изложена самим Константином Сергеевичем Станиславским в отдельной книге, подзаголовок которой называется: «Работа актера над собой в творческом процессе переживания».

Работу же режиссера и актера в процессе воплощения пьесы и роли Константин Сергеевич не успел последовательно изложить в такой же единой целой книге.

Тому, кто действительно хочет понять, чего же достиг Константин Сергеевич в области конечной цели — работы актера и режиссера в процессе воплощения пьесы и роли, — тому следует тщательно изучить все наследие К.С. Станиславского.

Каков должен быть путь актера от себя к роли, а режиссера — к пьесе?

Эта проблема занимала Константина Сергеевича до самых последних дней его жизни.

Народный артист СССР Г. А. Товстоногов пишет о К.С. Станиславском в своей книге «О профессии режиссера»: «...что меня просто потрясает — это его мужество и храбрость. Получив мировую славу, прожив три четверти века, открыв новую главу в истории мирового театра, воспитав плеяду изумительных артистов и, наконец, создав знаменитую систему, он на старости, лет пришел к выводу, что все сделанное им за полвека совсем не итог, а только начало пути...

...Именно в это время им были развиты основы высшей правды о природе театрального искусства...»¹.

Верная ученица и последовательница Станиславского, старейший советский режиссер и педагог — народная артистка РСФСР М.О. Кнебель пишет: «Станиславский долгие годы искал ключ к тайне анализа пьесы и нашел его только в последние годы жизни. Штурм пьесы и роли Станиславский мыслил себе как двусторонний процесс. Разведка умом и разведка всем своим физическим аппаратом — две неразрывные части того процесса познания, который мы называем «действенным анализом пьесы и роли»².

Г. А. Товстоногов, утверждающий, что «сейчас этот метод является единственным и ничего равного ему в области актерского мастерства в мировом театре не существовало и

¹ Г.А. Товстоногов. О профессии режиссера. М., ВТО. 1967, с. 26

² М.О. Кнебель. Поэзия педагогики. М, ВТО, 1976, с. 267.

не существует»¹, тем не менее с горечью констатирует: «Все мы клянемся именем Станиславского, но до сих пор его открытие не стало практической методологией в нашей работе»².

Мария Осиповна Кнебель всю свою жизнь режиссера, педагога, теоретика посвятила пропагандированию и развитию методики действенного анализа. Многочисленные ученики Марии Осиповны и даже уже ученики ее учеников знают на собственной практике, какие интересные результаты могут дать даже только попытки овладения этим методом. И несмотря на это, «к сожалению, до сих пор методика анализа, предложенная Станиславским, еще недостаточно популяризирована, и многие театры и школы по сей день «колдуют» вокруг пьесы, не зная, как проникнуть в нее.

Виной этому, служит косность, обитающая в любой сфере человеческого мышления. Страшно расставаться с тем, чему (тебе кажется) ты научился, страшно идти куда-то, куда до сих пор дороги не знал. О методике действенного анализа я много писала. Писала статьи, выпустила книгу. И все же у меня нет ощущения, что мне самой тут абсолютно все известно. Мне хочется, чтобы мои ученики продолжали думать в том же направлении. Проблема эта широка и глубока...»³.

Действительно, проблема освоения методики действенного анализа не проста. И не проста именно потому, что этот метод охватывает и содержит в себе все наиболее важное и ценное, что было и в теории — в области аналитической мысли, и на практике в области психотехники актера.

И, как всякое большое открытие, этот метод, несмотря на преимущество всего ценного, созданного до него,— этот метод обязательно революционен.

Революционность этого метода наиболее ярко и наглядно проявляется в момент, когда актер совместно с режиссером осуществляет анализ пьесы действием на сценической площадке (а не путем длительных рассуждений, сидя за столом,— как это было при работе старой методикой).

Требования, предъявляемые новым методом в этой совместной части работы и к актеру, и к режиссеру, очень непросты и непривычны.

Психотехника актера должна быть столь гармоничной, что при появлении в сознании актера даже только мысли о необходимости какого-то поступка, тело его должно тотчас же начинать выполнять это действие; и наоборот, если тело актера почему-либо стало совершать какие-то физические действия, то его психика мгновенно должна решать, как поступать ему дальше.

При этой совместной работе режиссер должен создать актеру такие условия, при которых, с одной стороны, у актера была потребность, даже жажда совершать поступки, абсолютно самостоятельно, не думая при этом ни о роли, ни о режиссере; а с другой стороны — режиссер должен создать такие условия, при которых рождающиеся у актера поступки были бы наиболее близки к поступкам роли, причем в понимании этой роли режиссером.

Как видим, такая совместная работа предъявляет действительно очень большие требования и к актеру, и к режиссеру. Конечно, далеко не всем эти требования могут прийтись и по вкусу и, как говорится, по плечу...

Очевидно, понимая заранее и зная, к сожалению, на опыте (во МХАТе), что даже приверженцам его системы не так-то просто будет принять его новую методологию, особенно эту совместную часть методологии, К. С. Станиславский все внимание, весь свой

¹ ГА Товстоногов. О профессии режиссера, с. 24.

² Там же, с. 285.

³ М.О Кнебель. Поэзия педагогики, с. 297, 298.

темперамент направил на утверждение именно этой совместной аналитической части метода. Такое же стремление проявляется почти и во всех теоретических работах М.О. Кнебель, Г.А. Товстоногова и других горячих приверженцев новой методологии.

В одной из своих книг М. О. Кнебель высказала даже следующую мысль: «Речь идет **о репетиционном приеме** (разрядка моя.— *А. П.*) предложенном Станиславским, — о так называемом действенном анализе пьесы и роли»¹.

Г.А. Товстоногов также утверждает, что «метод действенного анализа представляется мне самым совершенным на сегодняшний день **приемом работы с актером...**» (разрядка моя.— *А. П.*)².

Но ведь прежде, чем начать работу с актером, режиссер встречается с пьесой. Новая методология революционна только для работы режиссера с актером или в любом своем звене? Требуется ли новая методология от режиссера и новых приемов домашнего, предварительного анализа пьесы и ролей? Должна ли вообще быть предварительная аналитическая работа режиссера при работе методом действенного анализа?

¹ М. О. Кнебель. О том, что мне кажется особенно важным. М., «Искусство», 1971, с. 44

² Г. А. Товстоногов. О профессии режиссера, с. 258

Глава II

«РАЗВЕДКА УМОМ» И РЕЖИССЕРСКИЙ АНАЛИЗ ПЬЕСЫ

К.С. Станиславский, разрабатывая новый метод анализа пьесы и роли, считал, что актеру необходимо анализировать роль и пьесу не только и не столько головой, сколько всем своим существом — анализировать в действии — в пробе на площадке. Правда, К.С. Станиславский выделяет при этом как необходимый предварительный этап работы — «разведку пьесы и роли умом».

М.О. Кнебель пишет: «...Сейчас много говорят о том, что Станиславский в последние годы жизни якобы призывал режиссера готовиться к постановке только вместе с актерами. Утверждение это лишено, с моей точки зрения, всяких оснований и весьма далеко от того, чего на деле добивался Станиславский от своих учеников режиссеров.

...Внедрение в жизнь приема анализа в действии в первую очередь ложится на плечи режиссера. В его руках организация репетиций. Он должен построить репетиционный процесс в духе новой методики Станиславского. А это требует большой и сложной предварительной работы...»¹.

Но каков характер этой предварительной режиссерской работы при новой методике? В чем суть этой работы?

Этот вопрос волнует многих современных режиссеров. Вот что пишет Г. А. Товстоногов в своей книге «О профессии режиссера»:

«...Должен ли режиссер при работе методом действенного анализа приходить на репетицию с уже готовым планом, или лучше искать решение вместе с актерами? Событийный ряд должен быть ясен режиссеру заранее, но в процессе репетиций события могут уточняться.

...Цепь событий — это уже путь к постановочному решению, составная часть режиссерского замысла...»² (Разрядка моя. – А. П.)

«...Константин Сергеевич предложил актерам начинать работу над пьесой с изучения крупных событий той жизненной истории, которая положена в основу сюжета. Это позволяет актеру с самого начала масштабно охватывать суть своей роли в развитии конфликта, учит его разбираться в действии и контрдействии пьесы, приближает к конкретной сверхзадаче роли...

...Анализ событий — важнейшее понятие в системе. Оно непреложно, потому что исходит из точного знания законов драмы, тех законов, на которых строили свои произведения лучшие писатели мира. Без событий, без цепи событий не бывает драмы, к какому бы жанру она ни принадлежала.

Я считаю, что вопрос раскрытия события является сейчас кардинальным для современного искусства. От того, как мы будем относиться в дальнейшем к этому вопросу, зависит — куда будет развиваться искусство театра»³.

Итак: «События! События! и еще раз — события!» Но как их отыскивать? Какова техника их определения? Каков критерий верности определения событий?

М.О. Кнебель предлагает поступать следующим образом: сначала предварительно определяется событие и вытекающие из этого события поступки действующих лиц, потом актеры идут на площадку и, действуя в этюде, проверяют через свои поступки верность определения события. Сверив затем те действия, которые у них родились в ходе этюда, с

¹ М. О. Кнебель. О том, что мне кажется особенно важным, с. 47-48

² Г. А. Товстоногов. О профессии режиссера. 2-е изд., доп. М., ВТО, 1968, с. 260-269

³ М. О. Кнебель. О том, что мне кажется особенно важным, с. 57-59

теми, что написаны у автора, все более и более уточняются и предлагаемые обстоятельства, и событие.

«...Суть этого приема, если изложить ее в двух словах, заключается в том, что на раннем этапе работы избранная к постановке пьеса, после определенного предварительного разбора, анализируется в действии путем этюдов с импровизированным текстом...

...Необходимо планировать репетицию так, чтобы в ней все время чередовались этюды с разбором их за столом. Очень важно, чтобы даже на протяжении одной репетиции актер не отрывался от пьесы, чтобы он мог тут же проконтролировать пьесой все, что намечено в этюде...»¹

Все, кто пробуют работать методом действенного анализа, знают на практике, как плодотворна такая система работы с актером для уточнения и события, и поступков героев. Именно «для уточнения».

Но ведь режиссер должен прийти на первую репетицию уже подготовленным. И если прав Г. А. Товстоногов — «цепь событий — путь к постановочному решению!» — то совершенно очевидно, что основные крупнейшие события пьесы должны быть ясны режиссеру еще до встречи с актерами.

Противники метода действенного анализа обычно выставляют примерно такой аргумент: «Вот вы предлагаете актеру, действуя от себя в предлагаемых обстоятельствах роли, анализировать этими действиями поступки героя. Но ведь индивидуальность актера, может быть, далека от той роли, которую написал автор. В таком случае, чем актер органичнее поверит в предлагаемые обстоятельства и события, тем дальше он в своих поступках будет уходить от автора, ибо его индивидуальность будет ему диктовать совершенно иные поступки, чем поступки героя...»

Разумеется, такая опасность может подстергать режиссера, работающего новым методом, если он... если он поручит какому либо актеру роль, чрезвычайно далекую от его человеческой индивидуальности и творческих возможностей. Следовательно, режиссер, прежде всего, обязан верно распределить роли, то есть распределить роли в соответствии со своим замыслом будущего спектакля. По замысел, как известно, может базироваться только на основе пьесы. Следовательно, чтобы распределить роли, режиссер должен знать пьесу, постичь ее идею, знать всю ее структуру, значение каждой роли в действенном раскрытии авторской идеи.

Новая методология К. С. Станиславского утверждает, что постижение пьесы следует начинать с постижения крупных узловых событий пьесы. Когда событие тут же проверяется актерами действием на площадке, тогда критерий верности этого события установить, в общем, не сложно — он зрим, ощущаем и актерами, и сидящим в зале режиссером. Но как режиссеру еще до встречи с актерами, до распределения ролей научиться верно опознавать важнейшие события пьесы? Как режиссеру научиться вскрывать именно те события, которые, прежде всего, были важны автору, а не придумывать собственные события и пытаться втиснуть их в пьесу?

Сегодня многие, во всяком случае на словах, признают, что святейшая обязанность режиссера понять и выразить автора. Утверждение, что режиссер только интерпретатор и в этом суть его профессии,— это утверждение можно считать сегодня господствующим. Да, в теории это признают почти все. А на практике? Увы! Как часто благие намерения остаются только намерениями... При чем порою это происходит вовсе не по злему умыслу.

Иногда режиссер убежден, что он понял главную мысль автора; режиссер вдохновенно пытается воплотить эту мысль в спектакль, но... оказывается, что у автора эта мысль

¹ М. О. Кнебель. О том, что мне кажется особенно важным, с. 44, 69

вовсе не главная: целый ряд фактов пьесы и поступков героев не помогают раскрытию этой мысли,— наоборот, сопротивляются ей. К сожалению, часто это становится очевидным тогда, когда спектакль уже почти готов...

Конечно, если режиссер и актеры чувствуют природу событий, природу конфликтов вокруг этих событий, то в ходе репетиций на площадке замысел может быть скорректирован... Часто такая корректировка замысла оказывается невозможной без замены одного актера другим... Затрачиваются усилия целого коллектива; наносятся душевные травмы актерам...

Увы! Все это не проходит бесследно не только для жизни данного спектакля, но и для творческой жизни данного коллектива...А для жизни коллектива народного театра или драматического кружка такие травмы еще более ощутимы. В самодеятельных коллективах этические вопросы, вопросы воспитания личности каждого участника коллектива — вопросы первостепенной важности!

Как же избежать всех возможных ошибок? Очевидно, что многие ошибки начинаются еще тогда, когда режиссер садится за анализ пьесы, которая ему понравилась, которую он собирается ставить. **Поэтому вопрос овладения режиссером техникой предварительного анализа пьесы представляется сегодня одним из важнейших.**

Как же, работая по новой методологии начинать режиссеру предварительный анализ пьесы? Есть ли какие-нибудь указания на этот счет у К. С. Станиславского?

Глава III

СОБЫТИЕ. ЕГО ПРИЗНАКИ

«...Новый вид анализа пьесы заключается в так называемом процессе оценки фактов...

...Сама техника процесса оценки фактов поначалу проста. Для этого следует устранить оцениваемый факт, после постараться понять, как это отразится на жизни человеческого духа роли»¹.

М. О. Кнебель, развивая мысль К. С. Станиславского, говорит, анализируя «Бесприданницу» А. Н. Островского:

«...Что было бы, скажем, если бы Паратов не появился в городе как раз, в ту пору, когда брак Ларисы с Карандышевым был наконец решен? Очевидно, у нее была бы иная судьба, достаточно безрадостная, достаточно несправедливая, но, может быть, не такая трагическая; не было бы в ней той вспышки, того пожара, в пламени которого сгорели последние иллюзии Ларисы, озарилась страшная истина: «Я — вещь!...»²

Для того чтобы проверить значимость события — «приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы с Карандышевым» — для «жизни человеческого духа роли» *Ларисы*, попробуем сделать несколько предположений:

1. Допустим: **Паратов приехал в город до того, как Лариса дала согласие на брак с Карандышевым.** Очень может быть, что все события развернулись бы иначе. Можно строить самые различные предположения, но один факт при всех вариантах, изменился бы несомненно: пока Лариса не стала невестой Карандышева, у последнего не было бы оснований давать в честь нее обед. Если бы он все-таки дал обед (случилось бы такое невероятное событие при всей бедности Карандышева!) и Лариса почему-то явилась бы на этот обед, то отъезд ее с этого обеда за Волгу с Паратовым был бы совершенно естественным, ординарным фактом и не вызвал бы столь трагических последствий...

Еще один момент. Если бы Лариса не была бы невестой Карандышева и тем не менее была бы у него на званом обеде, поехала бы она за Волгу с Паратовым? Ведь Паратов столь виноват перед нею — бросил ее год назад! Не является ли факт помолвки Ларисы с Карандышевым фактом, отягощающим совесть Ларисы? Очень может быть, что ее такое поспешное бегство за Волгу — бегство от вины перед своей любовью за неверность: «чуть не вышла за нелюбимого Карандышева!...»

2. Еще один вариант: **Паратов приезжает уже после того, как Лариса вышла замуж за Карандышева.**

В таком случае вполне возможно, что их встреча вообще не состоялась бы. Но, если бы Паратов все-таки искал встречи, добивался бы ее, преследовал бы Ларису, то, по всей вероятности, отношения у Ларисы с Паратовым сложились бы совсем иначе... Если бы Лариса даже поняла всю глубину сделанной ею ошибки, то ее возвращение к Паратову было бы, очевидно, еще более сложным, более мучительным, то есть автору пришлось бы написать совсем иную пьесу...

3. **А если бы накануне свадьбы Ларисы в город приехал бы не Паратов, а кто-то другой?** Пусть этот приехавший был бы богат и красив. Пусть он даже понравился бы Ларисе... Но могла бы Лариса в таком случае убежать на прогулку за Волгу с почти незнакомым человеком? Совершенно очевидно, что нет... И если бы она это со-

¹ К. С. Станиславский. Полн. Собр. соч., т. IV. М.-Л., «Искусство», 1957, с. 247. (В дальнейшем все цитаты по этому изданию. — А. П.)

² М. О. Кнебель. О том, что мне кажется особенно важным, с. 61

вершила, то это была бы уже не Лариса Огудалова, то есть не тот характер, каким написал ее автор...

Итак, говоря словами Станиславского, если устранить факт приезда Паратова накануне свадьбы Ларисы, то «жизнь человеческого духа роли» Ларисы изменится чрезвычайно. **Следовательно, этот факт является важным крупным событием для Ларисы.**

Станиславский говорил, что так же, как необыкновенно трудно повернуть актера от мысли, «что я тут говорю» на мысль «что я тут делаю»,— трудно научить режиссера строить действия на крупных событиях...

Итак, для одного из главных действующих лиц драмы Островского «Бесприданница» мы установили, что «приезд в город Паратова» является крупным событием. А как для других действующих лиц? Можно ли было, например, исключить это событие из «жизни человеческого духа роли» Паратова? Что значит для **Паратова**, что он приехал в город как раз тогда, когда брак Ларисы с Карандышевым был уже решен?

Прежде всего надо понять, что означает для Паратова вообще приезд в этот город? Для чего он сюда приехал? По сюжету пьесы он вроде бы приезжает, чтобы продать Вожеватову свой пароход «Ласточку», Но ведь, наверное, он мог поручить проделать эту операцию любому из своих служащих. Возможно, эта сделка сулит Паратову большие бабыши и потому он не мог поручить проведение этой сделки кому-либо?

«Кнуров. С шиком живет Паратов.

Вожеватов. Чего другого, а шикую довольно.

Кнуров. Дешево пароход-то покупаете?

Вожеватов. Дешево, Мокий Парменыч.

Кнуров. Да, разумеется, а то что за расчет покупать...»¹

Когда приезжает Паратов, то Кнуров прямо у него спрашивает:

«Кнуров. ...Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

Паратов. Что такое «жаль»? Этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево; я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни.

Вожеватов. Будем стараться, Сергей Сергеевич, будем стараться...

Паратов. Отец моей невесты важный чиновный господин; старик строгий; он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем...»²

Итак, совершенно очевидно, что продажа «Ласточки» для Паратова не имеет большого практического значения. С женитьбой он приобретает полмиллиона. Можно предположить, что продажа «Ласточки» — это только лишь видимый повод поездки. Устроить

¹ А. Н. Островский. Бесприданница. (Любое издание). Действие I Явление II. (В дальнейшем указываем только действие и явление. — А. П.)

² Действие I. Явление VI.

кутеж под носом у будущего чопорного тестя Паратов не решился; а «продажа парохода» — вполне серьезный повод для отъезда.

Случайно ли Паратов выбрал местом для «прощания со своей свободой» именно этот город? Что означает для Паратова город Бряхимов? Для чего все-таки он сюда приехал? Это город, где живет Лариса, или это город периодических кутежей Паратова?

Заметим, что едва Вожеватов произнес имя Паратова, как Кнуров тот час же заметил: «С шиком живет Паратов!» Уж он-то, Кнуров, который «и живет здесь не подолгу, да и не жил бы, кабы не дела...», даже и он знает о шикарных кутежах Паратова. Если мы вспомним, в какой восторг приходят и трактирные слуги, и цыгане, когда узнают о приезде барина Паратова, то станет совершенно очевидным, что Бряхимов — это город, куда Паратов периодически приезжает покутить. И, уж если «прощаться с холостой жизнью», то, очевидно, это лучше всего делать именно в Бряхимове!..

Но может быть, Паратов, когда ехал в Бряхимов, уже знал о готовящейся свадьбе Ларисы с Карандышевым? Вот как Паратов узнает о предстоящей свадьбе Ларисы:

«Паратов. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью так, чтобы было, чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

Вожеватов. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич!

Кнуров. Отозваны мы.

Паратов. Откажитесь, господа.

Вожеватов. Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

Паратов. Лариса выходит замуж! *(Задумывается.)* Что ж... Бог с ней!.. Это даже лучше. Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать. Ну, а теперь она выходит замуж, значит, старые счета покончены и я могу опять явиться поцеловать ручки у ней и у тетеньки... Ведь я было чуть не женился на Ларисе,— вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит... это очень мило с ее стороны, все-таки на душе у меня немного полегче... И дай ей бог здоровья и всяческого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее...

Вожеватов. Уж, наверное, и вас пригласят.

Паратов. Само собой, как же можно без меня!.. Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться — Робинзон?

Робинзон. Вуй, ля-Серж.

Паратов. До свидания, господа! Я в гостиницу. Марш, Робинзон!

Робинзон. Да здравствует веселье! Да здравствует услад!..»¹

...Из приведенной выше сцены ясно видно, что Паратов, ехавший в г. Бряхимов «прощаться с холостой жизнью», ничего не знало готовящейся свадьбе Ларисы.

Теперь рассмотрим варианты.

1. Что бы было, если бы Паратов ехал «прощаться с холостой жизнью» не в Бряхимов, а в другой город, то есть если бы он заехал в Бряхимов только для проведения сделки с Вожеватовым? Тогда Паратов, очевидно, поскорее бы завершил сделку и поехал бы далее, то есть опять же была бы написана другая пьеса. Но Паратов, по автору, поступает иначе: он абсолютно не занимается делами, а сразу же всех приглашает к себе на обед в гостиницу и объявляет, что собирается здесь, в этом городе, устроить «прощание с холо-

¹ Действие I. Явление VII.

стой жизнью».

2. Входила ли в планы этого «прощания» встреча с Ларисой? Что означает для Паратова событие «Лариса выходит замуж» в таком случае? Мы знаем, что год назад Паратов чуть было не женился на Ларисе, но в последний момент сбежал... И вот, год спустя, приезжающий Паратов узнает о ее готовящемся замужестве. Хорошо это для Паратова или плохо?

Если бы Лариса не выходила замуж, смог ли Паратов так легко «появиться на глаза» к Огудаловым? Вряд ли. Паратов виноват перед ними — он это знает, он сам об этом говорит. Не будем сейчас пытаться анализировать, сколь велико было желание Паратова включить в свои «прощальные гастролы» и Ларису, важно установить одно: факт готовящейся свадьбы Ларисы с Карандышевым сразу дает возможность Паратову появиться и в доме Огудаловых, и быть в обществе Ларисы.

3. Если Паратову, предавшему Ларису, представлялась невозможной встреча с Ларисой, то теперь руки у него развязаны — он даже может обвинить ее в неверности (что он и делает при первой же встрече).

Явись Паратов не накануне свадьбы Ларисы, ему было бы значительно сложнее найти пути к оскорбленной им женщине.

Итак, при всех вариантах именно событие «приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы» — важнейшее событие и для «жизни человеческого духа роли» Паратова.

А что значит для жениха Карандышева приезд в город бывшего возлюбленного его невесты? Еще в начале пьесы, когда ни Карандышев, ни Лариса не только не знают, но даже и не подозревают о возможности приезда Паратова, Карандышев ревнует Ларису к ее прошлому: «Лариса Дмитриевна, скажите мне, только прошу вас, говорите откровенно!

Лариса. Что вам угодно?

Карандышев. Ну, чем я хуже Паратова?

Лариса. Ах нет! Оставьте!

Карандышев. Позвольте, отчего же?

Лариса. Не надо! Не надо! Что за сравнение!.. Не спрашивайте, не нужно!

Карандышев. Да почему же?

Лариса. Потому что сравнение не будет в вашу пользу. От сравнения с Сергей Сергеевичем вы теряете все...

Карандышев. А если бы явился Паратов?

Лариса. Разумеется, если б явился Сергей Сергеевич и был свободен, так довольно одного его взгляда... Успокойтесь, он не явился, а теперь хоть и явится, так уже поздно...»¹

Казалось бы, после таких невыгодных для него сравнений и предупреждений Карандышеву следовало бы избегать встреч с Паратовым, но... Приезжает Паратов. Лариса умоляет Карандышева увезти ее из города. И вместо того чтобы схватить Ларису, умчаться скорей с ней в деревню, обвенчаться там и тихо наслаждаться своим счастьем, Карандышев поступает совершенно противоположным образом. Во-первых, Карандышев, узнав о приезде Паратова, тотчас же прибегает в дом Огудаловых.

«**Лариса.** Вы когда же думаете ехать в деревню?

Карандышев. После свадьбы, когда вам угодно, хоть на другой день. Только вен-

¹ Действие I. Явление IV.

чатся непременно здесь, чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара...

Вот и обед сегодня для меня обойдется не дешево.

Огудалова. А этот обед ваш я считаю совсем лишним, напрасная трата.

Карандышев. Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

Огудалова. Никому он не нужен.

Карандышев. Мне нужен!..

Лариса. Да зачем, Юлий Капитоныч?

Карандышев. Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых... Надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними... Успокойтесь, никакой ссоры не будет, все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю, вас публично за счастье, которое вы делаете мне своим выбором, за то, что вы... оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот и все, вот и вся моя месть!

Огудалова. И все это совсем не нужно.

Карандышев. Нет, уже эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство. Что же они им хвастаются!..

Вон, посмотрите, что в городе делается, какая радость на лицах! Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу: «Барин приехал, барин приехал...» Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу... «Барин приехал, барин приехал!» Цыгане с ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу... Чудо, что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и весь город рад... Хороши нравы!

Огудалова. Да кто приехал-то?

Карандышев. Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

Огудалова. А, так вот кто!

Лариса. Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

Карандышев. Теперь-то и не нужно ехать!..»¹

Как видим, Карандышев не только не стремится увезти поскорее из города Ларису, пока она еще, возможно, и не узнала о приезде Паратова, пока она не встретилась с Паратовым,— наоборот: Карандышев сам сообщает о приезде Паратова, настаивает и на свадьбе в городе, и на проведении званого обеда! Почему? Возможно, потому, что Карандышев, узнав о дешевой продаже Паратовым парохода, решил, что последний промотался и теперь не является соперником для Карандышева.

Могут быть и иные причины поступка Карандышева — причины, связанные с гипертрофированным уязвленным самолюбием Карандышева: он не может принять «тихого счастья в деревне» — ему необходимо полное торжество его самолюбия.

Сделаем опять несколько предположений.

1. Если бы Паратов не приехал в город накануне свадьбы Карандышева с Ларисой? Возможно, что, женившись, Карандышев и уехал бы с Ларисой в Заболотье. Поревновав некоторое время к прошлому Ларисы, он в конце концов успокоился и зажил

¹ Действие II. Явление VI.

бы тихой жизнью обывателя.

2. Если бы после женитьбы Карандышева на Ларисе чета Карандышевых, по каким-то причинам, оставалась в Бряхимове и в это время появился бы в городе Паратов? Очень может быть, что и в этом случае приезд Паратова не прошел бы совсем незамеченным и Ларисой, и Карандышевым. Но отношения Ларисы и Карандышева к этому времени были бы качественно совершенно иными; и если бы даже Паратов явился с визитом, то этот визит не обязательно привел бы к последующему обязательному приглашению Карандышевым Паратова на обед. А если бы подобный обед и состоялся, то поездка за Волгу, по всей вероятности, была бы в обществе Карандышева.

В пьесе же именно факт приезда Паратова накануне свадьбы Карандышева заставляет последнего совершать все безрассудства: вначале он дерзит Паратову — дело чуть ли не до дуэли доходит; затем он приглашает Паратова к себе на обед, где всячески пытается утвердить себя в своих правах на Ларису... И все кончается выстрелом Карандышева в Ларису...

Если бы не приезд Паратова, может быть, и состоялась бы свадьба Карандышева с Ларисой. Итак, совершенно очевидно, что «приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы с Карандышевым» является крупнейшим событием и для Карандышева. Исключить это событие из «жизни человеческого духа» и этой роли невозможно.

А каково значение этого события для **Огудаловой**? Что делает Огудалова в день приезда Паратова?

ДЕЙСТВИЕ I Явление III

Карандышев (*Кнурову*). Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?

Кнуров. У вас?

Огудалова. Мокий Парменыч, это все равно, что у нас. Это обед для Ларисы.

Кнуров. Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду.

Огудалова. Юлий Капитоныч — мой будущий зять. Я выдаю за него Ларису.

Итак, Огудалова занята предстоящей свадьбой Ларисы. Она старается, например, чтобы такое значительное в городе лицо, как Кнуров, был расположен не только к Ларисе, но и к будущему зятю Карандышеву.

Но вот появляется Паратов. Огудалова принимает его, тщательно расспрашивает о всех его планах, узнает, что Паратов намерен выгодно жениться, чтобы поправить свои дела, то есть никаких видов на Ларису он не имеет. Огудалова также знает, как Лариса была влюблена в Паратова — ведь Огудаловой пришлось догонять Ларису, когда та бросилась вслед за уехавшим Паратовым... И, не смотря на все эти обстоятельства, Огудалова никак не препятствует встрече Ларисы с Паратовым...

Давайте опять сделаем несколько предположений.

1. **Если бы Паратов приехал еще до того, как Лариса дала согласие на брак с Карандышевым?** Допустим, что Огудалова также встретила с Паратовым и также узнала, что Паратов женится на богатой невесте, разрешила бы она встретиться Паратову с Ларисой или поступила бы иначе? Думается, что Огудалова, которая догоняла Ларису, бежавшую за Паратовым, которая столько стыда перетерпела после этого случая («не могла нигде показаться!») — думается, что Огудалова предприняла бы все, чтобы Лариса не увидела более Паратова.

Ведь если бы Огудалова после обстоятельного разговора с Паратовым распрошталась бы с ним, то, возможно, у Карандышева не было бы повода для столкновения с Паратовым, а затем — примирения и приглашения на злополучный обед. И все дальнейшие события развивались бы совсем иначе...

Совершенно очевидно, что предстоящая свадьба Ларисы и Карандышева для Огудаловой — абсолютная реальность, факт, дающий Огудаловой полную уверенность в устроенности будущей судьбы Ларисы: «Хоть плохонько, но устроена!» Только благодаря этому обстоятельству Огудалова совершенно спокойно разрешает Паратову встретиться с Ларисой.

2. А если бы Паратов приехал уже после свадьбы Ларисы с Карандышевым? В таком случае разрешение Огудаловой на встречу Паратова с Ларисой во все не потребовалось бы, так как это уже зависело бы от воли и желания четы Карандышевых.

3. А если бы в городе появился накануне свадьбы Ларисы не Паратов, а кто-то иной и при этом — возможный богатый жених?

Перед самым появлением Паратова в доме Огудаловых Харита Игнатьевна узнает от цыгана Ильи, что в город приехал какой-то барин.

«**Огудалова.** Кто же бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались... Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?»¹

Очень может быть, что при появлении такого жениха Харита Игнатьевна предприняла бы усилия на то, чтобы приостановить свадьбу Ларисы с Карандышевым и сделала бы все, чтобы заполучить богатого жениха...

Но Огудаловой совершенно ясно, что Паратова, собирающегося жениться на богатой, заполучить в качестве жениха Ларисы не удастся.

Может быть, Огудалова способствует встрече Ларисы с Паратовым для того, чтобы и Лариса знала, что Паратов собирается жениться на богатой, чтобы Лариса наконец абсолютно освободилась от мыслей о Паратове. Во всяком случае, вполне возможно, что приезд в город не какого-то неизвестного и богатого жениха накануне свадьбы Ларисы, а именно Паратова, освобождает Огудалову, от последних неясных надежд и заставляет с полной уверенностью идти на брак Ларисы с Карандышевым.

Итак, теперь ясно, что событие «приезд в город Паратова накануне свадьбы Ларисы» является крупным событием и для Огудаловой. Это событие также нельзя изъять из этой роли, не изменив при этом сущности роли.

Надо, очевидно, проверить значимость этого события и для всех остальных действующих лиц.

Для Кнурова. Кнуров собирается в Париж на выставку. Помимо деловых целей, он хотел бы и приятно провести там время...

«**Кнуров.** Приятно с ней (Ларисой.— *А. П.*) одной почаше видеться, без помех.

Вожеватов. Жениться надо.

Кнуров. Жениться! Не всякому можно, да и не всякий захочет. Вот я, например, женатый.

Вожеватов. Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменych.

¹ Действие II. Явление V.

Кнуров. Вы думаете?

Вожеватов. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ли, случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева да: замуж!

Кнуров. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

Вожеватов. ...Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч.

Кнуров. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

Вожеватов. Где мне! Я простоват на такие дела...

Кнуров. Ну, да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело... И все-таки вы с ней гораздо ближе, чем другие...»¹

Когда же Кнуров узнает от Вожеватого, что в город приезжает Паратов, в которого Лариса была безумно влюблена, он моментально ориентируется, он понимает, что приезд Паратова может все изменить в судьбе Ларисы.

Сцена развивается следующим образом. Вожеватов говорит о Карандышеве.

«**Вожеватов.** ...таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что того и гляди — наткнется на кого-нибудь...

Кнуров. Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтобы все видели; поломается, поколотят его раз, два, ну, он и доволен...

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать...

Кнуров. ...эта женщина создана для роскоши... Дорогой бриллиант — дорогой и оправы требует.

Вожеватов. ...и хорошего ювелира.

Кнуров. Совершенную правду вы сказали...»²

Как только приезд Паратова становится фактом, Кнуров тот-час же бежит к Огудаловым, хотя до этого не очень часто посещал их дом...

«**Огудалова.** На чем записать такое счастье! Мокий Парменыч! Очень благодарна, что удостоили. Я так рада, растерялась, право... Не знаю, где и посадить вас... Как это вы вздумали?

Кнуров. Брожу ведь я много пешком перед обедом-то. Ну, вот и зашел. Так... Выдайте замуж Ларису Дмитриевну?

Огудалова. Замуж, да, Мокий Парменыч.

Кнуров. Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет. Ну, понимаете, тривиального, что нужно для бедной семейной жизни... Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

Огудалова. Опять беда, Мокий Парменыч — чем мне жить с дочерью?

Кнуров. Ну, эта беда поправимая. Теплое участие сильного, богатого человека... Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтобы вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтобы знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею...»³

¹ Действие I. Явление II.

² Действие II. Явление II.

³ Действие II. Явление II.

Паратов приглашен на обед. Кнуров вместе с Вожеватовым всячески содействуют сближению Паратова с Ларисой. Кнуров поддерживает Вожеватова в организации заволжской пирушки. Поездка за Волгу состоялась. Паратов добился своего... Все возвращаются обратно.

«Кнуров. Кажется, драма начинается.

Вожеватов. Похоже.

Кнуров. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел... Как хотите, а положение ее незавидное...

Вожеватов. Мудреного нет. Сергей Сергеич ни над чем не задумается — человек смелый.

Кнуров. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет... Так, посудите, каково ей, бедной!

Вожеватов. Что делать-то! Мы не виноваты, наше дело сторона!»¹

Паратов сообщает Ларисе о своей женитьбе. Лариса в отчаянии. И тут появляется Кнуров со своим предложением — взять Ларису на содержание, то есть — стать его любовницей.

После мучительной борьбы с собой Лариса... готова принять предложение Кнурова... Вполне возможно, что мечты Кнурова сбылись бы, если бы не... выстрел Карандышева...

Попробуем исключить событие «приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы» из жизни Кнурова...

1. Что было бы, если бы Паратов приехал еще задолго до свадьбы Ларисы? Был бы у Кнурова повод отправиться тотчас к Огудаловой и сделать ей предложение? Очевидно, нет, так как совершенно неизвестно, к чему привела бы встреча Ларисы с Паратовым в ситуации, когда Ларису с Карандышевым еще ничего не связывает. Так же, как, очевидно, не было бы у Кнурова повода сделать свое последнее предложение Ларисе.

2. Что было бы, если бы Паратов приехал уже после того, как Лариса стала женой Карандышева? Был бы повод у Кнурова отправиться с предложениями к Огудаловой? Возможно, но Кнурову, наверное, очень долго пришлось бы ждать выгодного момента для такого предложения.

Именно тот факт, что бывший возлюбленный Ларисы «Паратов; приезжает накануне ее свадьбы с совершенно нелюбимым Карандышевым», именно этот факт дает возможность Кнурову надеяться, что Лариса может все поломать в последний момент и свадьба не состоится. Но, с другой стороны, Кнуров так же уверен, что Паратов «не променяет миллионную невесту» на бесприданницу Ларису. Кнуров понимает, что Лариса может оказаться в очень тяжелом состоянии — он на это и рассчитывает.

Итак, для Кнурова «приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы» очень значительное событие.

Оно толкнуло Кнурова к действию и дало возможность почти достичь своей цели.

А что значит для **Вожеватова** «приезд в город Паратова накануне свадьбы Ларисы»?

Мы знаем, что Вожеватов сговорился с Паратовым купить у него пароход. Он специально прибыл на набережную, чтобы встретить Паратова. Но только ли этим исчерпывается интерес Вожеватова к приезду в город Паратова?

¹ Действие IV. Явление V.

Вспомним, что, как только Вожеватов узнает о намерениях Паратова «прощаться с холостой жизнью», он первый сочиняет весь план этого «прощанья»:

«**Вожеватов.** Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном катере цыгане, на другом мы: приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим...

Гаврило. Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлька серебряная водится для таких okazji, уж я и своих людей с вами отпущу.

Вожеватов. Ну, ладно. Чтобы к шести часам все было готово...»¹

Как же так? Ведь сегодня Вожеватов приглашен на обед к Карандышеву, устраиваемому в честь Ларисы! Может быть, Вожеватов забыл об этом?

«**Вожеватов.** А назад поедem, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Паратов. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью так, чтобы было, чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

Вожеватов. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич!

Кнуров. Отозваны мы.

Паратов. Откажитесь, господа.

Вожеватов. Отказаться-то нельзя. Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

Паратов. Лариса выходит замуж!..

Вожеватов. Уж, наверное, и вас пригласят...

Паратов. Само собой, как же можно без меня!..

Вожеватов. Там и потолкуем, как нам веселее время провести. Может, и еще что придумаем...»²

Оказывается, Вожеватов, предлагая «сочинить» прогулку за Волгу, не только не забыл об обеде у Карандышева, но почти косвенно пригласил на этот обед и Паратова. Более того, на обеде Вожеватов первый подал мысль пригласить за Волгу Ларису. Неправда ли, складывается впечатление, что развитием всех событий как бы режиссирует Вожеватов? Может быть, Вожеватов, как и Кнуров, с самого начала рассчитал, что если Лариса встретится с Паратовым, да еще уедет за Волгу с карандышевского обеда, то все случится так, что потом Вожеватову не трудно будет «утешить» ее на правах старого друга? Может быть, и так... Но вот что вызывает недоумение: если у Вожеватова были такие планы, зачем: же ему во все свои планы посвящать возможного соперника Кнурова? Ведь Кнурова натолкнул на возможность действий не кто иной, как Вожеватов. Не успел Вожеватов встретиться на набережной с Кнуровым, как тут же сообщил ему и о приезде Паратова, и ошарашил последнего всеми другими новостями.

«**Вожеватов.** Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

Кнуров. Как замуж? Что вы! За кого?

Вожеватов. За Карандышева.

Кнуров. Что за вздор такой! Вот фантазия... Неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме

¹ Действие I. Явление VII.

² Действие I. Явление VII.

Карандышева, совсем женихов не было?

Вожеватов. Были, да ведь она простовата... К кому расположена — нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла. А он — месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез, неизвестно куда... А уж как она его любила, чуть не умерла!.. Бросилась за ним догонять. Уж мать со второй станции воротила»¹.

Зачем так поступает Вожеватов, пока не ясно. Непонятно, зачем Вожеватов тратит столько энергии ради столь неверного дела — ведь уступил под конец Ларису Кнурову?! Не будем пока торопиться с точным определением мотивов всех поступков Вожеватова.

Сейчас только важно установить, что «приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы» дает возможность Вожеватову развить столь бурную деятельность и втравить в интригу и Кнурова, и Паратова, и Ларису... **Следовательно, для Вожеватова нельзя исключить это событие из «жизни человеческого духа роли».**

Ясно, что для **Гаврилы и Ивана**, как и для всех трактирных слуг, цыган, извозчиков, «приезд в город богатого и щедрого барина Паратова» — также большое событие: они все на нем хорошо зарабатывают. Конечно, они не знают (а если бы и знали, то их бы это вряд ли заинтересовало), что Паратов приехал накануне свадьбы Ларисы. Но их волнует сам факт «прибытия Паратова».

А для Робинзона? Прибытие Паратова в город, где знать города так радушно принимает не только Паратова, но и Робинзона, безусловно, немаловажный факт и для Робинзона.

Часто ли он бывает в таком обществе, да еще на правах друга богатого барина?.. Робинзон настолько почувствовал себя человеком, что даже разрешает себе оборвать купчика Вожеватова, который позволил себе фамильярное обращение с Робинзоном.

«**Вожеватов.** Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдемшь.

Робинзон. Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафт не пили.

Вожеватов. Это все равно... Что за церемонии!

Робинзон. Но я фамильярности не терплю...»²

События развиваются далее. Вожеватов обещает Робинзону повезти его с собою в Париж. Робинзон в восторге от Вожеватова! Но... Но затем выясняется, что это была просто «купеческая шутка»...

«**Паратов.** А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Робинзон. С кем это? С тобой, ля-Серж — куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено!.. Невежи!.. Я всегда за дворян!..

Паратов. Это делает тебе честь, Робинзон, но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло... Не отлучайся, ты мне будешь нужен!

Робинзон. Для тебя в огонь и в воду»³.

¹ Действие I. Явление II.

² Действие I. Явление VII.

³ Действие IV. Явление VII.

Робинзон перенес предательство Вожеватова, но у него еще есть, как он считает, друг Паратов — на этого дворянина можно положиться.

«**Паратов.** Робинзон, походи сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Робинзон. Ля-Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

Паратов. Кто «он»?

Робинзон. Карандышев.

Паратов. Так что ж мне за дело?

Робинзон. Он меня убьет!

Паратов. Ну вот, велика важность! Исполни, что приказывают! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон!

Робинзон. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

Паратов. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно, а вот, если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное! (*Уходит в кофейную.*)

Робинзон (*грозя кулаком*). О варвары, разбойники! Ну, попал я в компанию...»¹

Итак, Робинзон начинает свой путь в пьесе с того, что все его прекрасно принимают, у него появились друзья; а затем оказывается что он никому не нужен — всем наплевать на него. Можно ли при этом, без ущерба для «жизни человеческого духа роли» Робинзона, изъять событие «приезд в город Паратова»?

Если не будет «приезда в город Паратова», не будет повода для радости Робинзона от столь прекрасного приема в городе, а затем и для разочарования...

Итак, ясно, что **это событие является и для Робинзона крупным событием.**

Мы рассмотрели значение события «приезд в город Паратова накануне свадьбы Ларисы» для всех действующих лиц, кроме тетки Карандышева — Ефросиньи Потаповны. Правда, она появляется только лишь в III акте. **Значит, мы можем уверенно сказать, что для всех лиц, действующих в I и II актах, данное событие является чрезвычайно значительным.**

Следовательно, одно из крупных событий пьесы мы определили. Еще раз зафиксируем то, как мы установили, что это событие является действительно крупным событием.

Мы проверяли значение данного события для всех действующих лиц в данном сценическом куске (в I и II актах) и выяснили, что **это событие является фактором, определяющим поступки всех действующих лиц.**

Попробуем сделать первый вывод:

Очевидно, режиссеру, анализирующему дома пьесу, не обязательно выходить самому на площадку и проигрывать за всех все роли, то есть действием проверять правильность вскрытого им крупного события.

Очевидно, есть закономерность, которую можно проследить мысленно: **крупное событие тогда вскрыто верно, когда оно является таковым для всех действующих в данном куске пьесы героев.**

Еще раз отмечаем, что, определяя событие, нам пришлось устанавливать поступки всех действующих лиц. Но для того чтобы определить поступки действующих лиц, нам порою приходилось просматривать всю линию поведения действующих лиц по всей пьесе.

¹ Действие IV. Явление VIII.

Оказывается, когда мы отыскиваем событие, то, хотим мы того или нет, мы вынуждены погружаться в действенную суть всей пьесы, то есть в самую основу пьесы.

Пьеса может быть любого жанра, любого стиля, любой сложной литературной конструкции. Единственное условие, без чего немислима пьеса,— **действие**. Поэтому основой любой пьесы является происходящее в ней действие, а так как действие в пьесе развивается от одного «действенного факта» (термин К.С. Станиславского), то есть события, до другого, то, исследуя эти действенные факты, мы оказывается, познаем основу — «скелет пьесы» (термин К.С. Станиславского).

Глава IV

КРУПНЫЕ СОБЫТИЯ И СОБЫТИЯ МЕНЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ

Итак, пьеса развивается от одного крупного события к следующему.

Действие, вытекающее из крупного события, может распространиться на довольно большие куски пьесы. Например, как мы уже проследили, событие «приезд в город Паратова накануне свадьбы Ларисы» распространяется в пьесе более чем на два акта,— вплоть до следующего крупного события, которое случается лишь в конце III акта: «Лариса, прервав карандышевский обед, уехала с Паратовым за Волгу»! Это событие пьесы охватывает конец III и весь IV акты вплоть до последнего события — «смерть Ларисы». Все эти крупные события делят пьесу на большие куски.

Но пьеса ведь состоит не только из крупных событий. В кусках пьесы, заключенных между ними, случаются еще и другие события. Возможно, они не влияют на изменение поведения всех действующих лиц, но на чье-то поведение эти события все-таки влияют.

Как быть тут режиссеру? Как вскрыть событие небольшого куска пьесы? Каков критерий верности вскрытия данного события? Таков же, как и при вскрытии крупного события, или же здесь иные закономерности? Может быть, закономерности, присущие крупным событиям, являются таковыми только для них?

Давайте для примера разберем сцену из II акта «Бесприданницы», которую мы почти целиком поместили в этой книге¹.

В сцене действуют трое: Карандышев, Лариса и Огудалова. Давайте подумаем, каким событием определяются в этой сцене поступки Карандышева. Прежде всего, заметим, что Карандышев знает о приезде в город Паратова — он видел, что творится в городе в связи с приездом этого шикарного кутилы. Заметим, что Карандышев, как выясняется в этой сцене, знает и о продаже парохода «Ласточка». Вспомним также, что Карандышев утром, во время прогулки на бульваре, очень был занят предстоящим званым обедом, который сегодня должен состояться в его доме. Карандышев долго готовился к этому обеду. Кроме Огудаловых, он пригласил таких солидных, важных гостей, как Кнуров, Вожеватов... Ему, очевидно, очень важно было проследить, чтобы обед был подготовлен как следует. Ведь не сможет одна тетка Ефросинья Потаповна во всем этом разобраться и все как следует устроить (что впоследствии и обнаружилось!). И несмотря на столь важные обстоятельства, Карандышев бросает все предобеденные заботы и прибегает к Огудаловым.

Зачем? Ради чего? Сейчас, пока мы еще не познали всей пьесы, ответить исчерпывающе на этот вопрос трудно. Мы можем только предполагать. Весь город шумит и бурлит из-за приезда известного кутилы Паратова. Несколько часов назад Лариса сказала Карандышеву о Паратове: «...Разумеется, если б явился Сергей Сергеевич и был свободен, так довольно одного его взгляда...» Но Карандышев в связи с продажей «Ласточки» предполагает, что Паратов разорен.

Может быть, именно это событие — «разорение Паратова» — не дает возможности оставаться спокойно дома Карандышеву? Очевидно, он бежит к Огудаловым, чтобы драться «не на жизнь, а на смерть!» В его борьбе с Паратовым может быть теперь главным аргументом: «А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал.

¹ Естественно, что в этой книге не было смысла помещать целиком тексты всех разбираемых кусков пьесы. Но, для настоящего понимания существа вопроса, было бы желательным, чтобы читатель во время чтения данной книги имел возможность прочитывать не только полный текст приводимых кусков, но и всю пьесу.

Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек...»

Карандышеву очень важно, очевидно, поспеть к Огудаловым еще до прихода к ним Паратова, чтобы разоблачить Паратова.

Итак, неурочный, неожиданный приход Карандышева к Огудаловым и дальнейшее его поведение у них прежде всего определяется «приездом в город разорившегося Паратова».

Ну, а Лариса знает о приезде Паратова? Очевидно, нет. Ведь Карандышев сообщает об этом далеко не сразу, чуть ли не в самом конце сцены. Чем же живет Лариса до сообщения Карандышева? Очевидно, тем, чем живет последнее время,— предстоящей свадьбой. Вероятно то, что она дала Карандышеву согласие на брак,— это событие руководит сейчас всеми ее поступками.

А Огудалова? Какое событие сейчас для нее самое важное? Очевидно, то же, что и у Ларисы,— предстоящая свадьба.

Следовательно, Карандышев живет событием «приезд Паратова», а Лариса и Огудалова — другим событием: «предстоящая свадьба». Но ведь если действующие лица живут разными событиями, то, очевидно, между ними конфликт не произойдет. Между тем конфликт обязательно, постоянно должен происходить в каждую секунду сценического действия.

Может ли быть такая ситуация, когда все действующие лица между собой не находятся ни в каком конфликте, ни в какой борьбе? Может быть, но только, очевидно, при одном условии: все действующие лица находятся в борьбе с кем-то, находящимся не на сцене, то есть в таком случае конфликт будет между действующими лицами, находящимися на сцене, и кем-то (или кем-то), находящимися вне ее.

Может быть, в разбираемом куске именно такова природа конфликта: все трое — и Карандышев, и Лариса, и Огудалова — все ;ведут борьбу с кем-то, находящимся не на сцене? Но ведь если все трое в борении с кем-то, то этот кто-то (или что-то) должен быть источником чего-то, нежелаемого для всех троих. Иными словами, событие для всех троих должно быть все-таки одно — общее!

Что же происходит в разбираемой нами сцене? В чем суть конфликта? Все ли предлагаемые обстоятельства, все ли факты мы учли, не пропустили ли чего? Чтобы убедиться в нашей правоте или найти ошибку, давайте посмотрим, что происходит в доме Огудаловых непосредственно перед самым моментом прихода Карандышева.

ДЕЙСТВИЕ II. Явление III

(с сокращениями.— А. П.).

Лариса (*берет гитару, садится к окну и запекает*).

Матушка, голубушка,
солнышко мое,

Пожалей, родимая,
дитяtko твоe!

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться.

Огудалова. Ну, вот и прекрасно. В какой уезд?

Лариса. В Заболотье!

Огудалова. Что ж, ничего, и там люди живут... Да оно и хорошо в захолустье по-

лотье не лучшее место на земле и Огудалова

жить, там и твой Карандышев мил покажется; пожалуй, первым человеком в уезде будет; вот, помаленьку и привыкнешь к нему.

Лариса. Да он и здесь хорош, я в нем ничего не замечаю дурного... Нет, уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам, собирать ягоды, грибы...

Огудалова. Вот для чего ты корзиночку-то приготовила! Понимаю теперь...

Лариса (*напевает*). «Не искушай меня без нужды!» Экая досада, не налажу никак (*взглянув в окно*). Илья, Илья! Зайди на минутку. Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

не столь восторженно относится к идее жить там, тем не менее и для нее Заболотье существует уже как какая-то определенная часть будущего Ларисы. Что ж, как будто бы мы не ошиблись: обе женщины заняты одним — предстоящим замужеством Ларисы...

Явление IV Входит Илья.

Илья. С праздником! Дай бог здорово, да счастливо!

Лариса. Илья, наладь мне: «Не искушай меня без нужды!» Все сбиваюсь. (*Подает гитару.*)

Илья. Сейчас, барышня. (*Берет гитару и подстраивает.*) Хороша песня. Она в три голоса хороша. Тенор надо: второе колено делает... Больно хороша. А у нас беда, ах, беда!

Огудалова. Какая беда?

Илья. Антон у нас есть, тенором поет... Пополам перегнуло набок, совсем углом... Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек стоит. Вот, какое дело у нас. Такого барина ждем...

Голос в окно. Илья, поди сюда, иди скорей...

Илья. Зачем? Что тебе?

Голос с улицы. Иди, барин приехал!

Илья. Обманываешь!

Голос с улицы. Верно, приехал!

Илья. Некогда, барышня, барин приехал. (*Кладет гитару и берет фуражку.*)

Огудалова. Какой барин?

Илья. Такой барин, ждем не дождемся... Год ждали. Вот, какой барин! (*Уходит.*)

Изменило ли линию поведения и Огудаловой, и Ларисы сообщение Ильи о приезде барина?

Явление V
Огудалова и Лариса.

Огудалова. Кто же бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет... Ах, Лариса, не прозевали ли мы Жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса. Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

Огудалова. Экое страшное слово сказала — «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала. Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолodu, чтоб потом пожить по-человечески.

Лариса. Нет, не могу, тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова. А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останемся ничем.

Лариса. Опять притворяться, опять лгать...

Огудалова. И притворяйся, и лги! Счастье не пойдет за тобой, если сама от него бежишь.

Входит Карандышев.

Конечно, и очень резко. Огудалова готова тотчас же отказаться от свадьбы с Карандышевым и почти требует этого же от дочери. Лариса упорствует. Столкновение между двумя женщинами нарастает. Огудалова продолжает наступать: для нее совершенно очевидно, раз приехавшему рады цыгане, значит, богат и холост.

Неизвестно, чем бы закончилась эта борьба матери и дочери, если бы совершенно неожиданно (ведь его не ждали и о его приходе ни кто не доложил) не вошел Карандышев.

Он застал женщин в момент бурного объяснения вызванного «приездом в город богатого, известного всем, барина»

Итак, совершенно очевидно, что после сообщения Ильи и мать, и дочь (каждая по своему) живут новым событием: **в город приехал какой-то богатый холостой барин, любитель цыган, который не был в городе целый год!..** И если для Огудаловой этот богатый барин — возможный жених, которого нельзя упускать, то для Ларисы факт появления такого барина может быть еще более значительным!.. Ведь почему-то же Лариса, как только приходит Карандышев, сразу же начинает умолять последнего поскорее ее увезти отсюда... А что означает это — «Мама, я боюсь, я чего-то боюсь...»?..

Может быть, Лариса боится, что этот приехавший барин не кто иной, как Паратов?! Во всяком случае, теперь совершенно ясно видно, что действие всех троих — и Карандышева, и Ларисы, и Огудаловой — обусловлены одним событием: «приездом в город накануне свадьбы Ларисы и Карандышева какого-то барина!»

Один Карандышев знает точно, что этот барин Паратов и что он разорен. Но ведь это не меняет сущности конфликта. Именно благодаря появлению барина, Огудалова теперь делает все, чтобы всячески оттянуть отъезд Ларисы из города. Ради этой цели она идет даже на союз с Карандышевым против дочери. Лариса умоляет Карандышева поскорее увезти ее из города. Надо бежать из города, так как мать снова начала и теперь окончательно замучает ее новыми женихами!..

Карандышев, заставший женщин в момент очень бурного объяснения, а затем выслушивающий мольбы Ларисы — «скорее увезти ее отсюда!» — воспринимает, возможно,

это как то, что обе женщины знают о приезде Паратова, причем наверняка думают, что Паратов — богатый жених.

Страх Ларисы перед этим «женихом» оскорбляет самолюбие Карандышева, и поначалу он не сообщает о крахе Паратова, но чем более Лариса просит увезти ее, тем более он упорствует в своем желании: и обед сегодня же провести, и свадьбу пышную устроить — «венчаться непременно здесь, чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара!..»

Карандышев идет на союз с Огудаловой против Ларисы, чтобы не уехать из города до свадьбы, чтобы свадьба была здесь, чтобы он мог до конца насладиться своим торжеством над Паратовым. И не случайно Лариса в бессилии перед этим мощным союзом восклицает: «Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите»...

Как мы теперь видим, в сцене заключен очень острый конфликт, и происходит он вокруг одного события: «в город приехал жених!».

Нам казалось, что люди живут разными событиями.

Наша первоначальная ошибка заключалась в том, что мы не обратили внимания на тот факт, что с приходом Ильи в жизнь Ларисы и Огудаловой ворвалось новое событие.

Очевидно, при поиске события нельзя пропускать факты: даже кажущееся на первый взгляд не очень значительным предлагаемое обстоятельство может оказаться важным для жизни «человеческого духа роли» событием.

Для определения события небольшого куска оказался непреложным тот же закон, что и для крупного события: **событие тогда вскрыто верно, когда оно является таковым для всех действующих лиц, занятых в данном куске пьесы.**

Надо сказать, что вскрытие событий дело совсем не такое простое, как это может показаться на первый взгляд. Иногда автор как бы специально прячет объединяющее всех событие столь глубоко, что очень не просто до него сразу докопаться. Приходится порою скрупулезно проверить мотивы поступков не только основных действующих лиц, но и самых, казалось бы, малозначительных, эпизодических. Ведь если более пристально взглянуть на то, каким образом нам удалось обнаружить свою ошибку при определении события в разбираемом эпизоде из «Бесприданницы», то мы увидим, что помогло нам разобраться в сути происходящего не только сообщение цыгана Ильи, но и все его поведение, мотивы его поведения. Илья ведь знает, что в город приехал барин Паратов — щедрый кутила, большой любитель цыган. С минуту на минуту цыганский хор во главе с Ильей может потребоваться барину. Совершенно очевидно, что Илья живет событием: «в город приехал богатый барин!» Поэтому Илья, не успев войти в дом Огудаловой, тотчас же сообщает о своих неотложных заботах; он как бы извиняется, что не может много времени уделить хозяевам. И, как только ему сообщают, что к ним, цыганам, барин приехал, он тотчас же убегает.

Очевидно, это поведение Ильи выглядит каким-то чрезвычайно необычным для Огудаловых. Столь взволнованное отношение цыгана Ильи к приезду какого-то барина заставляет и Ларису, и Огудалову понять, что приехало очень значительное для цыган лицо! Обе женщины делают разные выводы для себя, но приезд в город этого значительного лица становится событием для обеих женщин.

Заметим также, что, для того чтобы мы смогли понять значение для обеих женщин сообщения Ильи, нам пришлось погрузиться не только в прошлое их ролей, но и в будущее, то есть знать, какую огромную роль сыграет появление Паратова в их судьбах.

«Нет настоящего без прошлого, но нет его и без перспективы на будущее... Настоящее, лишенное прошлого и будущего — середина без начала и конца,— одна глава из кни-

ги, случайно вырванная и прочитанная... Настоящее — переход от прошлого к будущему. Факты пьесы, не поддержанные прошлым и будущим, остаются бесцельно висеть в воздухе»¹.

Действительно, при вскрытии событий пьесы (как говорит Станиславский — «действенных фактов») режиссеру приходится тщательно вдуматься не только в значение всех фактов, происходящих в самой пьесе, но и в значение фактов, случившихся до начала пьесы: он также должен представить себе факты, которые могут произойти после того, как опустится занавес.

¹ К. С. Станиславский. Полн. Собр. соч., т. IV, с. 81-82

Глава V ИСХОДНОЕ СОБЫТИЕ

С определения какого события следует начинать анализ? Станиславский советует анализировать значение фактов в той последовательности, в которой они идут у автора... Но ведь до того, как еще раскрылся занавес, что-то ведь уже случилось... Ни один миг жизни не находится вне какого-то уже случившегося события.

«Настоящая драма, хотя и выражается в форме известного события,— пишет Салтыков-Щедрин,— но это последнее служит для нее только поводом, дающим ей возможность разом покончить с теми противоречиями, которые питали ее задолго до события и которые таятся в самой жизни, издалека и исподволь подготовившей самое событие...»¹

Иными словами, настоящий драматург, выводящий в центре своей драмы какое-то значительное для него событие, должен проследить истоки этого события — с чего все началось? А следом за драматургом это сделать должны и мы — режиссеры.

Но если появление события в пьесе можно проследить по изменению поведения действующих лиц, то как определить то событие, которое случилось еще до начала пьесы, так называемое «исходное событие»?

Попробуем действовать тем же самым путем, каким мы действовали до сих пор: сначала определим, каким событием, случившимся до начала пьесы, определяются поступки одного действующего лица; затем проверим, не это ли событие руководит поступками и другого действующего лица, и третьего, и четвертого, и т. д., то есть всех без исключения действующих лиц, занятых в начале пьесы до того момента, пока не случится какое-то новое событие, уже в самой пьесе.

ДЕЙСТВИЕ I

Городской бульвар на высоком берегу Волги с площадкой перед кофейной. Направо от актеров — вход в кофейную, налево деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней вид на Волгу — на большое пространство: леса, села и прочее. На площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной другой — на левой.

Явление I

Гаврило стоит в дверях кофейной. Иван приводит в порядок мебель на площадке.

Иван. Никого народу-то нет на бульваре.	Совершаются ли какие-нибудь поступки? Если совершаются, то вследствие какого события?
Гаврило. По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли — семь часов отдых!	По ремарке автора Иван приводит в порядок мебель, а Гаврило стоит. Разговор идет о нравах горожан по воскресным дням: мы узнаем, что сегодня воскресенье и что сейчас около 12 часов дня («поздняя обедня» кончается примерно в это время) и что в это время почти никто не выходит на бульвар... Но что же все-таки происходит?
Иван. Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.	
Гаврило. А вот около вечереи проснутся, попьют чайку до третьей тоски...	
Иван. До тоски! Об чем тосковать-то?	
Гаврило. Посиди за самоваром поплот-	Никакого видимого конфликта между

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. О литературе и искусстве. М., «Искусство», 1953, с. 109

<p>нее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота первая-то тоска подступает... Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.</p> <p>Иван. Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он так себя утруждает?</p> <p>Гаврило. Для моциону.</p> <p>Иван. А моцион-то для чего?</p> <p>Гаврило. Для аппетита. А аппетит нужен ему для обеда. Какие обеды-то у него? Разве без моциону такой обед съешь?</p> <p>Иван. Отчего это он все молчит?</p> <p>Гаврило. «Молчит»! Чудак ты... Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы? С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь неподолгу от этого самого, да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург, за границу. Там ему просторнее.</p> <p>Иван. А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговорчив.</p> <p>Гаврило. Василий Данилыч еще молод, малодушеством занимается, мало себя понимает, а в лета войдет, такой же идол будет.</p>	<p>Гаврилой и Иваном как будто бы нет... Что же играть актерам в этой сцене? Создается даже впечатление, что Иван и Гаврило оба знают обо всем, что сообщают друг другу, то есть будто бы ведут диалог недруг с другом, а сообщают что-то публике...</p> <p>Что же, такой прием возможен. Но если это стилистический прием, диктующий манеру общения с зрительным залом, то он должен был бы возникать по ходу пьесы неоднократно. Увы! — ни в одной другой части пьесы не появляется ощущение, что действующие лица говорят что-то для публики, а не действуют между собой...</p>
---	--

Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит Вожеватов.

Явление II

<p>Вожеватов <i>(почтительно кланяясь)</i>. Мокий Парменыч, честь имею кланяться!</p> <p>Кнуров. А! Василий Данилыч! <i>(Подает руку.)</i> Откуда?</p> <p>Вожеватов. С пристани. <i>(Садится.)</i></p> <p>Кнуров. Встречали кого-нибудь?</p> <p>Вожеватов. Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.</p> <p>Гаврило. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?</p> <p>Вожеватов. Да, «Ласточку». А что?</p>	
---	--

Гаврило. Резво бегаёт, сильный пароход.

Вожеватов. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Гаврило. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

Очевидно, что прием прямого обращения в зал, равно как и диалог для зала не подразумевался автором... Может быть, если будут ясны мотивы поступков других действующих лиц, то мы сумеем затем понять и то, что делают Гаврило и Иван.

Мы уже знаем, что, когда Кнуров бывает в городе, то по воскресеньям, в это время дня он всегда прогуливается по бульвару. Вот Кнуров, очевидно нагулявшись, зашел в кафе. Он молча развернул французскую газету и сел читать. Произошло ли какое-нибудь событие? Возможно, что для Гаврилы и Ивана произошло маленькое событие — «пришел знатный посетитель»!

Но для Кнурова это не событие. Посмотрим далее. Входит Вожеватов, он сразу же сообщает, что ему не удалось пока встретить Паратова, который приезжает, чтобы продать ему, Вожеватову, пароход «Ласточку».

Из предыдущей части анализа мы уже знаем, что «возможный приезд Паратова» — событие, которое открыло Вожеватову довольно большое поле деятельности.

А что означает для Гаврилы и Ивана возможный «приезд Паратова»? Сообщение Вожеватова заметно меняет их поведение: и Иван, и Гаврило — оба сразу начинают следить за идущими по Волге пароходами, искать глазами «Ласточку», оживленно комментируют возможный приезд Паратова. Следовательно, не только для Вожеватова, но и для Ивана, и Гаврилы «возможный приезд Паратова» является событием.

А для Кнурова сообщение о приезде Паратова является ли важным событием, то есть меняет ли его поведение? Абсолютно не меняет. Он даже не участвует поначалу в разговоре. Событием для Кнурова становится сообщение Вожеватова о том, что «Лариса выходит замуж за Карандышева»! После этого сообщения Кнуров начинает тотчас же расспрашивать Вожеватова обо всех подробностях: и почему Лариса согласилась на этот брак, и откуда взялся «этот Карандышев», и нельзя ли с Ларисой «прокатиться в Париж», не будучи ее мужем?.. Новое же сообщение Вожеватова о том, что Лариса была «безумно влюблена» год назад в Паратова который сегодня приезжает,— это сообщение открывает перед Кнуровым совершенно иные перспективы в его отношениях с семьей Огудаловых.

«Паратов приезжает накануне свадьбы Ларисы!» — вот для Кнурова решающее, важнейшее событие, возникшее в начале I акта.

Входят Карандышев, Огудалова и Лариса (см. действие II, явление III). Знают ли Лариса и Огудалова о возможном приезде Паратова? Судя по их поведению — не знают. А Карандышев? Может быть, сцена ревности по поводу бывшего возлюбленного Ларисы Паратова, устроенная Карандышевым, когда они с Ларисой позже остаются одни, свидетельствует о том, что Карандышев уже знает о готовящейся продаже «Ласточки»? Тогда не понятно, что удерживает Карандышева сразу же (то есть в этой же сцене I акта) сообщить Ларисе о материальном крахе Паратова? Ведь это было бы Карандышеву чрезвычайно выгодно сделать еще до приезда Паратова в город. Очевидно, что Карандышев узнает и о приезде Паратова, и о целях приезда позже, то есть после появления Паратова в городе.

Итак, ни Карандышев, ни Лариса, ни Огудалова пока еще не знают о возможном приезде Паратова. Чем же они заняты? По всей вероятности, предстоящей свадьбой и всем, что с этим связано. Сегодня, например, обед, который «Карандышев устраивает в честь Ларисы». Очевидно, Карандышеву очень бы хотелось, чтобы такие люди, как Кнуров и Вожеватов, были сегодня у него на обеде... В таком случае, для Карандышева, Ларисы и Огудаловой событие, определяющее их поступки,— «сегодня обед в честь Ларисы»!

Получается такая картина:

1. В начале первого акта вообще нет никакого события. И Гаврило, и Иван, и Кнуров существуют как бы вне какого-то определенного события.

2. Затем появляется событие — «возможный приезд Паратова». Это событие задевает всех: Гаврилу и Ивана приезд Паратова радует, как возможный повод для обогащения; Вожеватова и Кнурова факт приезда Паратова волнует прежде всего потому, что Паратов приезжает накануне свадьбы Ларисы с Карандышевым.

3. Новое событие — «обед у Карандышева в честь Ларисы!» Для Карандышева, Ларисы, Огудаловой — это событие.

А событие ли это, например, для Кнурова? Почему он принимает приглашение Карандышева? Ведь только что, перед самым приходом Карандышева, вот что Кнуров говорил Вожеватову:

«Кнуров. ...Вам, например, частое посещение этого семейства (Огудаловых.— *А. П.*) не дешево обходится.

Вожеватов. Не разорюсь, Мокий Парменыч. Что ж делать! За удовольствия платить надо, они даром не достаются, а бывать у них в доме — большое удовольствие!

Кнуров. Действительно, удовольствие. Это вы правду говорите.

Вожеватов. А сами почти никогда не бываете.

Кнуров. Да неловко... Много у них всякого сброду бывает, потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут. Вот, например, Карандышев. Ну, что за знакомство для меня!...»¹

И после такой характеристики Кнуров все-таки соглашается прийти к Карандышеву в дом! Почему? Только потому, что попросила Огудалова? Но ведь, очевидно, Огудалова и прежде приглашала Кнурова, причем не в дом Карандышева, а к себе, и тем не менее Кнуров часто не принимал ее приглашения, избегая встреч с людьми, подобными Карандышеву...

Совершенно очевидно, что, если бы не «приезд Паратова», Кнуров не пошел бы в дом Карандышева. Очевидно, все то, что произошло затем на обеде у Карандышева (с участием Паратова!), созревало как возможный вариант в голове у Кнурова. Ведь не случайно, после того как Кнуров узнал всю ситуацию («приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы»), вот как они с Вожеватовым резюмируют и ситуацию, и возможную участь Карандышева.

«Вожеватов. ...Ему бы жениться поскорей, да уехать в свое именишко, пока разговоры утихнут, так и Огудаловым хотелось... А он таскает Ларису на бульвар... Голову так поднял высоко, что того и гляди наткнется на кого-нибудь...

Кнуров. Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломается, поколотят его раз, два... Ну, он и доволен, и идет спать...

¹ Действие I. Явление II.

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать...»¹

Похоже, что Кнуров и Вожеватов чуть ли ни обладают даром предвидения: тщеславие Карандышева, обед, который он устроил в честь своего торжества, и погубили его!.. Гибель эта произошла не без деятельного участия и Кнурова, и Вожеватова...

Очевидно, обед, на который их пригласил Карандышев, и Кнурову, и Вожеватову представился возможной ареной для осуществления их планов.

Если бы Карандышев не устраивал обед, то, возможно, сам Кнуров или Вожеватов, в связи с приездом Паратова, устроили бы обед и всех пригласили... Во всяком случае, Кнуров и Вожеватов искали бы, очевидно, предлога для того, чтобы Паратову были созданы условия для его сближения с Ларисой.

Таким образом, приглашение Карандышевым их на обед не является для них событием, а лишь удобным предлагаемым обстоятельством в связи с **большим событием** — **«приезд Паратова»**.

Следовательно, получается какая-то странная картина: в начале пьесы вообще ничего не происходит, затем одна группа живет одним событием — «приезд Паратова!»; появляется еще группа лиц, которая ничего не знает об этом событии и **живет совершенно другим событием** — **«обед в честь Ларисы!»**. Почему же так написал автор?

Может быть, его интересовала детективно-мелодраматическая сторона истории: вот, дескать, Лариса выходит замуж, ничего не зная о приезде Паратова, но приезжает любимый злодей Паратов и с помощью еще двух злодеев — Вожеватова и Кнурова — все разрушает?.. Что же, может быть, и такая история могла волновать Островского. Смущают все-таки некоторые обстоятельства.

1. Чем занят Кнуров до того, как узнает о всей ситуации (Паратов — Лариса — Карандышев) ?

2. Чем заняты Гаврило и Иван до того, как они узнают о приезде Паратова?

Правда, кто-нибудь может возразить: «Но это же просто экспозиция автора, чтобы ввести зрителей в курс дела, во все обстоятельства пьесы!»

Возможно, что для какой-то части теоретиков этот кусок пьесы так и будет называться «экспозицией». Но для практиков театра подобный термин ничего не говорит. Режиссеру и актерам надо знать, что играть. Актеры не могут ни одной секунды сценической жизни не действовать. А действие рождается только вследствие какого-то определенного факта — события!

Вот пример, который приводит М. О. Кнебель в своей новой книге «Поэзия педагогики»:

«...Однажды Станиславский замучил и учащихся, и педагогов (это было в оперно-драматической студии, которой он руководил), заставляя нас назвать первое событие «Горя от ума». После длительных дебатов мы назвали «приезд Чацкого».

— Это очень важное событие,— сказал Станиславский,— может быть, самое важное. Но чем прикажете жить актерам до неожиданного приезда Чацкого? Каждый миг сценического действия таит в себе какое-то событие — вот и вскройте его.

Один из учащихся стал говорить о том, что начало «Горя от ума» — это экспозиция, в которой Грибоедов хочет рассказать зрителям о быте фамусовской Москвы.

— А как прикажете сыграть это? — спросил, смеясь, Станиславский.— «Экспозиция»! Ну, а какое дело актерам до этого литературного термина? Актер должен знать, что он делает в каждую секунду, а вы ему предлагаете играть «экспозицию». Вне конкретного

¹ Действие I. Явление II.

действия — нет театра, нет подлинной сценической жизни. Ищите событие в самой пьесе, в ее ткани, забудьте такое слово, как «экспозиция!»¹

Далее Мария Осиповна рассказывает, как после подробного анализа поступков действующих лиц и предлагаемых обстоятельств удалось, наконец, определить первое событие пьесы: «ночное свидание Софьи с Молчалиным затянулось до утра!».

Как видим, это событие не столь глобальное; на первый взгляд оно незначительное, даже какое-то бытовое: «ну, свидание, ну и что? Подумаешь, как важно, что до утра засиделись?»

Оказывается, что это обстоятельство очень важно для всех действующих лиц.

«Подумаем (сказал Станиславский.— *А. П.*), велик ли риск для Софьи, Молчалина и Лизы? Очень велик.

Молчалин может лишиться места, которым он очень дорожит, Лиза крепостная и ее могут отправить на конюшню и выпороть. Софью ожидает гнев Фамусова, может быть, ее отдадут насильно замуж за кого-то, а может быть, как это и получилось в конце пьесы, отправят «к тетке в глушь, в Саратов...».

Прошу всех называть последовательность действий, возникающих из вами уже определенного события...

...Лиза проснулась, видит, что рассвело, просит влюбленных расходиться, торопит. Переводит часы, чтобы обратить их внимание на опасность... Бой часов, смешанный со звуками флейты и фортепьяно (вспомним, что Софья с Молчалиным наслаждались музыкой.— *А. П.*), разбудил хозяина дома. Фамусов застаёт Лизу... Наш ум входит Софья... Молчалин и Софья не успевают разойтись, их настигает Фамусов. Скандал...

...Вот, сколько действий вобрало в себя одно событие — «ночное свидание Софьи с Молчалиным»².

Не будем сейчас подробно разбирать, какое значение имеет это исходное событие для развития всей грибоедовской комедии. Чтобы понять закономерность такого, казалось бы, простенького исходного события — «ночное свидание затянулось до утра», вспомним, что кончается пьеса тоже таким обыкновенным событием: «вечернее свидание обнаружено всеми...».

Итак, исходное событие «Горя от ума», вскрытое Станиславским, охватывает всех действующих лиц, занятых в куске пьесы, ограниченным появлением нового события — «приезд Чацкого!». Следовательно, и для исходного события существуют те же закономерности, что и для любого другого события, то есть оно обязательно должно быть событием для всех действующих лиц, занятых в начале пьесы? Но как же тогда нам быть с началом пьесы «Бесприданница», где разные действующие лица живут разными «ведущими предлагаемыми обстоятельствами»?³ Может быть, все-таки правило обязательности события для всех действующих лиц имеет исключения? Или, во всяком случае, это правило не ко всем пьесам подходит? Ведь в реальной жизни очень часто встречается ситуация, когда какое-то происшедшее событие, чрезвычайно взволновавшее определенную группу лиц, другую группу лиц оставило совершенно равнодушными...

«...(кто-то) может сказать, что он видел такую сцену... Нужды нет: сцена тем не менее остается психологически неверною... У действительности — свои законы, у искусства — свои... Художник... должен писать не с события, а с отражения его в своей творческой фантазии, то есть должен создать правдоподобия, которые бы оправдывали события в его

¹ М. О. Кнебель. Пoesия педагогики, с. 314

² М. О. Кнебель. Пoesия педагогики, с. 315-316

³ Термин Г. А. Товстоногова.

¹ А. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма. Письмо к Валугеву. Л., Гослитиздат, 1938, с. 309-310

Глава VI

ЗАКОНЫ ЖИЗНИ И ЗАКОНЫ ИСКУССТВА

В реальной жизни встречаются, конечно, любые события и любые варианты отношения к ним, хотя и они, безусловно, подчинены общей, глубокой закономерности. В искусстве — свои закономерности. Анализируя произведение искусства, а не реальный кусок жизни, мы должны искать закономерности, свойственные данному искусству. Ведь любому писателю, когда он еще только начинает создавать свое будущее произведение, конечная цель ясна: он знает, что он хочет сказать. И для того чтобы высказать то, что ему представляется необходимым, писатель ищет и сюжет, и характеры...

Очень четко выразил свое отношение к этому моменту творческого процесса наш современник, писатель Юрий Бондарев:

«...Основная идея вещи, общее ее течение должны быть всегда ясны. Без этого нет смысла садиться за стол. Главное — все время чувствовать, во имя чего пишешь, знать, что любишь и что ненавидишь, а следовательно, за что борешься»¹.

Конечно, процесс творчества сложен и противоречив. Вполне возможно, что писателя могут заинтересовать увиденные им в реальной жизни характеры или происшедший случай, а уж только потом появится замысел будущего произведения. Безусловно, начало процесса творчества у каждого художника и в каждом отдельном случае происходит по-разному. **Но во всех случаях обязательно наступает момент отбора, то есть момент, когда художник отбирает только то, что ему необходимо для утверждения своей мысли.**

Невольно вспоминается знаменитое изречение Гете: «Творчество — это самоограничение!»

Толстой писал А. А. Фету: «...работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа... Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения... обдумать миллионы возможных сочетаний. Для (того) чтобы выбрать из них 1/1000000, ужасно трудно. И этим я занят»². А. П. Чехов: «...Я ...никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично»³.

Действительно, у настоящего писателя нет ничего лишнего. Каждая ситуация, каждое событие, каждый характер, пусть даже самый эпизодический, необходим для раскрытия главной мысли. Но у драматического писателя основное средство для выражения своей мысли — это создание борьбы, происходящей на глазах у зрителя и заставляющей зрителя принять участие в этой борьбе: то есть зритель должен стать на сторону одной из борющихся сторон. Борьба эта может быть самой разнообразной. Могут бороться противоборствующие группы людей, может один человек бороться против всех остальных; могут все бороться с кем-то или с чем-то, находящимся вне реальной достигаемости всех действующих лиц; противоборствующие силы могут находиться в одном и том же человеке, и тогда борьба будет происходить в его сознании, в его душе...

Но настоящий писатель всегда построит свое произведение так, чтобы его тенденция (пусть глубоко скрытая) была обязательно почувствована зрителями, то есть чтобы зрители понимали, на чьей стороне находятся симпатии автора.

¹ Ю. Бондарев. Поиск истины. М., «Современник», 1976, с. 12

² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 61. М., ГИХЛ, 1928-1955, с. 240

³ А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XVII. М., Гослитиздат, 1944-1951, с. 193

Лев Толстой считал, что «...как нельзя утаить в мешке шила, так нельзя в художественном произведении скрыть то, что составляет предмет любви автора»¹.

А. Н. Островский на этот счет высказывался также абсолютно уверенно: «...Идеалы должны быть определенны и ясны, чтобы в зрителях не оставалось сомнения, куда им обратить свои симпатии или антипатии»².

А так как симпатии или антипатии должны возникать по воле автора к одной из борющихся сторон, то поэтому уже в самом начале пьесы писатель обязательно закладывает начало того конфликта, вокруг которого должна будет развиваться и расти борьба по ходу всей пьесы. Но конфликт может возникнуть только вокруг какого-то явления, события... Это событие не обязательно должно носить глобальный характер. Как мы уже видели, столь глубокое произведение, как «Горе от ума», — произведение, отразившее целую эпоху российской жизни, — начинается с конфликта вокруг очень незначительного на первый взгляд случая — «Молчалин задержался в комнате Софьи более, чем следовало бы...». Но
вернемся к «Бесприданнице».

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 67, с. 172

² А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XII. М., Гослитиздат, 1949-1953, с.255 (в дальнейшей все цитаты по этому изданию. — А. П.)

Глава VII

ИСХОДНОЕ СОБЫТИЕ И УЧАСТВУЮЩИЕ В ЭТОМ СОБЫТИИ ХАРАКТЕРЫ

Пьесу «Бесприданница» начинают два человека, которые вовсе не являются главными действующими лицами пьесы. Но ведь такой писатель, как Островский, очевидно, не случайно начинает пьесу с забот буфетчика Гаврилы и слуги Ивана. Ведь не стал бы Островский выводить на сцену персонажи, которые заняты проблемами, совершенно не связанными с главной проблемой произведения.

Вот что писал Островский по поводу повести А. Ф. Писемского «Тюфяк»: «...Эта повесть истинно художественное произведение. Мы можем сказать это смело, потому что она удовлетворяет всем условиям художественности. Вы видите, что в основании произведения лежит глубокая мысль, и вместе с тем так ясно для вас, что зачалась она в голове автора не в отвлеченной форме, не в виде сентенции, **а в живых образах, для первого взгляда, как будто случайно сошедшихся в одном интересе...** (Разрядка моя.— А. П.) Едва ли нужно повторять, что высказанное нами составляет единственное условие художественности»¹.

«Живые образы, сошедшиеся в одном интересе» — трудно точнее сформулировать основной закон всякой драмы! И уж коли авторство этого положения принадлежит Островскому, то вряд ли стоит предполагать, чтобы в своей писательской деятельности Островский отступил от самим же им открытой важнейшей теоретической закономерности.

Наверняка интересы начинающих пьесу персонажей Гаврилы и Ивана должны «сойтись в одном интересе» со всеми другими, более важными персонажами пьесы, чтобы мысль автора была выражена «не в виде сентенции...» **Но как отыскать эти интересы живых сценических образов, через что выражаются эти интересы? Только через борьбу, только через конфликт, возникающий в результате какого-то совершившегося события.** Следовательно, нам надо прежде всего отыскать событие, диктующее поведение и Гаврилы, и Ивана. Итак, чем же занят Гаврило? Знает ли он о приезде Паратова? Нет. Следовательно, пока это не событие для него. Знает ли он о готовящейся свадьбе Карандышева и Ларисы или о сегодняшнем обеде Карандышева? Ни он, ни Иван об этом не упоминают, да и никаких приготовлений к обеду Карандышева они делать не могут, так как (это выясняется в III акте) тетка Карандышева сама покупала продукты и наняла какого-то повара. Ивана же Карандышев приглашает «слушать у стола» только в конце I акта.

Стало быть, ни готовящаяся свадьба, ни карандышевский обед не могут быть событием ни для Гаврилы, ни для Ивана. Давайте все-таки еще раз попристальнее взглянем на предлагаемые обстоятельства и на отношение к ним Гаврилы и Ивана.

Может быть, какое-нибудь из предлагаемых обстоятельств, кажущееся на первый взгляд не столь значительным, на самом деле и определяет поведение и Гаврилы, и Ивана.

Прежде всего, кто такой Гаврило? Островский в перечне действующих лиц пишет: «Гаврило — клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре». Почему Островский указывает на то, что Гаврило клубный буфетчик? Ведь в пьесе ни разу он не действует как клубный буфетчик. Вообще слово «клуб» произносится в пьесе всего один раз: Кнуров, недовольный обедом у Карандышева, говорит: «Я, господа, в клуб обедать поеду, я не ел ничего».

¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 151

Зритель, который не прочтет афишу или программку, никак не сможет догадаться, что, кроме того, что Гаврило владеет бульварной кофейной, он еще и служит в каком-то клубном буфете. Так для чего же Островский настаивает на том, что он, прежде всего, клубный буфетчик? Очевидно, Островскому было важно, чтобы актер, играющий Гаврилу, знал об этом предлагаемом обстоятельстве.

Допустим, если сегодня кто-либо из авторов в перечне действующих лиц, рядом с именем эпизодического персонажа, пишет: «лифтерша, пенсионерка» или «чистильщик обуви, лицо кавказского типа», то в нашем сознании обязательно возникают какие-то типические черты подобных персонажей.

Совершенно очевидно, что во времена Островского для актера, прочитавшего на своей роли «клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре», эти слова наполнялись каким-то живым смыслом. Возникало, очевидно, что-то очень знакомое, часто встречающееся...

Но сегодня для нас ни «клубный буфетчик», ни «владелец кофейной на бульваре» почти никаким смыслом не наполняются. Очевидно, мы должны понять, что означало быть клубным буфетчиком во времена Островского.

Прежде всего, что такое был клуб? Какие были клубы в то время? В Москве был знаменитый «Английский клуб». Попастъ в члены этого клуба было далеко не просто и дворянам. Членство этого клуба бывало часто предметом гордости. Многие тратили массу усилий, чтобы добиться этого. Английский клуб был одним из наиболее старых московских клубов. Позже, во времена, описываемые Островским, помимо дворянского клуба, появились и другие клубы: офицерские собрания, клубы для нижних чинов, приказчицы и купеческие клубы...

В 80-е годы прошлого века (время написания «Бесприданницы») новый класс России — молодая буржуазия (бывшее купечество) наступал «на пятки дворянам» во всех сферах жизни. Купеческие клубы в крупных городах не только ни в чем не уступали дворянским, но часто и превосходили их и в роскоши, и в той бурной жизни, которая проходила в стенах этих клубов. Клубы часто служили местом, где заключались миллионные сделки и тут же по этому поводу устраивались грандиозные пиршества и веселье. Конечно, на этих пирушках наживались в основном хозяева клуба, хозяева ресторана, но кое-что перепало и буфетчикам...

Очевидно, в подобном купеческом клубе долгие годы работает в буфете и Гаврило. Наконец, накопив деньги, он открыл свое маленькое дельце — кофейню на бульваре. Случайно ли он выбрал именно это место? Где обычно устраивались и устраиваются подобные заведения? Во-первых, в том месте, где бывает много людей, а во-вторых, только там, где у людей может возникнуть потребность посидеть за рюмочкой вина или чашечкой кофе (или чая), поговорить о делах или просто провести время... Очевидно, это место на бульваре, на берегу Волги, недалеко от пароходной пристани, привлекло Гаврилу, прежде всего, своими деловыми возможностями: люди, встречающие пароход, ожидающие парохода или просто приехавшие в город, могут зайти в кофейню, проезжающие мимо города во время стоянки парохода также могут здесь перекусить (ведь в те времена далеко не на всех пароходах были буфеты!). А сколько на пароходах уже в то время перевозилось грузов? Почему бы дельцам не обмывать свои сделки тут же у Волги, в кофейне у Гаврилы, не обязательно ехать для этого непременно в клуб. А захотят устроить пикничок с выездом на ту сторону Волги — опять же заведение Гаврилы все может исполнить в лучшем виде! Почему бы и гуляющей по бульвару публике не зайти в заведение Гаврилы? Ведь какая прекрасная публика рассказывает вечерами, а по воскресеньям и днем по бульвару! С чем может сравниться в эти часы приволжский бульвар, разве только с петербургским

Невским проспектом?!

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере, в Петербурге — для него он составляет все...

Все, что вы не встретите на Невском проспекте (читай — «приволжском бульваре». — *А. П.*), все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками; дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках... Тысячи сортов шляпок, платьев, платков — пестрых, легких ослепят хоть кого. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнующейся блестящею тучею над черными жуками мужского пола. Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда... Люди... большей частью... занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, словом, большею частью все порядочные люди. В это благословенное время... происходит главная выставка всех лучших произведений человека...»¹

Да, и в Бряхимове на приволжском бульваре (почти, как на Невском) гуляет по праздникам толпа «чистой публики»! Но, в отличие от Петербурга, где все, по мнению Гаврилы, открыто, свободно могут войти в кофейню или кондитерскую и выпить шампанского, здесь по воскресным дням почти никто не пьет. «По воскресным дням надо богу молиться, а не водку пить!» Поэтому простой люд «с тоски» напивается после обедни дома, а «чистая публика» заходит только... чтобы газетку почитать французскую... В воскресенье чопорно гуляют парочки по бряхимовскому бульвару и следят за нравственностью друг друга. Даже такие состоятельные и, казалось бы, независимые люди, как Вожеватов и Кнуров, и те вынуждены считаться с мнением общества — вынуждены пить шампанское из чайников — не дай бог, если кто узнает, что они «с утра пьют шампанское...».

Пустует заведение Гаврилы по воскресеньям!.. Ах, как ненавидит Гаврило своих земляков за их темноту — «По старинке живем!..» И как он завидует тем, кто может уехать отсюда в Петербург или за границу — завидует он Кнурову: «...С кем ему разговаривать?.. Он и живет здесь не подолгу от этого самого, да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург, да за границу, там ему просторнее...» Поэтому и не любит Гаврило Кнурова, за глаза обзывает «идолом», что в любую минуту может Кнуров уехать отсюда туда, где есть «с кем разговаривать!»

Особенно погано Гавриле в праздники — в воскресные дни, в час после поздней обедни, то есть в 12 часов дня. «По праздникам всегда так. По старинке живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли семь часов отдых...» Только «чистая публика» гуляет по бульвару, а эта и вовсе по воскресеньям не пьет... По воскресеньям и пароходы-то почти не ходят, один только «Самолет» за весь день проплывает...

12 часов, то есть полдень воскресного дня, очевидно, всегда самое «мертвое» время для заведения Гаврилы. Очевидно, он чуть ли не заставляет себя в это время идти в свою кофейню. Посмотрите, как он ругает всех горожан за их воскресные обычаи. Сколько желчи, личной обиды в его словах!..

Слуга Иван — тот молод, тот еще надеется, что скоро кто-то придет к ним: «Вон и Кнуров показался, может быть, и Вожеватов зайдет»... Иван расставляет стулья, а Гаврило стоит неподвижно и только «ругает» всех и вся...

Предлагаемые обстоятельства **«опять полдень воскресного дня»**, — **пожалуй, самое главное, самое «ведущее предлагаемое обстоятельство»** и для **Гаврилы**, и для **Ивана**. Вокруг этого события существует конфликт Гаврилы и с этим распроклятым городом Бряхимовом, и со слугой Иваном.

«Опять полдень воскресного дня!» — является ли это событием и для Кнурова? По-

¹ Н. В. Гоголь. Петербургские повести. М., «Худож. лит.», 1969, с.23-28

пробуем разобраться.

Судя по всем дальнейшим поступкам, Кнуров очень хочет добиться близости Ларисы. Если воображение Кнурова еще до встречи с Вожеватовым действительно уже было целиком занято Ларисой, то, очевидно, он должен был знать, что в последние дни, примерно в это время, Карандышев, по выражению Вожеватова, «таскает Ларису на бульвар». А коли так, то, возможно, поэтому Кнуров в последние дни именно в это время прогуливается по бульвару, чтобы лишний раз увидеть Ларису? Но если бы дело обстояло именно таким образом, то Кнуров не мог бы не заметить то, что замечают давно другие: с каким победным видом шагает рядом с Ларисой Карандышев!

«...Голову так высоко поднял, что того гляди наткнется на кого-нибудь... Кланяется — едва кивает...» У Кнурова, естественно, должен был бы возникнуть вопрос: почему в последнее время Огудаловых в их прогулках постоянно сопровождает именно Карандышев? А коли такой вопрос бы возник, то он тут же узнал бы о готовящейся свадьбе Ларисы с Карандышевым...

По автору же, не только о свадьбе Ларисы, но и о прогулках Карандышева с Ларисой по бульвару Кнуров ничего не знал. Он впервые услышал обо всем от Вожеватова.

Следовательно, если даже Лариса и занимает воображение Кнурова, то все-таки не она причина того, что в этот воскресный час он (по выражению Ивана) «бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию...».

Проверим другую версию: Гаврило утверждает, что прогулки Кнурова вызваны необходимостью нагулять себе аппетит перед едой. Если он прав, то такая пунктуальная забота о своем здоровье должна быть определенной чертой характера Кнурова. Человек, внимательно следящий за своим аппетитом, постоянно, изо дня в день, в определенные часы гуляющий ради этого, вряд ли станет без серьезных поводов нарушать свой режим...

Как же поступает Кнуров? Сначала, нарушая прогулку, он садится читать газету... Впрочем, он, может быть устал и решил немного передохнуть, а затем вновь приняться за свой «моцион». Но вот приходит Вожеватов, и Кнуров не только вступает с ним в длительную, причем поначалу совсем не обязательную болтовню «о том и сем», но и начинает вместе с Вожеватовым («с утра!») пить шампанское! Причем, его совершенно не беспокоит, что такие возлияния натошак (в его возрасте!) не «очень полезны» для здоровья... Где же тут забота о здоровье?... Похоже, что Гаврило ошибается: не забота о здоровье, а что-то иное гонит каждое утро Кнурова к Волге...

В перечислении действующих лиц Островский пишет так:

«Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек с громадным состоянием».

Первому исполнителю роли Кнурова на петербургской сцене Ф. А. Бурдину А. Н. Островский писал: «...Я более года думал, чтобы написать для тебя **роль спокойную и типичную, т.е. живую**; я тебе вперед говорил о ней; в Москве эту роль исполняет Самарин, он горячо благодарил меня, что я даю ему возможность представить **живой, современный тип**»¹. (Разрядка моя.— А. П.) В чем же Островский видел типичную современность Кнурова?

Что это были за «крупные дельцы последнего времени»? Восьмидесятые годы прошлого столетия — это было время бурного роста российской буржуазии. Потомки бывших купцов уже давно забыли про «смазные сапоги» и «бороды лопатой». Это были люди, как правило, получившие образование, владеющие языками, часто меценатствующие. И хотя у них была наследственная деловитость, но богатство свое они уже не сами создавали — в

¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XV, с. 128

лучшем случае, они его приумножали... Они уже давно не занимаются мелкой торговлей, их капиталы вложены в заводы, мануфактуры, пароходные компании. Они члены различных акционерных обществ. У них свои банки... Короче — машина наращивания их капитала давно запущена и работает. Им остается только следить, чтобы она работала без сбоев, да и то не обязательно это делать самим: много есть различных управляющих, директоров и других служащих, которые несут и эти обязанности...

Возможно, что в молодые годы у Кнурова еще была жажда накопления богатств, жажда расширения сферы своего влияния. Возможно, подобная деятельность приносила ему удовлетворение, но в пожилом возрасте человек (тем более, если он образован) иногда начинает задумываться о смысле жизни...

Бывает, что человек, всю жизнь бывший далеким от какой-либо духовной жизни, далекий от волнений при встрече с красотой, с искусством,— этот человек с возрастом начинает постигать что-то такое, мимо чего он проходил почти всю свою жизнь...

Например, владелец мануфактур Третьяков — тот картины начал скупать у русских художников; Мамонтов — частную оперу в Москве создает да и скульптурой увлекается, художникам меценатствует; молодой совсем Савва Морозов и тот радость в меценатстве находит... Но это все в Москве да в Петербурге, а в Бряхимове?!

«...С кем ему тут разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он и разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит... Он и живет здесь не подолгу от этого самого. Да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург, да за границу, там ему просторнее...»

Просторнее ли? Чем еще может удивить Кнурова Петербург или Париж, Цюрих или любой другой уголок мира? Красоты самых фешенебельных курортов, самые прекрасные театры, лучшие оперные певцы, златные места и продажная любовь самых дорогих парижских кокоток, все увлечения и удовольствия перепробовал Кнуров уже давно... — для него «невозможного мало...» Все довольно однообразно вокруг, а уж в родимом-то Бряхимове такая тосчища — выть хочется!..

Есть, правда, один дом в этом городе — дом Огудаловых... Обнищавшие дворяне. Харита Игнатьевна крутится, еле сводит концы с концами, чтобы хоть как-то прилично содержать дочерей. Их надо «выдавать»... Старших «выдала», а вот младшую... Младшая дочь ее, Лариса, необычное создание, не такая, как все девушки ее возраста и ее круга: она напрочь лишена жеманства, абсолютно не чувствует никакого смущения перед миллионерами (хотя сама нищая!), всегда естественна со всеми. «...Хитрости нет, не в матушку... Вдруг ни с того, ни с сего и скажет, что не надо...

Кнуров. То есть — правду?

Вожеватов. Да, правду... К кому расположена, нисколько этого не скрывает...»¹

Благодаря Ларисе в этом доме какая-то особая атмосфера простоты, естественности и... красоты.

«**Вожеватов.** ...хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет... бывать у них в доме большое удовольствие...

Кнуров. Действительно, удовольствие — это вы правду говорите»².

¹ Действие I. Явление II.

² Действие I. Явление II.

Ах, как поет Лариса!.. В чем дело? В чем секрет такой привлекательности ее пения?! Ведь нет особой силы или красоты в голосе (Кнуров в Милане слушал лучших итальянских певиц!)... И сама-то она, хоть и красива, но Кнуров за свою долгую жизнь и не таких красоток повидал?!

Чем же притягивает к себе Лариса? Может быть, тем, что так мало наблюдает Кнуров у других женщин, когда они встречаются с миллионером Кнуровым: у Ларисы абсолютно естественное, органичное чувство человеческого достоинства; и в других людях она ценит не «миллионы», а только истинные достоинства: смелость, благородство, доброту, чуткость (вспомним ее рассказ Карандышеву о достоинствах Паратова!..). Лариса — не только красивая женщина, Лариса — личность! А когда человеческая личность обладает еще и художественным дарованием, то сила воздействия такой личности — художника на других людей очень велика:

«...Высшая творческая натура влечет... к себе всех... ведет за собою... в незнакомую страну изящного, в какой-то рай, в тонкой и благоухающей атмосфере которого возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства... Это ощущение есть начало перестройки души...»¹

Вспомним, как (в III акте) и Вожеватов, и Паратов, и Кнуров уговаривают Ларису «спеть хоть что-нибудь», и какое затем восхищение вызывает пение Ларисы.

«...Кнуров (Ларисе). Велико наслаждение видеть вас, а еще большее наслаждение — слушать вас.

Паратов (с мрачным видом). Мне кажется, я с ума сойду...

Вожеватов. Послушать да и умереть — вот оно что!»²

Да, возможно, что тяга Кнурова к Ларисе — это не просто страсть пожилого человека к молоденькой барышне, а нечто иное — нечто большее... И очень бы хотелось Кнурову почаще бывать в доме Огудаловых, но...

«...Много у них в доме всякого сброда бывает... Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями... Так и жужжат, не дают с ней слово сказать...» И потому Кнуров почти не бывает и в этом единственно притягательном для него доме города Бряхимова...

Нет, неинтересно, тоскливо Кнурову в родном Бряхимове... Впрочем, как и всюду!.. Какой-нибудь потомок Кнурова вроде горьковского Булычева в голос завоет: «Не на той улице живу!..»

Но Кнуров пока еще, возможно, стыдится своей тоски, а скорее и не сознает ее до конца. Он только бродит пока молча, как «идол», по бульвару «взад и вперед»... В будни еще туда-сюда: управляющие докладывают, телефоны звонят, телеграммы надо просмотреть... А в воскресенье совсем плохо: тихо, пусто, одиноко, девать себя некуда... А сейчас только полдень. Начинается эта воскресная пытка ничегонеделанья!..

Очевидно, **«опять воскресный полдень!»** — это ведущее предлагаемое обстоятельство и для Кнурова, ибо оно определяет его поведение...

Посмотрите, как он мрачен: «...входит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит Вожеватов».

Вожеватов сообщает, что он встречал пароход, на котором должен был приехать Па-

¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 164-165

² Действие III. Явление XI.

ратов... Это сообщение абсолютно безразлично Кнурову.

Далее диалоги продолжаются только между Вожеватовым, Гаврилой и Иваном, а Кнуров все это время молчит.

А Вожеватов? Чем он занят в это воскресенье? Какое событие руководит поступками Вожеватова? Покупка «Ласточки»? Но ведь в момент приезда Паратова, равно как и на протяжении всей пьесы, Вожеватов ни разу даже не вспомнил о «Ласточке»! Может быть, приезд Паратова радует Вожеватова возможностью кутнуть за его счет? Но ведь Вожеватов сам богатейший человек (богаче Паратова), могущий кутнуть в любую минуту, было бы желание и повод...

Может быть, прав Кнуров, подозревающий, что у Вожеватова свои серьезные планы на увоз с собою в Париж Ларисы Огудаловой? Если это так, то, может быть, действительно Вожеватов все продумал заранее и организовал всю «операцию», то есть он специально договорился с Паратовым о покупке «Ласточки»? Может быть, план Вожеватова был примерно таков:

а) приезд Паратова расстроит свадьбу Ларисы;

б) Паратов, сделав свое, укатит (ведь Лариса бесприданница, а Паратову явно нужны деньги — «Ласточку» продает!);

в) Лариса в смятении!

г) является старый друг Вася Вожеватов и «пригревает» Ларису на своей груди.

Кстати, почти все так и получается. И Лариса действительно перед самой гибелью бросается к Вожеватову за помощью. Но Вожеватов не может ей ничем помочь, ибо... проиграл ее только что Кнурову в орлянку и дал **честное купеческое слово не мешать!..**

Если Вожеватов все так ловко задумал и организовал для своей, выгоды, то зачем же он сам создал условия, при которых он смог «проиграть» Ларису Кнурову? Действительно, зачем он, не успев встретиться с Кнуровым, спешит посвятить последнего во все новости: сообщить и о приезде Паратова, и о готовящейся свадьбе Ларисы, и о давнем романе Паратова с Ларисой, — ведь ни о чем об этом Кнуров прежде не знал?!

Может быть, Вожеватов так действует по наивности, не понимая, что Кнуров сможет ему помешать? Как-то не верится, что этот деловой человек, «представитель богатейшей торговой фирмы», может быть столь неосторожен в таком важном для него деле...

В чем же тогда причина такого поведения Вожеватова?

Давайте попробуем тщательно и последовательно проследить все поступки Вожеватова по ходу пьесы. Что он делает?

Поначалу он встречает Паратова. Не встретив Паратова, он сплетничает о всех городских новостях, при этом он с удовольствием насмехается над всеми, в том числе и над Ларисой:

«...Она простовата... А бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла... Уж как она его любила, чуть не умерла с горя... Какая чувствительная! (Смеется.) ...Потом вдруг появился этот кассир... Вот бросал деньги-то!.. У них в доме его арестовали... Скандалище здоровый! (Смеется.) С месяц Огудаловым никуда глаз показывать было нельзя...»¹

И все это Вожеватов сообщил постороннему человеку о людях, которые считают его близким человеком! (О Вожеватове Лариса говорит: «Мы с малолетства знакомы, еще маленькими играли вместе... Мы почти родные!..»)

¹ Действие I. Явление II.

Над Карандышевым Вожеватов издевается и за глаза, и совершенно откровенно при всех: при Ларисе, при Огудаловой, то есть при людях, которые почти уже являются родственниками Карандышева: «Пожил бы, кажется, денек на вашем месте. Водочка да винцо! Нам так нельзя, пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживаете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свете — у нас дела очень велики, так нам разума-то терять и нельзя...»¹

Приезжает Паратов. Но он приезжает не один, а с актером бродяжкой, называемым Робинзоном...

«**Паратов.** ...в дороге **скука смертная**, всякому товарищу рад.

Кнуров. Еще бы, конечно.

Вожеватов. Это такое счастье, такое счастье! Вот находка то золотая!.. Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего бы не пожалел за такого человека?.. Веселый?.. И пошутить с ним можно?

Паратов. Ничего, он не обидчив. Вот отводите свою душу. Могу его вам дня на два, на три предоставить.

Вожеватов. Очень благодарен, коли придет по нраву, так не останется в накладе...»²

Вожеватов забыл о покупке «Ласточки». Начинается вожеватовская потеха: возит он Робинзона по городу, дурачит всех горожан, выдавая Робинзона за англичанина...

Следующая «забава» — пирушка за Волгой. Но, чтобы «забава» удалась, необходимо Ларису увезти с обеда, даваемого в ее честь женихом. Для этого надо напоить как следует Карандышева. Вожеватов организывает эту акцию с помощью Робинзона.

Карандышев пьян — Робинзон более не нужен. Пообещав Робинзону, что отправится с ним завтра в Париж, Вожеватов уезжает кутить за Волгу.

Кутеж окончен...

«**Кнуров.** Кажется, драма начинается.

Вожеватов. Похоже.

Кнуров. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

Вожеватов. Да ведь они у них дешевы.

Кнуров. Как хотите, а положение ее незавидное.

Вожеватов. Дело обойдется как-нибудь... Что делать-то! Мы не виноваты, наше дело сторона»³.

Хотя мы договорились, что будем констатировать только поступки Вожеватова, но все-таки трудно удержаться от комментирования этих поступков...

Почему Вожеватов уходит от обсуждения положения Ларисы? Может быть, он это делает умышленно, чтобы усыпить бдительность Кнурова, а самому, выждав момент, протянуть «руку помощи» Ларисе?

Дело близится к финалу. Остается, только устранить с дороги Кнурова!

« Кнуров. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в	
---	--

¹ Действие I. Явление III.

² Действие I. Явление VI.

³ Действие IV. Явление V.

таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Вожеватов. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Париж?.. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

Кнуров. Вы мне мешаете, а я вам...

Вожеватов. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч... Вот лучше всего (*вынимает из кармана монету и кладет под руку*) орел или решетка?

Кнуров. ...решетка!

Вожеватов (*поднимая руку*). Ваше. Знает, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке, расходов меньше.

Кнуров. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись... Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов. Вы меня обижаете, я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном...»¹

Вот он — решительный момент. Очевидно, сейчас Вожеватов даст бой Кнурову: ведь не ради же Кнурова он проделал столько трудов и совершил столько предательств!!

Как так? Столько усилий затрачено только затем, чтобы легко, так рискованно предоставить все воле случая?! Как же так может действовать деловой человек, «представитель богатой фирмы»?!

Любопытное откровение, не правда ли? А что же тогда, перед приездом Паратова, Вожеватов "не знал, кто такой Кнуров?"

Мы опять возвращаемся к тому, с чего начали задавать себе вопросы: зачем Вожеватов с самого начала посвятил Кнурова во все то, что Кнуров не знал? Ведь не посвяти Вожеватов Кнурова, очень может статься, что Кнуров, по неведению, остался бы в стороне и тогда Вожеватову не пришлось бы цель всех своих усилий — Ларису — подвергать такому риску — разыгрывать в орлянку!!

Удивительно не логичное поведение для делового человека! Но ведь все-таки как-то, пусть своеобразная, но должна же быть логика в поведении Вожеватова... Как ее нащупать?

В перечне действующих лиц Островский дает такую краткую справку о Вожеватове: «**Очень молодой человек**, один из представителей богатой торговой фирмы, по костюму — европеец». Почему Островский настаивает на том, что Вожеватов «очень молодой человек»? Ну, а если бы это был человек более зрелых лет? Что же, тогда не состоялась бы концепция Островского? Очевидно, что именно так, **иначе автор не настаивал бы на точном возрасте Вожеватова.**

Почему же Островскому важно такое сочетание: богатство и очень молодой возраст?

«...Дети получили в наследство, вместе с миллионами, некультуривированный мозг, неспособный к пониманию отвлеченностей, и такое воспитание, при котором умственная лень и льготы от труда, дисциплины и всякого рода обязанностей считались благополучием. Явилось поколение, вялое умственно и нравственно...»². Действительно, бывало, да и сейчас, к сожалению, бывает так: когда у очень молодого человека, выросшего в среде, где **материальное благополучие, процветание — смысл жизни** и когда при этом

¹ Действие IV. Явление VI.

² А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XII

у такого молодого человека почти не ограниченные возможности, когда уже с детского возраста — «невозможного мало», то очень часто у подобных молодых людей не вырабатывается ни по отношению к другим, ни по отношению к себе никаких обязанностей, у них не возникает сильных стремлений, даже желаний: зачем ему что-то делать, чего-то добиваться, если ему и так все доступно?.. Часто случается, что такой молодой человек перестает понимать, для чего он живет на свете...

Таким молодым людям, как правило, очень рано становится скучно жить; еще ничего, по существу, не познав, они успевают остыть уже ко всему... И тогда становятся необходимыми хоть какие-то новые ощущения, чтобы избежать той тоски, скуки, которые к ним постоянно подступают... Они пресыщены, и поэтому их развлечения порою приобретают характер ужасный: вроде «шутки» с Робинзоном или «шутки» с подругой детства — Ларисой... У таких молодых баловней, как правило, вырабатываются цинизм и бездушие...

Сейчас, пока мы не провели анализ всех событий пьесы, еще рано делать какие-либо выводы. Но можно сделать предположение. Вначале Вожеватов все рассказал Кнурову; затем сделал все, чтобы увезти Ларису с карандашешевского обеда; затем, почти не споря, уступил Ларису Кнурову — все эти факты не свидетельствуют ли о том, что заинтересованность Вожеватова состоит совсем не в том, чтобы заполучить Ларису? Может быть, этот циничный и бездушный «очень молодой человек» получает некоторое удовольствие, когда ему удастся кого-то развенчать, сделать таким же циничным (и поэтому таким же обделенным), как он сам? А если сегодня в связи с приездом Паратова удастся ему всех столкнуть друг с другом — веем пустить немножко крови, а эту беспорочную зазнайку Ларису довести до полного падения, то «смеху-то» будет!.. Не удастся вся эта карусель полностью — не страшно: хоть что-то все-таки обязательно удастся!..

Возвращаясь теперь к началу пьесы, можно, очевидно, предположить следующее: Вожеватов ожидал приезда Паратова, конечно, не столь из-за «Ласточки», сколько в надежде «развлечься». Вожеватов получил телеграмму от Паратова, подтверждающую его приезд в воскресенье. В воскресенье приходит сверху по Волге только один пароход «Самолет» — он всегда приходит в полдень. Вожеватов специально поехал на пристань встречать Паратова. «Самолет» пришел вовремя, но Паратов не приехал... Все развлекательные планы этого воскресного дня рухнули... И вот начинается еще один скучный «воскресный день!» Как его заполнить? Чем Вожеватову развлечься в этом скучнейшем Бряхимове? **«Опять полдень воскресного дня!» — очевидно, это обстоятельство является событием и для Вожеватова.**

А является это предлагаемое обстоятельство событием и для других действующих лиц, появляющихся на приволжском бульваре?

Гаврило говорит, что в воскресенье в это время всегда только «чистая публика» гуляет по бульвару. Поскольку мы уже сравнивали приволжский бульвар с Невским проспектом, вспомним, как описывал Гоголь происходящие на Невском в разное время суток перемены: «Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург наполнен старухами в изодранных платьях и сапогах, совершающими свои наезды на церкви... Плетется нужный народ...

В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре...

В двенадцать часов на Невский проспект делают набегу гувернеры всех наций со своими питомцами в батистовых воротничках... но и... они, наконец, вытесняются нежными их родителями, идущими под руку со своими пестрыми, разноцветными, слабонерв-

ными подругами...»

Конечно, приволжский бульвар г. Бряхимова во многом уступает Невскому проспекту, кроме одного: «русские мужики» всюду одни и те же... И, очевидно, поэтому до определенного часа и на бряхимовском бульваре «обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями...». Очевидно, и на приволжском бульваре только лишь в определенный час «чистая публика» появляется: «...идущие под руку со своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами...»¹

Карандышев тоже «...таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову поднял, что того и гляди наткнется на кого-нибудь... Кланяется — едва кивает...».

Правда, к сожалению, в будни, в те часы, «когда вся «чистая Публика» на бульваре, Карандышев на службе. Поэтому воскресные прогулки под руку с Ларисой по бульвару, где в это время все сливки бряхимовского общества, для Карандышева — почти исполнение его розовой мечты: «...дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения!.. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена, теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться... Три года я сносил насмешки... Надо же и мне, в свою очередь, насмеяться над ними».

А в это воскресенье прогулка приобретает особый смысл: если Карандышев встретит кого-нибудь из «сильных мира сего», то обязательно пригласит их к себе на обед — в присутствии Огудаловых вряд ли его приглашение будет отвергнуто! **Совершенно очевидно, что «полдень этого воскресного дня» — важное событие и для Карандышева.**

А для Хариты Игнатьевны Огудаловой? Давно ли она имеет возможность спокойно, с чувством собственного достоинства появиться на глаза всей бряхимовской публики? Увы, совсем наоборот: «...Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился... месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез, неизвестно куда... бросилась за ним, догонять, уж мать со второй станции воротила...»

Потом вдруг появился этот кассир... Вот бросал деньги, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да не долго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! **С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя...**» (Разрядка моя.— А. П.)

Но вот, наконец, Лариса все-таки выходит замуж. Какой ни есть Карандышев, а все-таки — жених! Прекратятся, наконец, эти насмешки и разговоры вокруг семьи Огудаловых!

Очевидно, что появление после длительного вынужденного перерыва на воскресном бульваре в обществе жениха дочери — **важное событие и для Огудаловой.**

А для Ларисы? Что значит для нее эта прогулка по воскресному бульвару в обществе Карандышева? Почему, видя, что Карандышев и Огудалова направляются к Кнурову с Вожеватовым, Лариса, даже не поздоровавшись ни с кем, «в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу...» (Ремарка Островского.— А. П.)

Огудалова, Карандышев, Вожеватов и Кнуров ведут оживленную беседу — Лариса продолжает сидеть в стороне; она подходит к Карандышеву только после того, как все уходят...

Что означает ее такое, чуть ли ни демонстративное игнорирование «лучших людей города»?

Огудалова, Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву.

¹ Н. В. Гоголь. Петербургские повести, с. 23-28

Лариса. Я сейчас все за Волгу смотрела, как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

Карандышев. Вы за Волгу смотрели? А что с вами Вожеватов говорил?

Лариса. Ничего, так, пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес... *(Задумчиво.)* Уедемте, уедемте отсюда!»¹

Почему она не могла обратиться со своей просьбой к Карандышеву в присутствии всех? Почему для этого ей необходимо было уединение? Может быть, потому, что, когда она просит Карандышева — «уедемте, уедемте отсюда!» — она просит увезти ее именно от общества Кнуровых, Вожеватовых и им подобных?

«**Лариса.** Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться... В Заболотье...

Огудалова. Ай, в лес ведь это...

Лариса. Мне хоть бы в лес, да только поскорей отсюда выбраться... Я ослепла, я все чувства потеряла... Давно уж точно во сне вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда... Там спокойнее, тишина.

Огудалова. А вот сентябрь настанет... ветер-то загудит в окна... Волки завоют на разные голоса.

Лариса. Все-таки лучше, чем здесь. Я, по крайней мере, душой отдохну... Пусть там и дико, и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем...»²

И когда появляется Карандышев, Лариса — опять к нему с той же просьбой: «...сделайте для меня эту милость, поедемте поскорей!.. Мне так хочется бежать отсюда...»

Почему Ларисе так хочется бежать отсюда? Какую жизнь она «здесь испытала»?

«**Кнуров.** ...много у них всякого сброду бывает, потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут... ну, что за знакомство для меня!

Вожеватов. Да, у них в доме на базар похоже.

Кнуров. Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат...

Вожеватов. Уж Ларисе и не до них, а любезничать надо было, маменька приказывает.

Кнуров. Однако положение ее незавидное.

Вожеватов. ...У ней иногда слезинки на глазах, а маменька улыбаться велит...»³

Карандышеву тоже омерзительна вся та атмосфера, в которой жила Лариса.

«**Карандышев.** Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было... Был цыганский табор-с, вот что было...

Лариса. Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке...»⁴

¹ Действие I. Явление IV.

² Действие II. Явление VI.

³ Действие I. Явление II.

⁴ Действие I. Явление IV.

Значит, Лариса бежит от той обстановки, которая царит у них в доме? Но, позвольте, ведь Лариса уже невеста. Совершенно очевидно, что теперь эти сборища в их доме прекратятся. Почему же именно теперь Лариса умоляет Карандышева поскорее увезти ее отсюда? Может быть, потому, что гнетет ее не только и не столько обстановка дома, как вся атмосфера г. Бряхимова, города, где значимость человека, его ценность определяются не его духовной красотой, не глубиной ума, а только тем местом, которое он занимает в иерархической лестнице сильных мира сего. Может быть, она хочет бежать из города, где красота женщины — это тоже товар, который продается. Некрасивые женщины мало привлекают внимание, а Лариса Огудалова — красавица, вокруг нее постоянная толпа поклонников, с удовольствием купивших бы ее красоту. Но, увы! — Лариса из другого мира, мира иных ценностей; она может быть только с тем, кого любит или... «по крайней мере, уважает...».

Ах, как не любят некоторые люди тех, кого трудно унижить, то есть тех, для кого человеческое достоинство — самая высшая ценность!..

Не любят обыватели Ларису!.. Неталантливый, неяркий человек живет тихо, незаметно, о нем никто не знает, а Лариса все делает так, чтоб, как будто нарочно, эпатировать бряхимовскую нравственность: полюбив Паратова, бросается «за ним догонять, уж мать со второй станции вернула...».

Ползут о Ларисе по городу отвратительные сплетни, месяцами обсуждается все, что связано с ее именем, во всех бряхимовских домах и уж, конечно на приволжском бульваре. Беспросветная обывательская пошлость окружает Ларису. Как ненавидит эту беспросветную пошлость Лариса — «бежать из дому и даже из города!..»

И Лариса нашла средство убежать из этого города — тихий, скромный, как будто интеллигентный человек Карандышев давно в нее влюблен. Он так же, как и она, терпеть не может всю пошлость бряхимовской жизни. Он мечтает, как и она, поскорее уехать отсюда. Он тоже настрадался здесь. Он будет баллотироваться на место мирового судьи в маленький уездный городишко, где тихо, где нет этого «бряхимовского света...». Правда, уж очень много унижений Карандышев вытерпел от этого «света» и очень бы хотел хоть как-то «отомстить им всем...».

Лариса видит, с каким удовольствием он читает зависть на лицах бряхимовских обывателей, когда она идет с ним под руку по бульвару. Эта черта Карандышева не может радовать Ларису мелко, недостойно становится на один уровень с тем, кого осуждаешь!.. Зачем идти на этот бульвар, если являешься при этом предметом сплетен?! А сегодняшняя прогулка для Карандышева имеет особое значение — он хочет устроить в честь Ларисы обед и пригласить кое-кого из отцов города. Эти люди сегодня наверняка в полдень все будут на бульваре!.. Ну, что же, раз ему так надо, пусть так будет: Лариса вынесет сегодня и это!..

И вот Лариса под руку с Карандышевым идет по воскресному приволжскому бульвару! А вокруг... вокруг шуршит, шипит, извивается сплетня: «...Ну, что такое этот Карандышев! Ведь не пара он ей! Откуда взялся этот Карандышев?..

—...а кассира-то у них в доме... и арестовали. Скандалище здоровый!

—Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно,— говорит,— с нас сраму-то, за первого пойду, кто посватается...

—А Карандышев и тут как тут с предложением... Значит, он за постоянство награжден? Рад, я думаю...

— Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то!.. Очки надел зачем-то... Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную... и возит на этом верблюде Ларису Дмитриевну...

— Жаль бедную Ларису Дмитриевну!»

Как сквозь строй, как под палочными ударами, проходит сквозь строй бряхимовской светской черни Лариса! И когда в конце этого строя, этой прогулки-пытки Лариса сталкивается с людьми, которые при ее приближении явно умолкают («Вожеватов (*тихо*). Вон они, легки на помине-то!..»), нервы Ларисы уже не выдерживают: не поздоровавшись ни с кем, «Лариса в глубине сада садится на скамейку... и смотрит в бинокль за Волгу...» — может быть, там спасенье!..

Прогулка в «полдень воскресного дня» по бряхимовскому бульвару — мучительное событие и для Ларисы.

Итак, мы пришли к выводу, что в начале пьесы единственным объединяющим всех предлагаемым обстоятельством является «опять — полдень воскресного дня!» Но может ли такое, вообще-то обыденное обстоятельство являться событием, причем «исходным», то есть событием, дающим толчок для развития всех дальнейших событий пьесы?

Когда мы разбирали значение события — «приезд в город Паратова накануне свадьбы Ларисы», то мы видели, что это событие коренным образом меняло поступки действующих лиц. И именно это явное изменение поведения действующих лиц мы приняли как главное доказательство значения этого события.

Не лукавим ли мы сейчас в наших рассуждениях? Вот-де, мол, нашли закономерность: «Событие только тогда верно вскрыто, когда оно является таковым для всех действующих лиц», — и теперь искусственно пытаемся доказать подлинность этой закономерности? Дескать, «пусть плохонькое, не яркое событьишко, а все-таки общее для всех!» Может быть, мы ошибаемся, и для определения исходного события существует какое-то иное правило? Вот что думает по поводу исходного события М. О. Кнебель. Рассказывая об анализе пьесы Горького «Последние», она пишет: «...Исходное событие было оговорено раньше и, естественно, первая картина... целиком определялась им: и то, что все переехали к Якову, и то, что Софья вынуждена постоянно просить у него денег, и письмо Соколовой, вызывающее такую острую реакцию, — все это последствия покушения на Коломийцева...

...Коль скоро все живут исходным событием пьесы (разрядка моя. — А. П.), этот момент очень серьезен и важен, потому что именно выстрел в Коломийцева и последовавшая за ним отставка привели к нынешнему положению, нынешним взаимоотношениям...»¹

Итак, М. О. Кнебель утверждает, что «все живут исходным событием». Но, правда, одно дело — такое событие, как «выстрел в главу семьи Коломийцева!», другое — «опять полдень воскресного дня!» Но, если проводить сравнения, то, например, для гоголевской «Шинели» «отказ портного починить старую шинель Акакия Акакиевича» является колоссальным событием! Именно это исходное событие приводит в конце концов главного героя повести Акакия Акакиевича к смерти.

У каждого автора, очевидно, своя природа событий, свой масштаб... У Шекспира, например, такие исходные события: «Раздел королевства!» («Король Лир»), «Смерть короля!» («Гамлет»), «Патрицианка Дездемона сбежала к чернокожему Отелло!» («Отелло»). У Пушкина исходное событие в «Борисе Годунове» — «Трон пуст — умерший царь Федор не оставил наследника!» У Чехова совсем иной масштаб исходных событий: «Сегодня вечером состоится спектакль Треплева» («Чайка») или — «Отставной профессор Серебряков с женой приехали в имение его первой покойной жены» («Дядя Ваня»). «Горе от ума», как мы уже видели, начинается с очень обыденного события: «Свидание Софьи с Молчалиным затянулось до утра». Может быть, и у Островского свой отбор событий, своя природа

¹ М. О. Кнебель. О том, что мне кажется особенно важным, с. 76, 81

событий?..

«...Фабула в драматическом произведении дело неважное... Драматический писатель менее всего сочинитель, он не сочиняет, что было,— это дает жизнь... Его главное дело показать, на основании каких психологических данных совершилось какое-нибудь событие и почему именно так, а не иначе...

...Изобретение интриги потому трудно, что интрига есть ложь, а дело поэзии — истина. Счастлив Шекспир, который пользовался готовыми легендами: он не только не изобретал лжи, но в ложь сказки влагал правду жизни... Теперь многие условные правила исчезли... Теперь драматические произведения не что иное, как **драматизированная жизнь...**

Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие... объяснить законами жизни... (Разрядка моя.— А. П.)¹

Попробуем следовать за рассуждением самого Островского. Какое происшествие является предметом «психологического» исследования автора в пьесе «Бесприданница»?

Какое событие он хотел бы «объяснить законами жизни»? Очевидно, Островский хотел «объяснить» **гибель красивой, яркой, талантливой женщины «законами жизни большого приволжского города Бряхимова».**

Кстати сказать, «законы жизни», уничтожающие яркую, самобытную личность, интересовали Островского на протяжении почти всей творческой жизни. Вспомним Катерину («Гроза»), Снегурочку и Мизгиря («Снегурочка»). Если «эти законы» не уничтожали личность физически, то надламывали ее, разрушали нравственно — Жадов («Доходное место»), Кисельников («Пучина»), Тихон («Гроза»). Н. А. Добролюбов в своей известной статье «Луч света в темном царстве» писал: «...Тихон, бросаясь на труп своей жены, вытащенной из воды, кричит в самозабвении: «Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете, да мучиться!» Этим восклицанием заканчивается пьеса, и нам кажется, что ничего нельзя было придумать сильнее и правдивее такого окончания. Слова Тихона дают ключ к уразумению пьесы... они заставляют зрителя подумать уже **не о любовной интриге, а обо всей жизни...** Собственно говоря, восклицание Тихона глупо: Волга близка, кто же мешает и ему броситься, если жить тошно? Но в том-то горе его, то-то ему тяжело, что он ничего, решительно ничего сделать не может... **Это нравственное растление, это уничтожение человека действует на нас тяжелее всякого самого трагического происшествия: там видишь гибель одновременную... а здесь — постоянную гнетущую боль, расслабление, полутруп, в течение многих лет согнивающий заживо... И думать, что этот живой полутруп — не один, не исключение, а целая масса людей... И не чаять для них избавления — это, согласитесь, ужасно!**» (Разрядка моя.— А. П.)². Иными словами, Добролюбов утверждает, что Островского менее всего интересовала любовная интрига, а его интересовала «вся жизнь», уничтожившая физически Катерину, нравственно — Тихона и многих других... Надо сказать, что Добролюбов, подробно разбирая пьесу «Гроза», довольно убедительно доказывает правомочность своей точки зрения. Но правильна ли такая точка зрения в применении ко всему творчеству Островского, в частности к пьесе «Бесприданница»? Ведь опираясь почти на все те же самые события, можно попробовать доказать не только другую природу самих событий данной пьесы Островского, но и проследить другую задачу, которую, возможно, перед собой ставил автор.

¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., г. XII, с.195, 321

² Н. А. Добролюбов. «Луч света в темном царстве». — Избр. Соч. М.-Л., ГИХЛ, 1948, с.321.

Изложение событий пьесы может быть примерно и таким: молодая девушка — Лариса Огудалова год назад была брошена любимым человеком. С отчаяния она теперь выходит замуж за нелюбимого Карандышева. И вот, когда свадьба была уже сговорена, приезжает в город любимый ею еще до сих пор Паратов. Бросив жениха, Лариса едет с Паратовым за Волгу... Но, оказывается, Паратов не собирался жениться на Ларисе, он обручен уже с другой — богатой невестой!.. Лариса в отчаянии!.. Она пытается, как Катерина, кинуться в Волгу, но... не хватает смелости, воли... Появляется оскорбленный жених Карандышев, который стреляет в Ларису. Со словами благодарности, обращенными к Карандышеву, Лариса умирает.

Что же, это почти точное изложение фабулы пьесы... Но только — «почти» и именно — только «фабулы»...

«...Самобытное — только потому и называется самобытным, что оно ниоткуда не заимствовано... Оригинальным признается... всегда такое драматическое произведение, в котором сценарий и характеры вполне оригинальны. Этого довольно: фабула в драматическом произведении дело неважное, но только фабула, а не сюжет. **Под сюжетом разумеется уж совсем готовое содержание, т. е. сценарий со всеми подробностями**» (разрядка моя. — А. П.)¹.

Вариант фабулы, который мы изложили выше, страдает отсутствием многих подробностей. В этом варианте фабулы напрочь отсутствовали все поступки не только цыган, Гаврилы, Ивана, Робинзона, но даже поступки Кнурова и Вожеватова... Почему это произошло? А потому, что для того чтобы рассказать историю несчастной любви Ларисы, пусть даже основанную на социальном моменте — «вынужденном» предательстве Паратова («Деньги! Деньги!») — для этого **совершенно не обязательны** такие фигуры, как Кнуров, Вожеватов и все остальные обитатели Бряхимова...

Та фабула, которую мы рассказали, фабула мелодрамы. «Русская нация еще складывается, в нее вступают свежие силы. Зачем же нам успокаиваться на пошлостях, тешащих буржуазное безвкусие... Русские драматические писатели давно сетуют, что в Москве нет Русского театра, что для русского искусства нет поля, лет простора, где бы оно могло развиваться. И в неразвитом, малообразованном народе есть люди с серьезными помыслами и с этическим... чутьем. Нужно, чтоб для них был выбор... Если же не будет образцового театра, то простая публика может принять **оперетки и мелодрамы, раздражающие любопытство или чувственность, за настоящее, подлинное искусство.**» (Разрядка моя.—А. П.)

Все острое и раздражающее не оставляет в душе ничего, кроме утомления и пресыщения»², — вот что писал Островский в 1881 году, то есть спустя три года после создания «Бесприданницы». Трудно себе представить, чтобы Островский, так презрительно отзывающийся о мелодраме, почти в это же время сам написал мелодраму под названием «Бесприданница». Наверное, все-таки прав Н. А. Добролюбов, утверждающий, что: «...Островский обладает глубоким пониманием, русской жизни и великим умением изображать резко и живо самые существенные ее стороны. **Он захватил такие общие стремления и потребности, которыми проникнуто все русское общество, которых голос слышится во всех явлениях нашей жизни, удовлетворение которых составляет необходимые условия нашего дальнейшего развития...**

...Островский, так верно и полно изобразивший нам «темное царство», показавший нам все разнообразие его обитателей... должен был дать нам указание и на возможность

¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XII, с. 194-195

² А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XII, с. 123-125

выхода на вольный свет из этого тяжкого омута... Мы должны сознаться: выхода из «темного царства» мы не нашли в произведениях Островского. Винить ли за это художника? Не оглянуться ли лучше вокруг себя и не обратить ли свои требования к самой **жизни, так вяло и однообразно плетущейся вокруг нас...**». (Разрядка моя.—Л. П.)¹

Да, по всей вероятности, законы «однообразно плетущейся вокруг жизни темного царства» действуют и в пьесе Островского «Бесприданница». Проследить, как эта **«вяло и однообразно плетущаяся» бряхимовская жизнь задушила юное, талантливое существо** — Ларису,— вот, очевидно, задача, которую мог ставить перед собой Островский.

Еще раз вспомним утверждение А. Н. Островского, что «только то произведение можно признавать истинно художественным, «в основании (которого. — А. П.) лежит глупокая мысль... не в отвлеченной форме — в виде сентенции,— а в живых образах и, для первого взгляда, как будто случайно «сошедшихся в одном интересе»... (благодаря которому.— А. П.) эта мысль ясна и прозрачна».

Теперь становится ясным, зачем в «одном интересе» как бы «случайно сошлись» и Гаврило, и Иван, и Кнуров, и все остальные появляющиеся в I акте действующие лица. **Духота, скука, тоска «полдня воскресного дня!» — вот «единный интерес» всех появляющихся в I акте обитателей Бряхимова; вот то, что так или иначе диктует их сегодняшние поступки.**

Пушкин утверждал, что «автора надо судить по законам, им самим над собою поставленным».

Думается, что мы теперь с полным основанием можем сказать, что вскрыли исходное событие пьесы «Бесприданница» верно, ибо следовали тому художественному закону, который «сам над собою поставил» Островский.

Итак, на примере анализа пьесы Островского можно сделать еще некоторые выводы:

1)Исходное событие только тогда вскрыто верно, когда оно является таковым для всех лиц, действующих с начала пьесы до момента появления нового крупного события.

2)Наблюдается четкая закономерность: любое событие (исходное, крупное или менее крупное) всегда определяется тем, что заботы всех лиц, действующих в данном куске пьесы, сходятся в одном интересе, то есть их поступки диктует одно событие.

3)Эта общность забот действующих лиц вокруг одного события является критерием верности вскрытого нами события; то есть благодаря этому признаку мы убеждаемся в том, что данное событие является событием самой пьесы, а не придумано нами, не привнесено в пьесу извне.

¹ Н. А. Добролюбов. «Темное царство». – Избр. соч. М.- Л., ГИХЛ, 1948, с.166, 281, 296

Глава VIII

ЗНАЧЕНИЕ ИСХОДНОГО СОБЫТИЯ ДЛЯ ПОСТИЖЕНИЯ ПРЕДЛАГАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПЬЕСЫ

«Позвольте,— опять могут возразить оппоненты,— вы говорите о методе действенного анализа, как о методе, в котором все анализируется прежде всего действием или событием, из которого вытекает это действие; а между тем для определения одного исходного события занялись изучением не только предлагаемых обстоятельств пьесы, но подняли много исторического материала, изучали эпоху, быт, проработали высказывания автора и критическую литературу о нем!»

Да, метод действенного анализа не отменяет ничего того, что было сделано автором системы прежде,— новый метод только как бы собирает все, фокусирует, ставит все на единую прочную основу.

«...Станиславский не случайно избрал **событие** в качестве исходного момента всей работы режиссера и актера над пьесой и ролью. Определяя событие и действия, режиссер невольно выхватывает все более широкие пласты предлагаемых обстоятельств, все глубже погружается в мир пьесы...

...Определяя событие, мы создаем себе наиболее устойчивый плацдарм для творчества. Событие — это фундамент, на котором стоит здание пьесы.

Вместе с тем это — как крючки с приманкой, на которые попадает рыба,— предлагаемые обстоятельства. События без предлагаемых обстоятельств мертвы. Режиссер или актер, не сумевший вытащить на поверхность всю совокупность предлагаемых обстоятельств, неминуемо создает схематичный спектакль или роль...

...(Но), если мы с самого начала окунемся во все богатство предлагаемых обстоятельств, лексики, характеров,— у нас разбегутся глаза...

Ставя себе вопрос, «что происходит в пьесе?» и отвечая на него, мы дисциплинируем свое воображение, не даем себе права бродить вокруг и около пьесы. Мы призываем свое воображение к объективным фактам. Мы в какой-то мере следователи фактов...»¹

Исходя из этой позиции, значение верно вскрытого «исходного события» — первого крупного факта — трудно переоценить.

Действительно, если бы мы не были столь придирчивы к себе в определении исходного события и действий персонажей, вытекающих из этого события, то разве нам потребовалось бы столь подробно изучать и все предлагаемые обстоятельства, и быт, и эпоху?.. Разве мы смогли бы понять значение для Островского поведения таких персонажей, как Гаврило или Иван, кажущихся на первый взгляд (!!) не столь уж и необходимыми... Если бы мы не были столь придирчивы к себе в строгом соблюдении правила «обязательной общности события для всех действующих лиц», то разве мы поняли бы, что привело в это утро на бульвар Кнурова, зачем тут болтается Вожеватов, почему «таскает на бульвар» Карандышев Ларису?.. Значение определения исходного события для всего последующего анализа пьесы очень велико.

Но, прежде чем перейти к всестороннему рассмотрению значения исходного события для всего последующего анализа пьесы, мы вынуждены задержаться на одном важном моменте.

Несмотря на огромную режиссерскую, педагогическую и литературную работу, которыми М. О. Кнебель развивает, утверждает, проводит в жизнь **метод действенного**

¹ М. О. Кнебель. Поэзия педагогики, с. 302, 303, 309

анализа, несмотря на то, что этот метод проявляется и в педагогической, и в режиссерской работе такого крупнейшего современного режиссера, как Г. А. Товстоногов, несмотря на то, что круг сторонников этого метода все более расширяется, несмотря на все это,— метод действенного анализа все еще является новым методом, только еще осваиваемым широкой режиссерской и актерской массой... Поэтому даже среди самых искренних, самых страстных сторонников нового метода существуют, и это совершенно естественно, разные в толкования того или иного положения нового метода. Способ определения исходного события имеет различные толкования. Существует, например, такая точка зрения: **исходное событие — это то, без чего не началась бы данная история. Если бы оно не случилось, ничего не произошло бы...**

Что же, как будто бы такое определение ни в чем не расходится, со всем тем, что было нами высказано по поводу исходного события. Но это только видимое совпадение. В таком определении признаков исходного события есть очень серьезная на наш взгляд, опасность.

Давайте попробуем, пользуясь таким определением исходного события, установить, «без чего не началась бы данная история» в пьесе «Бесприданница». Вполне возможен такой ответ: **данная история не могла бы начаться, если бы год назад Лариса не полюбила бы Паратова, а он бы ее не бросил.**

Действительно, только благодаря этому факту развернулась вся последующая фабула пьесы. Та самая фабула, которую мы уже один раз попытались изложить в этой главе.

Но если исходное событие таково: «**год назад Паратов бросил влюбленную в него Ларису!**», то что же играть в I акте исполнителям ролей, которых это событие абсолютно не касается, таким, как Гаврило, Иван, Кнуров? Ведь никто из вышеупомянутых лиц не только не помнит этой истории (Лариса — Паратов), но некоторые даже и понятия о ней не имеют (Кнуров, Иван)! Для Паратова, для Ларисы, для Карандышева, для Огудаловой то, что случилось год назад, не прошло бесследно; возможно что происшедшее не покидает их сознания и до сегодняшнего дня. Но для всех остальных действующих лиц этот, происшедший год назад случай решительно ничего не дает для их сегодняшнего поведения. А зачем-то же вывел автор на сцену в самом начале пьесы именно таких лиц, как Гаврило, Иван, Кнуров?!

Мы проделали большую аналитическую работу для того, чтобы отыскать то «ведущее предлагаемое обстоятельство пьесы», которое более всего занимает воображение этих действующих лиц, руководит их поступками в начале пьесы. Делали мы это потому, что были убеждены в необходимости отыскать «**общий интерес**» для **всех действующих лиц**.

Определение исходного события, как события, «без которого не началась бы данная история», позволяет **очень вольно толковать саму «данную историю»**. Так толковать ее, что в ней не обязательно должны принимать участие все действующие лица: ряд действующих лиц становятся как бы «**неучастниками**» событий...

Мы не утверждаем, что при формулировке: «исходное событие — это то, без которого не началась бы данная история»,— возможно только одно определение исходного события — «год назад Паратов бросил Ларису». Но ведь и такое определение оказалось возможным при такой формулировке, то есть оказалось возможным так определить исходное событие, что при этом ряд действующих лиц стали как бы ненужными лицами для пьесы.

Л. Н. Толстой утверждал: «В настоящем художественном произведении... нельзя вынуть один стих, одну сцену, одну фигуру из своего места... не нарушив значения всего

произведения...»¹

Вспомним приведенный нами выше рассказ М. О. Кнебель о том, как К. С. Станиславский настойчиво подводил всех к поиску только такого события, которое обязательно и самым непосредственным образом касалось бы всех действующих лиц: и Лизы, и Софьи, и Молчалина, и Фамусова.

Вспомним, как К. С. Станиславский при этом высмеивал старинный литературный термин — «экспозиция», как Константин Сергеевич восклицал: «...а как прикажете сыграть это? «Экспозиция»! Ну, а какое дело актерам до этого литературного термина? Актер должен знать, что он делает в каждую секунду, а вы ему предлагаете играть «экспозицию...»

Если мы разрешаем кому-то из действующих лиц не участвовать в исходном событии, то что же нам остается сказать актеру, кроме: «Это исходное событие вас не касается. Вы нужны автору... для экспозиции...»

Хотим мы того или нет, но при подобном толковании исходного события мы как бы нацеливаем режиссера **заботиться прежде всего о построении фабулы**: «Паратов бросил Ларису, и вследствие именно этого события стала развиваться вся история...» Но, как мы уже раньше заметили, подобная история абсолютно мелодраматична...

А как же быть с презрительным отношением Островского к мелодраме? И как относиться к тому, что для Островского вообще «фабула... дело неважное»?.. Оказывается, что подобное понимание исходного события таит в себе большую опасность: оно может не приблизить нас к миру художественных особенностей данной пьесы, к эстетике данного автора, а, наоборот, отдалить от автора, от особенностей его стиля...

Хотим того или нет, но, допуская определение исходного события, как «такого, без которого не началась бы данная история», мы, с одной стороны, чрезвычайно упрощаем всю «разведку умом», сводим ее к отысканию фактов, которые и отыскивать то не надо, ибо они лежат на поверхности (фабула!); а, с другой стороны, такое определение исходного события может носить чисто литературный характер, ничего не дающий актеру для действия.

Как это ни парадоксально, но те «сторонники метода действенного анализа», которые допускают возможность подобного толкования исходного события, незаметно для себя отходят от сути самого метода — они возвращаются к старым принципам литературного анализа, то есть таким литературным принципам, которые, к сожалению, мало были связаны с живой практикой театрального дела.

Еще в 1911 году К. С. Станиславский писал: «...я позволю себе подсказать то, чего ждет артист от литературного анализа. Он идет от него выяснения канвы пьесы и роли, и **типичных, характерных для... творчества автора основ и особенностей. Необходимо пойти за автором по проложенному им пути для того, чтоб не только понять, но и пережить задачи и намерения поэта...**» (разрядка моя.— *А. П.*)²

Известный современный театральный критик Вл. Блок в книге «Система Станиславского и проблемы драматургии» пишет: «...нужно сказать со всей определенностью, что **Станиславским были заложены основы метода литературного анализа драмы, принципиально отличного от всех прежних...** Созданный для творческого театрального процесса метод действенного разбора пьесы предполагает, что его ве-

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 30, с.131

² К. С. Станиславский. Полн. собр. соч., т. V, с. 461

дут актеры, встав в положение ее героев. Если все другие виды литературного анализа рассматривают каждое произведение, в основном, извне, с точки зрения читателя или зрителя, то на этот раз нужно как бы непосредственно проникнуть в жизнь, изображаемую писателем, и **взглянуть на нее с позиции участника событий**» (разрядка моя.— А. П.)¹

Думается, что Вл. Блок отметил одну из важнейших сторон нового аналитического метода Станиславского: **этот метод вобрал в себя, соединил в себе анализ литературных особенностей произведения с анализом особенностей сценического действия.**

Станиславский всю свою долгую творческую жизнь шел к созданию этого метода. И овладеть им, этим методом, далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд.

«...Почему это так трудно? Почему даже молодежь, всегда легко идущая на эксперимент, так сложно постигает суть учения Станиславского? — пишет Мария Осиповна Кнебель.— Много я об этом думаю, иногда обвиняю себя в неумении передать студентам то, что стало символом моей собственной веры, часто обвиняю студентов во внутренней неподвижности, в лености, в отсутствии воли. Но дело, наверное, и не во мне, и не в студентах, а **в том, что методика эта требует большой культуры...**» (разрядка моя.— А. П.)²

Вообще профессия режиссера предполагает, как одно из важнейших качеств, культуру человека. Но ведь культура человека это не только определенный багаж накопленных знаний в одной или нескольких областях науки или искусства; это не только его воспитанность, обладание хорошими манерами — **подлинная культура определяется, прежде всего, отношением человека к другим людям. Подлинная культура человека находится в сфере нравственной.**

Культурный человек — это не только человек, обладающий чувством собственного достоинства, но и человек, обязательно предполагающий наличие достоинства в любом другом человеке и умеющий уважать это достоинство.

Что означает для режиссера обладание большой культурой? Это, прежде всего, уважение творчества писателя (пьесу которого ставит режиссер), это уважение творчества актера (в содружестве с которым режиссер ставит эту пьесу), это также уважение творчества и художника, и композитора, и всех других создателей спектакля.

«Что же тут нового? — опять могут возразить оппоненты.— Почему именно при работе методом действенного анализа требуется уважать и автора, и актера? Разве старая методология исключала возможность такого уважения?» Нет, не исключала, но при работе старой методологией **подлинное уважение к автору и к актеру не являлось обязательным профессиональным условием!** Одно дело — уважение, как отвлеченное понятие, о котором можно знать, соглашаться с необходимостью быть уважительным, другое — действовать только так, как того требует автор. **Метод действенного анализа построен именно таким образом, что без страстного, всепоглощающего желания проникнуть в самые тайники автора, его замысла, его стиля, без такой органической необходимости — нельзя постичь самое главное в методе.**

Метод **требует** большой культуры не только от режиссера но и от актера, так как оба направляют все свои усилия в этом генеральном направлении. Причем задача режиссера при работ новым методом усложнена еще и тем, что для наиболее полного, наиболее все-

¹ Вл. Блок. Система Станиславского и проблемы драматургии. М., ВТО, 1963, с.24, 30, 31

² М. О. Кнебель. Поэзия педагогики, с.298

стороннего проникновения актера в замысел автора режиссеру необходимо создать такую свободную, уважительную атмосферу всеобщего коллективного поиска, чтобы актеру было легко и не боязно импровизировать на репетициях; более того, чтобы актер не постеснялся перед всеми раскрыть в этой импровизации самые сокровенные тайники своей души.

Секрет метода заключается в том, что чем больше режиссер и актеры всем своим существом раскрываются навстречу автору, постигают автора, тем интереснее, **тем богаче становится их собственное творчество.**

Постичь, что твоя работа может стать искусством, если удастся приблизиться к тому, что уже создано другим, то есть автором; постичь это и не огорчиться от этого, а, наоборот — чтобы это убеждение рождало каждый раз радостный стимул для действия — вот в чем, очевидно, корни культуры и режиссера, и актера.

Для работы методом действенного анализа — это основное условие, отправная точка. Действительно, если бы мы не стремились постичь автора, разве бы мы тратили, например, столько усилий на поиск только одного исходного события?!

На примере поиска исходного события пьесы «Бесприданница» можно убедиться, как не просто работать методом действенного анализа. Но можно убедиться еще и в том, какие интересные результаты может дать работа этим методом. Посмотрите, только лишь этот поиск заставил нас изучить не только всю пьесу, эпоху, быт и многое другое, что связано с автором, его эстетикой, но — и это **самое важное!** — **это изучение было строго целенаправленным.** Пьеса ставила нам вопросы, мы искали на них ответы; для ответов нам пришлось расширять свои знания.

Мы, разумеется, не настаиваем, что только наше определение исходного события пьесы «Бесприданница» единственно верное, единственно возможное. Вполне вероятно, что кто-то другой, основываясь на том же законе общности исходного события для всех действующих лиц, сумеет вскрыть иное исходное событие для этой же самой пьесы.

«...Нужно помнить, что, хотя мы определяем события, которые существуют в пьесе, как объективная данность, отбирая их, мы обязательно вносим в этот процесс субъективное начало. Иначе какой-то один, очень талантливый режиссер мог бы разобрать ту или иную пьесу по событиям, потом размножил бы свой анализ и разослал в десятки театров. В том-то и дело, в том и смысл определения событий, что каждый режиссер вносит в этот процесс то, что «особенно дорого и интересно ему как художнику», — пишет М. О. Кнебель в своей книге «Поэзия педагогики»¹. Далее она рассказывает о том, как ей пришлось увидеть три спектакля «Последние» Горького, поставленные тремя ее учениками в разных театрах. Спектакли эти были разными по трактовкам, и в каждом из спектаклей исходное событие было определено по-своему. Вот эти определения:

1) «Выстрел в Ивана Коломийцева!» (По версии Коломийцева, выстрел был произведен арестованным Соколовым.)

2) «Отставка Ивана Коломийцева» (вызванная выстрелом в него).

3) «Клевета (Коломийцева) на невинного Соколова».

Как видим, определения исходных событий разные, но все эти определения связаны с одним, объективно совершившимся фактом — «в Ивана Коломийцева кто-то стрелял». Каждый из режиссеров увидел в этом факте свою, интересующую его сторону, но каждый из режиссеров отыскал именно тот **факт, вокруг которого собраны интересы всех действующих лиц.**

¹ М. О. Кнебель. Поэзия педагогики, с.310

Не будем пробовать определять по-разному исходное событие «Бесприданницы»¹. Давайте сейчас попробуем проследить, как исходное событие, определенное нами,— «опять полдень воскресного дня!» — как это событие влияет на все дальнейшее развитие событий пьесы и авторской главной мысли, то есть идеи.

¹ Читателю, серьезно интересующемуся познаванием метода, было бы очень полезно самому определить исходное событие.

Глава IX ИСХОДНОЕ СОБЫТИЕ - ПУТЬ К ПОСТИЖЕНИЮ ВСЕХ СОБЫТИЙ И АТМОСФЕРЫ ПЬЕСЫ

Возвращаемся к началу пьесы. Скука, тоска бряхимовской жизни. Каждый по-своему ищет выхода из «объятий» этого «темного бряхимовского царства». Гаврило находит удовлетворение в том, что ругает всю тамошнюю жизнь. Иван делает все, чтобы как-то заработать (он еще питает иллюзии насчет будущего). Вожеватов любыми путями пытается хоть как-то развлечься. Кнуров уже давно знает, что «развлечься» вообще невозможно, единственное, что еще, может быть, его волнует, может доставить ему какую-то радость,— это красота.

Есть в Бряхимове дом, где ему хорошо,— дом Огудаловых. Но Лариса, оказывается, замуж собралась. Ах, Лариса! «...Приятно с ней одной почаще видеться, без помехи...»

<p>«Вожеватов. Жениться надо.</p> <p>Кнуров. Жениться! Жениться! Не всякому можно, да и не всякий захочет. Вот я, например, женатый...</p> <p>Вожеватов. Так уж нечего делать. Хорошо виноград, да зелен, Мокий Парменych...</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>Кнуров. Вы думаете?</p> <p>Вожеватов. ...Не таких правил люди. Мало ли случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж».</p>	<p>Как Кнуров может решиться жениться на Ларисе? Он ведь давно женат! Бросить жену — это скандал на всю Россию! Зашатаются все финансовое здание под названием «Кнуров». Зашатаются банки Кнурова, фабрики Кнурова, магазины Кнурова...</p> <p>«Деньги!» — держат они Кнурова в своих тисках.</p> <p>А может, все-таки можно Ларису соблазнить этими проклятыми деньгами... и... пойдет она на содержание к Кнурову?..</p> <p>Не все можно купить за деньги. Не Кнуров власть имеет над своими деньгами — деньги властвуют над Кнуровым...</p>
--	--

Да, плохо Кнурову в Бряхимове... Впрочем, как и повсюду. Вот и бродит он каждое утро по бульвару — опять к Волге!.. Красива Волга и свободна...

«Ах, как там хорошо на той стороне!» — и Ларисе Огудаловой очень плохо на этой стороне в Бряхимове! Рвется она из него: кругом сплетни, дома маменька подсовывает разных женихов — ведь у Огудаловых давно нет денег и только выгодное замужество Ларисы может спасти и маменьку, и ее самое... Подсунула маменька этого кассира... А его... «у них в доме его и арестовали... Скандалище!.. С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: довольно, говорит, с нас сраму-то, за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли — разбирать не буду». Вот и прекрасно — уедет Лариса из Бряхимова! «Удрать отсюда!» Замуж — за нелюбимого Карандышева!.. Удрать, вырваться из этой бряхимовской трясины хоть в Заболотье, в лес, в глушь...

Огудаловой тоже здесь плохо — много тяжелых минут пережила она в Бряхимове! И разорение, и неудачное замужество старших дочерей, и позор от побега Ларисы вслед за Паратовым, и... постоянное унижение ее дворянской гордости бряхимовскими толстосумами...

Единственный, кому сегодня в Бряхимове «хорошо», — это Карандышев: он, у кото-

рого ни копейки нет за душой, нищий «бесприданник», он отомстит теперь ненавистному Брюхимову за все свое многолетнее унижение, — он уедет из Брюхимова и увезет с собой самое лучшее, самое драгоценное, что есть в этом городе, — Ларису Огудалову!..

Возникает **новое крупное событие** — «**приезжает в город Паратов!**» Сейчас, когда мы уже знаем исходное событие и поступки действующих лиц, вытекающие из этого события, давайте еще раз проверим: кардинально ли меняет это новое событие поведение действующих лиц?

Что значит приезд Паратова для Гаврилы? Дает ли этот приезд надежду Гавриле, что он столько зарабатывает на нем, что сразу сможет вырваться из этого паршивого Брюхимова в Москву или в Петербург и открыть настоящее дело? Конечно же, нет.

Если бы это был «водевиль, оперетка или мелодрама», **то такая наивность персонажа** в этих жанрах закономерна. Но, очевидно, жанр «драматизированной жизни»¹ диктовал Островскому, что люди зрелого возраста, да еще «клубные буфетчики», не бывают уж столь наивны.

Приезд Паратова даст возможность Гавриле подзаработать, поэтому он постарается угодить Паратову, то есть Гаврила будет делать все то, что он делал до сих пор по отношению ко всем посетителям его заведения; только он постарается на сей раз проделать все это (зная щедрость и размах Паратова) наиболее выгодно для себя. Следовательно, «приезд Паратова», хотя и меняет поведение Гаврилы, но меняет не кардинально... Совершенно ясно, что «приезд Паратова» примерно таким же образом влияет и на поведение слуги Ивана.

А для Кнурова? Вожеватов рассказал Кнурову всю историю взаимоотношений Паратова и Ларисы. С приездом Паратова Кнурову — крупному дельцу, привыкшему думать «на десять ходов вперед», померещилось, что теперь все-таки может наступить момент, когда Лариса с отчаяния, может быть, пойдет к нему на содержание... В таком случае, его деньги все-таки могут пригодиться...

Кнуров, на всякий случай, заходит к Огудаловым и намекает Харите Игнатьевне и на ситуацию, которая может создаться, и на «возможный выход» из такой ситуации: «...В таких случаях доброго друга, солидного, прочного, иметь необходимо... Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтоб вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею...»²

Да, приезд Паратова оживляет мечту Кнурова: чем черт не шутит, а вдруг эта красота достанется мне?! Схвачу ее и увезу отсюда в Париж...

Приезд Паратова меняет поведение Кнурова, но кардинально ли? Ведь желание «купить» Ларису было у Кнурова и прежде, оно не родилось только сейчас, вследствие появления Паратова...

А как влияет на поведение Вожеватова приезд Паратова? Он дает ему возможность как-то «развлечься» в этот воскресный день. А раньше, до приезда Паратова, не развлекался, что ли, Вожеватов? Наверняка развлекался... Будет ли он продолжать свои «шутки» и после отъезда Паратова? Наверное, будет...

Вспомним, как в конце пьесы, когда погибающая Лариса молит Вожеватова о помощи, он отказывает ей в этом...

¹ Напоминаем, что это термин самого Островского.

² Действие II. Явление II.

«Лариса. Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то! Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные, что мне делать, научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы... я ничего не могу...»¹

Ничто Васю не трогает... Будет ли он продолжать свои «шуточки» и после смерти Ларисы? Очень может быть, что его «проказы» станут еще страшнее... Во всяком случае, пустота воскресного полудня, окружающая Вожеватова, с момента «приезда Паратова» заполняется для него видимостью какой-то деятельности... Но, конечно же, приезд Паратова ничего кардинально не изменил в поступках Вожеватова.

А что означает для Огудаловой приезд Паратова? Может ли этот приезд кардинально изменить ее поведение? Чем занята Огудалова до приезда Паратова? Выдает свою дочь замуж за нищего Карандышева. Брак этот ничего радостного не сулит ни ей, ни, как ей кажется, ее дочери... И вот приезжает в город неожиданно Паратов. Он тут же является в дом Огудаловых! Паратов, который столько причинил горя и Ларисе, и ее матери, посмел явиться, как ни в чем не бывало, в дом Огудаловых?!

ДЕЙСТВИЕ II. Явление VII

Входит Паратов.

<p>Паратов. Тетенька, ручку!</p> <p>Огудалова (<i>протирая руки</i>). Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!</p> <p>Паратов. В объятия желаете заключить? Можно. (<i>Обнимает и целует.</i>)</p> <p>Огудалова. Каким ветром занесло? Проездом, вероятно.</p> <p>Паратов. Нарочно сюда и первый визит к вам, тетенька.</p> <p>Огудалова. Благодарю...</p>	<p>Что такое? Как это понять? Почему так радушно, так сердечно принимает Огудалова Паратова?</p> <p>За что благодарит Огудалова? За то, что Паратов приехал сюда не случайно, а «нарочно» и за то, что «первый визит» отдал ей?</p> <p>Огудалова как будто готова понять Паратова, отыскать смягчающие его поведение обстоятельства. Может быть, Паратов раскаивается в том, что сбежал тогда; может быть, год назад какие-то очень сложные обстоятельства заставили его так поступить? (Ах, эти проклятые деньги!)...</p> <p>Да и сейчас Карандышев что-то говорил насчет того, что якобы Паратов «проматался</p>
<p>Огудалова. Как поживаете, как дела ваши?</p> <p>Паратов. Гневить бога нечего, тетенька, живу весело... А дела неважны.</p> <p>Огудалова (<i>поглядев на Паратова</i>). Сергей Сергеич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?</p> <p>Паратов. Неприятную телеграмму получил.</p>	

¹ Действие IV. Явление VIII.

<p>Огудалова. Какую?</p> <p>Паратов. Управители мои... свели дом мой в ореховую скорлупу-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животишки-с.</p> <p>Огудалова. И, разумеется, все спасли и все устроили?</p> <p>Паратов. Никак нет-с... Брешь порядочная осталась... Впрочем, тетенька, духу не теряю... Хочу продать свою волюшку...</p> <p>Огудалова. Понимаю, выгодно жениться хотите. А во сколько вы цените свою волюшку?</p> <p>Паратов. В полмиллиона-с...</p> <p>Огудалова. Порядочно.</p>	<p>совсем»...</p> <p>Ах, стало быть, правду сказал Карандышев — «последний пароходишко продал!»</p> <p>Да, Карандышев, увы! — правду сказал: «прототался совсем!..» Зачем же он приехал? Зачем явился к нам, на что рассчитывает?»</p>
<p>Паратов. Дешевле, тетенька, нельзя-с, расчету нет, себе дороже, сами знаете (разрядка моя.— <i>А. П.</i>).</p>	<p>Что означают эти слова Паратова? Почему он так уверен, что «тетенька» знает цену продажи своей воли? Может быть, когда-то молодая Харита продала свою волю какому-то Огудалову?.. Он был из знатной семьи (Кнуров. «Огудаловы... фамилия порядочная...»). Но после смерти мужа оказалось, что состояние его очень невелико: остались Харите „, Игнатъевне, теперь уже Огудаловой рожки да ножки, да три дочери на руках... Возможно, наше фантазирование по поводу биографии Хариты Игнатъевны близко к той, которую предполагал Островский. Во всяком случае, при подобной биографии Хариты Игнатъевны вполне основательны доводы Паратова, что она, Огудалова, сама знает, что «дешевле», чем за «полмиллиона», «свою волюшку» продавать не имеет смысла, ибо получается «себе дороже»... Если Огудалова действительно на собственной шкуре испытала подобное, то, возможно, потому она и не осуждает Паратова?.. Хотя мужчину подобная продажа своей воли за деньги и не очень украшает, но Огудалова, очевидно, не считает себя вправе осуждать Паратова, ибо сама грешна.</p>
<p>Огудалова. Молодец мужчина...</p> <p>Паратов. С тем возьмите.</p> <p>Огудалова. Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.</p>	<p>Но что это такое? Почему так странно ведет себя Огудалова? Что в поведении Паратова приводит ее в такой восторг?</p> <p>Чему Огудалова радуется? Паратов бро-</p>

<p>Паратов. Очень лестно слышать от вас. Ручку, пожалуйста. (Целует ручку.)</p>	<p>сил ее дочь ради полмиллионной невесты, а она — «Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться!»</p> <p>Как может женщина из «порядочной фамилии» восхищаться подобным поведением дворянина Паратова? С каких это пор ловкость, оборотистость и даже цинизм (мужчина продается за деньги!), с каких пор все это стало считаться признаком мужчины?</p> <p>Да, допустим, бедная, но красивая девушка Харита тоже продала свою волю — пошла за нелюбимого, но ведь она женщина!.. Ведь не случайно женщин всегда считали «слабым полом»... Такое вынужденное поведение женщины никем не осуждалось (во времена Островского, во всяком случае), но подобное поведение мужчины!.. Что, кроме презрения, молчаливого осуждения должно было бы вызвать подобное поведение у женщины из «порядочной фамилии»?</p> <p>А Паратов? Где он воспитывался, в какой среде рос? Что же, он не понимает, что приехал не к какой-нибудь даме полусвета, а к матери оскорбленной им девушки, к женщине из «порядочной фамилии»?! Как он себя ведет? Чем он хвастается? Ему бы молчать уж лучше, если нет желания и умения придумать красивую ложь!.. Да притом, как он обращается то к женщине из «порядочной фамилии» — «тетенька»?!</p>
--	--

Очевидно, поведение Паратова обусловлено тем, что он знает, как надо и можно вести себя с Харитой Игнатьевной.

Долгие годы бесправия, постоянного унижения, постоянной денежной зависимости от всех сделали из бывшей женщины порядочной фамилии «тетеньку» — попрошайку, которая чуть ли не на паперть готова выйти с протянутой рукой...

Действительно, Кнуров только что сделал ей неприличное предложение — намекнул, что, в случае чего, готов взять дочь ее на содержание, а Харита Игнатьевна не только не оскорбилась, а тут же... выпросила у Кнурова триста рублей... (см. действие II, явление II).

Паратов год назад бросил ее дочь, опозорил на весь город. Сейчас не попросил прощения, а, наоборот, развязно заявил, что собрался жениться на миллионной невесте. Харита Игнатьевна не только не выставила его из дома, но... попыталась под конец выманить и у него денег «на подарок Ларисе»... (см. действие II, явление VII).

Поначалу, когда Паратов заявил, что он «нарочно» приехал в город и «первый визит к ним», — возможно, у Хариты Игнатьевны мелькнула надежда, что «что-то, может быть, еще переменится в их судьбе». Но к концу встречи с Паратовым надежды Хариты Игнатьевны рухнули... Можно сказать, что «приезд Паратова» подталкивает Хариту Игнатьевну к

последней и неизбежной стадии унижения: свадьба дочери с «этим Карандышевым», затем отъезд с ними в Заболотье и... прозябание...

Кардинально ли изменил «приезд Паратова» что-то в поступках Огудаловой? Нет, он скорее ускорил, стал катализатором того, к чему она уже сама шла.

Какое значение имеет для Ларисы приезд Паратова? Как мы уже выяснили, до приезда Паратова Лариса стремилась вырваться из объятий этого «темного бряхимовского царства». Как же факт приезда в город Паратова действует на ее поведение, ее стремления?

Ее стремление вырваться еще более усилилось. Как только Лариса узнала, что приехал в город Паратов, она бросилась умолять Карандышева: «Поедьте в деревню, сейчас поедемте!.. Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть!.. Я не за себя, я за вас боюсь!.. Пойдите ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!»

Отчего так боится Лариса встречи с Паратовым? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо еще раз просмотреть все, что было связано с взаимоотношениями Ларисы и Паратова до этой встречи.

Мы знаем, что Лариса любила Паратова. Паратов сам говорит, что и он «чуть было не женился на Ларисе», то есть любовь была сильной с обеих сторон. И вдруг, когда всем казалось, что все должно завершиться браком, Паратов внезапно исчезает. Ошеломленная, ничего не понимающая Лариса садится на поезд догонять его, ибо, очевидно, была убеждена, что случилось у Паратова какое-то несчастье и ее место — рядом с ним!.. Мать бросается следом за Ларисой и насильно привозит ее домой...

Проходит время... Идут месяцы... От Паратова ни весточки, «ни одного письма»... Почему ее оставил любимый и любящий Паратов? Ответ на мучающий ее вопрос Лариса могла, очевидно найти только в личном жизненном опыте, в опыте ее матери; наконец, в той жизни, которую она постоянно видит вокруг себя... «Я бесприданница, я нищая, в меня можно влюбиться, но жениться на мне... Наверное, и Паратова подмяли под себя какие-то жизненные обстоятельства... Оказывается, даже такого смелого, такого мужественного, такого «идеального» мужчину может что-то сломить, заставить поступить вопреки его сердцу... Ах, как жаль его! Очень может быть, что со временем он также будет сломлен, как моя мать...» — вот, возможно, что думала Лариса о Паратове. Заметьте, наше рассуждение основано не на отвлеченном, извне привнесённом в пьесу предположении об образе мыслей Ларисы. Нет, ход подобных размышлений у Ларисы проявляется в самой пьесе. Еще до приезда Паратова Карандышев попытался осудить Паратова: «...Разве он хорошо поступил

Лариса. Это уже мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам... Сергей Сергеич — это идеал мужчины... Это мнение изменить во мне нельзя. Оно умрет со мной (разрядка моя.— *А. П.*).

Карандышев. А если бы явился Паратов?

Лариса. Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен (разрядка моя.— *А. П.*), так довольно одного его взгляда... Успокойтесь, он не явился, а теперь, хоть и явится, так уж поздно... Вероятно, мы никогда не увидимся более (разрядка моя.— *А. П.*).

На Волге пушечный выстрел.

Лариса. Что это?

Карандышев. Какой-нибудь купец-самодур слезает со своей баржи. Так в честь его салютуют.

Лариса. Ах, как я испугалась!

Карандышев. Чего? Помилуйте!

Лариса. У меня нервы расстроены.

Лариса. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

Карандышев. Ушибиться? Тут верная смерть... Лариса (*подойдя к решетке*). Подождите немного. (*Смотрит вниз.*) Аи, аи! Держите меня!¹

Что это означает? Лариса почти уверена, что Паратов не свободен! Очевидно, только этим определяется ее убежденность в том, что если бы даже Паратов приехал, то ничего бы уже не изменилось. Все дело именно в том, что Лариса уверена, что Паратов не может быть свободен, иначе «довольно одного его взгляда...».

Конечно, Лариса отлично помнит все салюты, которые давались с паратовской баржи в честь его приезда.

И сейчас пушечный выстрел не может не навести Ларису на мысль: а вдруг — это он?! Что тогда? Если «свободен», то ни о чем спрашивать его не буду — достаточно «одного его взгляда...» А если «не свободен», то лучше...

И это, заметьте, — в самом начале пьесы, а в ее конце, когда Лариса узнает, что Паратов действительно «не свободен», она опять подходит к этой же решетке и пытается покончить с собой — броситься вниз: «Ох, нет... (*Сквозь слезы.*) Расставаться с жизнью совсем не просто, как я думала... Вот я, какая несчастная! Мне жить нельзя... Мне жить незачем! Что же я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает?...»²

¹ Действие IV. Явление IX.

² Действие IV. Явление IX.

Итак, Лариса, только еще предположив возможное появление Паратова, уже думает о смерти, ибо убеждена, что Сергей Сергеевич Паратов мог бросить Ларису только в крайних обстоятельствах, то есть в случае вынужденного брака с другой женщиной... Причем, и это очень важно, Лариса не осуждает его за это, она только боится услышать эту новость. Теперь понятно, почему она так боится встречи с ним. Но встреча все-таки происходит...

«Паратов. Не ожидали?

Лариса. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Паратов. Отчего же перестали ждать?

Лариса. Не надеялась дожждаться. Вы скрылись так неожиданно и... ни одного письма...

Паратов. Я не писал потому, что **не мог сообщить вам ничего приятного.**

Лариса. Я так и думала (разрядка моя.— *А. П.*)

Паратов. И замуж выходите?.. Лариса Дмитриевна, меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц... Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шепот, когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, эти клятвы!.. И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О женщины!.. Ничтожество вам имя!

Лариса. Ах, как вы смеете так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

Паратов. Я не уверен, но полагаю.

Лариса. Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратов. Вы выходите замуж?

Лариса. Но что меня заставило... Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если в доме скандалы, если надо бежать из дому и даже из городу?

Паратов. Лариса, так вы?..

Лариса. Что «я»? Ну что вы хотели сказать?

Паратов, как видим, не лжет; он сам намекает Ларисе на всю горечь правды...

Лариса подтверждает, что она догадывалась об этой горькой для нее правде...

Но вот начинается что-то непонятное?! Паратов, предавший, по-существу, Ларису, какое право имеет он упрекать ее в том, что она спустя год выходит замуж?! Что это такое? Фарсовое представление, рассчитанное на глупую, наивную девочку,— с тем, чтобы выгородить себя, выставить даже в ореоле мученика?!

Почему оправдывается Лариса? Перед кем она оправдывается? Перед человеком, доставившим ей столько горя? Перед человеком, так жестоко обошедшемся с нею? Перед человеком, который только что сказал ей, что «ничего не мог хорошего он ей сообщить», то есть подтвердившим самые страшные ее подозрения?..

<p>Паратов. Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите?</p> <p><i>Лариса молчит.</i></p> <p>Ну, скажите, будьте откровенны!</p> <p>Лариса. Конечно, да. Нечего и спрашивать.</p> <p>Паратов (<i>нежно целует руку Ларисе</i>). Благодарю вас, благодарю.</p> <p>Лариса. Вам только и нужно было: вы — человек гордый.</p> <p>Паратов. Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам (разрядка моя.— Л. П.), но любовь вашу уступить было бы тяжело... Если бы вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это»¹.</p>	<p>Но Лариса не только оправдывается — она признается Паратову в любви?! Как объяснить поступки Ларисы? Наивностью ее: то есть она ничего конкретного не предполагала относительно истинных поступков Паратова?</p>
--	---

Но сейчас же Паратов ей прямо говорит, что «ничего не мог хорошего ей сообщить», более того — «уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам...». Что же, она и сейчас ничего не понимает? То есть все дело в ее чрезвычайной наивности: ничего не предполагала и сейчас ничего не понимает, так как видит перед собой лицо любимого... А любимому достаточно устроить ей сцену ревности и она тут же готова снова кинуться ему на шею... Может быть, верен именно такой ход рассуждений? Если так, то, следовательно, Островского занимала история о том, как прекрасную, чистую, наивную девушку подло обманул опытный Паратов. Мы опять пришли к тому предположению, которое уже отвергли прежде, как несостоятельное предположение: мелодрама, вне социальных законов бряхимовского общества... Но, может быть, все-таки Лариса не столь наивна, и она действительно и раньше предполагала и предполагает и сейчас, что в жизни Паратова происходят (а может быть, уже и произошли!) какие-то очень страшные для нее перемены? Но если это действительно так, то она должна видеть и понимать всю нелепость этой сцены ревности, которую устроил ей сейчас Паратов. Одно дело, если бы после событий, вызванных теми сложными обстоятельствами, в которые попал Паратов, он, приехав снова к ней, упал бы на колени, просил ее прощения, молил бы понять и простить его... Тогда поведение Ларисы все-таки было бы более понятным...

Если Лариса действительно умный человек, то эта «сцена ревности», это театральное фиглярство Паратова (слова-то его все из «Гамлета»!) ничего иного, кроме, если не презрения, то чувства отчуждения, не должно было бы вызвать у Ларисы, а она... признается в любви Паратову?! Более того, вскоре она уедет с ним вместе за Волгу, бросив своего жениха?! Впрочем, в жизни может быть все: может быть такая всепоглощающая страсть, при которой женщина, видя всю подлость мужчины, все его неприглядные стороны, тем не менее любит и готова идти за ним куда угодно... Такие примеры мы знаем и в литературе, например «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова. У Лескова предметом изучения становится именно эта всепоглощающая страсть. Вспомните: сначала героиня вместе с молодым любовником убивает мужа, затем, когда наступает час расплаты, любовник на след-

¹ Действие II. Явление VIII.

ствии ведет себя так, что героиню отправляют на каторгу; в дополнение — по дороге на каторгу — любовник изменяет ей... Но героиня, несмотря на все это, любит его до самой последней минуты своей жизни... Что же, Островский в данной пьесе тоже занят исследованием подобной страсти? Если это так, то снова возникает все тот же вопрос: зачем понадобилась Островскому вся остальная бряхимовская публика? Ведь они все не нужны для построения подобной фабулы!.. А что, если допустить на минуту, что Паратов вовсе не фиглярничает в этой сцене? Что, если он действительно так любит Ларису, что только одно предположение, что она выходит замуж по любви, то есть, что она разлюбила его, вызывает в нем такое сильное чувство ревности, что он не может сдерживать себя и им овладевает чуть ли ни бешенство!.. Заметим, что Паратов ни у кого — ни у Вожеватова с Кнуровым, ни у Огудаловой — ни разу не спросил: за кого выходит замуж Лариса? Он узнает, что жених Ларисы — Карандышев, только после этой, разбираемой нами сейчас сцены. Следовательно, мы можем допустить, что сообщение «Лариса Дмитриевна выходит замуж!» ошеломляет Паратова именно тем, что он убежден был, что Лариса не может, не должна любить никого, кроме него! Если любовь Паратова к Ларисе истинная, так же как любовь Ларисы к Паратову, и, несмотря на это, они не могут быть вместе, то нам невольно приходится задать себе вопрос: **что же это за жизнь, в которой два взрослых, красивых, неглупых, любящих друг друга человека не могут быть вместе?!**

Следом за Островским нам, очевидно, захочется проследить «законы жизни», в которой происходит такая вопиющая несправедливость.

Еще раз подчеркнем, что интересоваться этими закономерностями нас только в том случае заставит Островский, если мы увидим, что над Ларисой и Паратовым висит что-то такое, что их любовь не в силах победить!.. В таком случае «данная история» была вот какова. Год назад, когда Паратов собирался жениться на Ларисе, он действительно получил телеграмму, извещающую его, «что домок... в ореховую скорлупку-с свели... довели до аукционной продажи... пароходики и все движимое и недвижимое имение...». Он бросился спасать имущество свое, но «брешь порядочная осталась...». Очевидно, с такой «брешью» он не смел и думать жениться на «бесприданнице»... Почему? В наше время, наверное, редко бывают случаи, когда вопрос денег, имущества мог бы стать решающим для мужчины: соединить ли ему свою жизнь с горячо любимой женщиной или не соединять, если его финансовое положение вдруг несколько пошатнулось.

Да, конечно, нам сегодня трудно понять поступок Паратова; тем более что Паратов все-таки не остался совсем нищим — кое-что он спас: «устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась». Но давайте рассмотрим, важны ли для Паратова деньги сами по себе. Деньги — средство, дающее ему определенное положение в обществе,— **то, без чего ему нечем утверждать себя как личность.** Ведь нигде в пьесе не говорится, что Паратов скряга, скопидом, готовый за деньги что угодно сделать; наоборот, все говорят о его широте, щедрости... Давайте попробуем поставить себя на место Паратова. Что он умеет делать в жизни? Кто он по профессии? Зарабатывал ли он когда-нибудь «хлеб свой в поте лица своего?».

По всему видно, что никогда он ничем не занимался — он только умел красиво тратить деньги. Этот «блестящий барин из судохозяев»¹ даже своими финансовыми делами не занимался — «управители... и управляющие свели... домок... в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи пароходики».

Следовательно, Паратов — человек, привыкший к абсолютно праздной жизни, то

¹ Характеристика Островского.

есть человек, у которого смысл жизни может состоять в получении разнообразных удовольствий: и в чтении книг, и в размышлениях о жизни, и, наоборот,— в пьянстве, в игре; но только не в одном — не в каком-либо виде труда... Не будем утверждать, что все представители класса дворян обязательно были праздными людьми. И Пушкин, и Толстой, и Чайковский, и Менделеев были представителями этого же класса, имели, как и Паратов, свои именья, но это не дало им основания стать праздными людьми — их огромный труд принес славу и русскому искусству, и русской науке... Но можем ли мы осуждать Паратова за то, что он не стал ни писателем, ни ученым и вообще не занимался ничем полезным для общества? Вряд ли... Маркс, как мы знаем, утверждает, что «бытие определяет сознание...». Не будем брать в счет таких гениев, как Пушкин или Толстой — там свое особое «бытие», но человек обычный, со средними способностями, живет так, как диктуют ему условия жизни, в которые он попадает с момента своего рождения. «Праздность» — это естественное следствие тех условий, в которых находился Паратов с момента своего рождения. В таких условиях он и вырос таким, каким он и должен был вырасти.

Что знаем мы о нем, кроме того, что он очень щедрый, широкий, любящий и умеющий кутить — «блестящий барин»? Мы знаем, что он смел и рискован (вспомним рассказ Ларисы, «про то как Паратов стрелял в монету, которую она держала в руке); мы знаем, что он бывает добр («нищим деньги раздавал»). Мы знаем, что он не глуп. Сам о себе Паратов говорит: «человек с большими усами и малыми способностями» — иронизировать над своими способностями глупый человек не может. И если согласимся с тем, что он человек, способный сильно и страстно любить, то, наверное, станет понятно, почему для молодой девушки Ларисы, воспитанной тоже в праздности, такой мужчина, как Паратов,— «идеал мужчины»...

Но все свои качества «идеального мужчины» Паратов может проявлять только при одном условии: он должен иметь деньги, причем много — так много, чтобы он мог тратить их сколько угодно, нисколько при этом не заботясь о том, откуда они берутся... Без таких условий нет Паратова; он уже не может быть ни широким, ни щедрым, ни светским (его куда не пустят, никто не примет), да и удаль свою, и смелость где он будет показывать? В долговой тюрьме?! От одной только мысли о потере всего того, чем он славен, что он любит в себе, чем он в конце концов нравится женщинам — от всего этого Паратов мог прийти в ужас!.. Если он — банкрот, то он — Паратов — перестает быть тем, кто он есть! ...О какой женитьбе на Ларисе может идти речь — он и на глаза не сможет ей более показаться!

Паратов — «гордый человек» — очевидно, не мыслил себе в таком качестве не только показаться Ларисе на глаза, но и напоминать ей о себе... И вот почти спустя год, когда он — снова прежний Паратов (без пяти минут миллионер!), когда он даже может позволить себе наслаждение иллюзией любви и свободы, он вдруг узнает, что «предан», что ему «изменили»! Ведь он-то «не изменил» — он по-прежнему любит Ларису, его женитьба — это только «цепи», это только «гнетущая действительность». Ведь в каждый отдельный миг своего существования Паратов искренен! Он приехал сюда ради нее, чтобы «видеть (ее), слушать (ее) очаровательный голос, забывать весь мир...», и вдруг «Лариса выходит замуж!»

При таком ходе рассуждений вполне понятна эта бурная «сцена ревности», которую обрушивает на Ларису Паратов. Понятно теперь, почему оправдывается Лариса: да, она видит человека, который не отрицает ни одного из самых страшных для нее подозрений, но при этом она видит страдающего и по-прежнему страстно любящего ее человека. При чем оба понимают, что они ничего не могут изменить в этой ужасной ситуации...

Какой грусти полон финал этой сцены, каким чувством безысходности...

«Паратов. А теперь я во всю жизнь сохранию самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся, как лучшие друзья.

Лариса. Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

Паратов. Что делать, Лариса Дмитриевна!.. Если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.

Лариса. Кабы любовь то была равная с обеих сторон, так слез-то не было. Бывает это когда-нибудь?

Паратов. Иногда случается...»¹

Небольшая, но существенная разница в оценке всего случившегося. Паратов убежден, что ничего в этой ситуации нельзя сделать. Лариса видит зло в том, что для нее любовь — это весь смысл жизни, а для Паратова (как и для любого мужчины!) любовь — на втором месте, на первом — его «мужская гордость» и все, что с этим связано...

Итак, изменила ли что-либо коренным образом во взаимоотношениях Ларисы и Паратова эта встреча? Нет, ничего не изменила. Они оба только еще раз убедились, что любят друг друга, но Лариса по-прежнему собирается выходить замуж за Карандышева, а Паратов жениться на миллионерше...

А для Карандышева изменилось ли что-нибудь с приходом Паратова? Ну, несколько повздорили при встрече с Паратовым, но все кончилось миром — Карандышев и Паратова пригласил на обед, который он дает сегодня в честь невесты своей...

Итак, мы можем сделать вывод, что с приходом Паратова поступки действующих лиц, хотя и получили разную окраску, но в своей действенной основе они не изменились. Следовательно, событие «приезд в город Паратова накануне свадьбы Ларисы» — не такое уж крупное, кардинально меняющее действие пьесы событие. Все обитатели Бряхимова (Паратов ведь тоже «бряхимовец», как и любой россиянин) по-прежнему хотят вырваться из «объятий бряхимовщины», но пока им это не удается... Следовательно, атмосфера «бряхимовской безысходности», которую задало исходное событие — «опять полдень воскресного дня!» — эта атмосфера не разрушена пока еще ни в чем! Заметим, что до того, как нам удалось вскрыть исходное событие, мы по-иному оценивали значение события — «приезд в город Паратова»: **исходное событие скорректировало ход нашего анализа.**

Но вот обед у Карандышева состоялся. Атмосфера бедности, более чем скромный обед, экономия на сортах вин, на лимонах, копеечные рассуждения по этому поводу тетки Карандышева Ефросиньи Потаповны — все это действует на Ларису ужасно... Она вдруг воочию встретила со «скромной семейной жизнью», которая еще сегодня утром казалась ей «раем» (см. действие I, явление IV).

«Лариса. Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

¹ Действие II. Явление VIII.

<p>Огудалова. Да, угостил, нечего сказать.</p> <p>Лариса. Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться... Так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.</p> <p>Огудалова. Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью: вот он и весел...</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p>Ефросинья Потаповна. Уж достался мне этот обед: что хлопот, что изъяну! Поваришки — разбойники... Требуют сахару, ванилю, рыбьего клею, а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу, а он валит зря: сердце-то и мрет, на него глядя... Опять вино хотел было дорогое покупать, в рубль и больше, да купец честный человек попался: берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим какие прикажете...</p> <p>Лариса (<i>Огудаловой</i>). Бежала б я отсюда, куда глаза глядят.</p> <p>Огудалова. Невозможно, к несчастью»¹.</p>	<p>Вот тебе и мечты о «скромной семейной жизни»!.. С нашей сегодняшней точки зрения, что позорного в том, что человек смог угостить людей так, как ему позволяли его средства? Не правда ли, поведение Ларисы и ее матери трудно определить иначе, как типично обывательское, мещанское поведение!..</p>
--	--

Но может быть, мы все-таки опять недооцениваем те условия, те законы жизни, в которых жила Лариса? Те самые законы материального благополучия — «бряхимовского символа веры»! Те самые законы, которые Паратова заставили отказаться от женитьбы на Ларисе. И сама Лариса, которая еще совсем недавно (сегодня утром!) осуждала мужчин за то, что ими в их поступках руководит не только суть взаимоотношений, эта же Лариса сама стыдится бедности своего жениха — Карандышева!.. Да, очевидно, Лариса тоже все-таки дитя своего времени и несмотря на то, что **она ненавидит «бряхимовские законы жизни», она все-таки их и исповедует...**

Опять проявление того, что мы обнаружили, ища исходное событие, — «бряхимовщина»!

Посмотрите, как заботится Островский о том, чтобы этот карандышевский обед стал событием: об этом обеде говорят не только все действующие до этого момента лица, но Островский специально выводит на сцену новый персонаж — Ефросинью Потаповну, все заботы которой связаны только с обедом. Оказывается, для Островского карандышевский обед — это не только удобное место действия, где можно собрать вместе и жениха, и невесту, и искусителя, чтобы затем разыгралась мелодраматическая ситуация — искуситель увез невесту от жениха. Нет, для автора важен именно этот обед — шикарный для Карандышева и его тетушки, нищенский — для Ларисы, Паратова, Огудаловой, Кнурова и

¹ Действие III. Явление II, III.

остальных... Островский пишет специальную сцену, в которой сетованья Ефросиньи Потаповны по поводу «ужасных расходов» приводят Ларису в отчаяние! Островский как бы добивает Ларису Ефросиньей Потаповной — этим живым воплощением бряхимовской нищеты... Если бы Островского интересовала только мелодраматическая сторона событий, то не было бы у автора никакой необходимости сталкивать Ларису с Ефросиньей Потаповной. Приходилось видеть такие спектакли «Бесприданница», из которых без всякого ущерба для них можно было бы изъять Ефросинью Потаповну... А Островскому, оказывается, необходима была сцена Ларисы с Ефросиньей Потаповной — в результате которой Лариса восклицает: «Бежала бы я отсюда, куда глаза глядят». Может быть, если бы Лариса не была уже готова «бежать, куда глаза глядят», то предложение Паратова удрать с этого обеда за Волгу было бы воспринято ею по-иному...

Конечно, огромное значение играет и поведение Паратова:

«Паратов. Очаровательница!.. Как я проклинал себя, когда вы пели!

Лариса. За что?

Паратов. Зачем я бежал от вас? На что променял вас?

Лариса. Зачем же вы это сделали?

Паратов. Ах, зачем? Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да бог с ним, с состоянием. Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать... Погодите винить меня! Я еще не совсем опошил, совсем огрубел, во мне врожденного торгашества нет; еще несколько таких минут... я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня, разве вместе с моей жизнью...

Послушайте; мы едем всей компанией кататься по Волге на катерах — поедemте!

Лариса. Ах, а здесь? Я не знаю, право... Как же здесь?

Паратов. Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут; тетка Карандышева, барыни в крашенных шелковых платьях; разговор будет о соленых грибах.

Лариса. Когда же ехать?

Паратов. Сейчас.

Лариса. Сейчас?

Паратов. Сейчас или никогда.

Лариса. Едемте»¹.

Очевидно, Лариса верит Паратову не только потому, что ей хочется, чтобы все так было; наверное, она верит Паратову потому, что он сам очень хочет поверить в то, что он так именно и поступит... что он сумеет разорвать эти «бряхимовские цепи»...

Тетка Карандышева и «соленые грибы» снимают все колебания Ларисы!

¹ Действие III. Явление XIII.

Совершенно очевидно, что страстное желание Паратова вырваться из этого бряхимовского мира торгашества так сильно действует на Ларису именно потому, что и она чуть было не задохнулась в этом же бряхимовском мирке — мирке Ефросиньи Потаповны, «крашенных платьев и соленых грибов»!.. Отъезд Ларисы за Волгу — это, очевидно, не только и не столько бегство к Паратову, как бегство от Бряхимова...

Ведь уезжая за Волгу, наверное, не случайно Лариса восклицает: «Прощай, мама!

Огудалова. Что ты! Куда ты?

Лариса. Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге. ...Видно от своей судьбы не уйдешь!»¹

«... ищи меня в волге!» - все-таки такой исход допускает Лариса! Стало быть, при всем страстном желании поверить в то, что Паратов найдет в себе силы вырваться из этих «торгашеский цепей», Лариса все-таки допускает мысль, что этого может и не случиться...

При любом исходе Ларисе ясно одно: жить так, как она собиралась, — «тихой семейной бряхимовской жизнью» — она не сможет. «От своей судьбы не уйдешь!» — лучше «в Волгу!», чем возвращение в Бряхимов...

Очевидно, **карандышевский обед — это еще одно событие, которое, не меняя поступков людей, по существу, является еще одним возбудителем, усиливающим и развивающим все прежние поступки героев.**

Лариса и Паратов и прежде рвались вырваться из «бряхимовских объятий» — они попытаются теперь сделать то же, но вместе...

Карандышев стремился к торжеству над Бряхимовом; этот обед — почти осуществление его мечты!

Огудалова продолжает катиться в пропасть Заболотья; этот обед — уже почти Заболотье...

Для Кнурова, стремящегося вырваться из замкнутого круга (весь мир — Бряхимов!), этот обед — лишний повод для поступков, направленных на «спасение Ларисы Дмитриевны» и себя с нею...

Для Вожеватова карандышевский обед — повод для очередной «потехи»!

Для Робинзона этот обед — повод для очередной попойки. Что делает Робинзон с момента своего первого появления в Бряхимове? Все время пьет! Пьянство Робинзона, очевидно, необходимо Островскому для еще одного протеста против бряхимовщины.

Для Ефросиньи Потаповны этот «шикарный» обед чуть не принес горе: совершенно ясно, что с приходом в дом Ларисы такие обеды устраивались бы довольно часто — и, конечно уж, пустили бы по миру и ее, и племянника Карандышева,.. Этот «обед в честь невесты» грозил сломать все те привычные «законы жизни», в которых существовала всегда Ефросинья Потаповна... но обед, слава богу, сорвался; очевидно, срывается и сватовство — чему Ефросинья Потаповна, возможно, рада! Итак, Ефросинью Потаповну этот обед только поначалу напугал, но слава богу! — теперь жизнь, кажется, пойдет по-старому...

Итак, еще раз утвердимся в мысли, что карандышевский обед — событие, не меняющее кардинально поступки людей.

Но вот совершается новое событие: «Лариса вместе со всеми уехала с карандышевского, бряхимовского обеда на ту сторону Волги!» Уехала, наконец, туда, куда рвалась с первой минуты своего сегодняшнего появления на бряхимовском бульваре: «...как там хорошо, на той стороне!..»

Что произошло «на той стороне», мы не знаем — мы можем только догадываться.

¹ Действие III. Явление XIII.

<p>«Кнуров. Кажется, драма начинается... Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел... ..Как хотите, а положение ее незавидное.</p> <p>Вожеватов. Дело обойдется как-нибудь...</p> <p>Кнуров. Ну, едва ли.</p> <p>Вожеватов. Карандышев посердится немного, поломается... и опять тот же будет.</p> <p>Кнуров. Да она-то не та же... (Разрядка моя.— <i>А. П.</i>) Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основания... Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича... И должно быть, обещания были определенные и серьезные: а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!</p> <p>Вожеватов. Мудреного нет: Сергей Сергеич... человек смелый.</p> <p>Кнуров. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет... Так посудите, каково ей, бедной!»¹</p>	<p>Надо отдать должное уму и наблюдательности Кнурова — он многое понял: он понял, что Паратов не бросит миллионную невесту и что Лариса уже не сможет вернуться к Карандышеву. Более того, Кнуров заметил, что и объяснение по этому поводу уже почти состоялось.</p>
---	--

Да, Паратов не сможет сорвать с себя «эти цепи» — Лариса поняла это еще там, на той стороне Волги... Это понял и сам Паратов...

ДЕЙСТВИЕ IV. Явление VII

Входят Паратов и Лариса.

<p>Лариса. Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. (<i>Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.</i>)</p> <p>Паратов. А, Робинзон! Ну, что ж, ты скоро в Париж едешь?</p> <p>Робинзон. С кем это? С тобой, ля-Серж, куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено... Не вежи!.. Я всегда за дворян.</p> <p>Паратов. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло. Теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век...</p>	<p>Опять — та же скамейка, что и в I действии, и опять Ларису тянет к этой же решетке!</p> <p>Разлетелся вдребезги «Париж» Робинзона, так же как лопнули паратовские надежды вырваться из-под власти золота...</p> <p>О ком же, как не о себе самом, мог сказать Паратов с такой горечью?! Какое представление к времени «торжества буржуазии» — «золотого века», где все ценится на деньги.</p>
---	--

¹ Действие IV. Явление V.

Как странно: Паратов, не мыслящий своего существования без золота, ненавидит мир, где все «ценится на вес золота»...

Да, очевидно, Паратов сложная, по-своему, фигура. Не мог же Островский вложить слова, осуждающие «золотой век», в уста человека, который бы чем-то не был ему симпатичен... Наверное, все-таки Островский хотел более осудить те «законы жизни», которые так изуродовали психологию красивого, сильного, умного Паратова, чем самого Паратова...

Итак, Паратов понял, что «суждены... (ему) благие порывы, но свершить ничего не дано...».

А свидетельство того, что это поняла и Лариса,— ее «слезки», которые заметил уже и Кнуров... Следовательно, то, что происходит далее на сцене,— это уже следствие чего-то случившегося там, «на той стороне...».

«Паратов. Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие — нет, этого мало — за счастье, которое вы нам доставили.

Лариса. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?.. Маменька видела, как мы уехали... Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать... Чтобы благословить... У меня один жених: это вы.

Паратов. Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательны ко мне.

Лариса. Что вы говорите! Разве вы забыли? Так я вам повторю все сначала. Я год страдала... я решилась, наконец, выйти замуж... ..Явились вы и говорите: «брось все, я твой...» Я думала, что ваше слово искренне...

Паратов. ...Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?.. Допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете...

Что такое? Кто это говорит — человек, который еще несколько часов назад клялся: «Никакая сила не вырвет вас у меня, разве вместе с моей жизнью». Что же, Паратов все-таки подлец, обманувший наивную Ларису? Нет, не будем возвращаться к подобному ходу рассуждений — ведь мы убедились, что подобный способ мышления в искусстве чужд Островскому вообще и данной пьесе в частности. Так чем же объяснить подобное поведение Паратова?

А Лариса? Почему она так резко говорит с Паратовым?

Тут Лариса, мягко выражаясь, «не совсем точна» — ведь она, уезжая, сказала маменьке: «или радоваться тебе — или ищи меня в Волге!» Следовательно, маменька не очень-то «покойно ждет, чтоб благословить».

И это после — «никакая сила не вырвет вас у меня?!».

Не правда ли, от этих «объяснений» возникает какое-то очень неприятное чувство: как же это люди, совсем еще недавно клявшиеся друг другу в любви, теперь стремятся друг друга уличить в нечестности или в глупости...

<p>Лариса. ...И хорошо, что забудет!</p>	
<p>Паратов. ...Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны...</p>	
<p>Лариса. ...Вы женаты!</p>	
<p>Паратов. Нет... Я обручен... Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.</p>	<p>Конечно, во времена Островского брак, равно как и обручение,— был для многих людей святым моментом.</p>
<p>Лариса. Что же вы молчали?</p>	
<p>Паратов. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.</p>	<p>Что же, все дело только в том, что Лариса не знала, не догадывалась о том, что «гнетущая действительность» могла довести Паратова и до обручения?</p>
<p>Лариса. Ха, ха, ха! <i>(Истерически смеется.)</i> Подите от меня! Довольно! Я уж сама о себе подумаю»¹.</p>	

Если дело в том, что Паратов обманул Ларису — не сказал, что обручен, то вся история не возвышается над примитивом мелодрамы. Островский же писал, как мы выяснили, нечто большее. А раз так, то и для Островского и для Ларисы то обстоятельство, что Паратов до поры до времени скрывал факт своего обручения, не столь существенно. **Главное, что Паратов не смог порвать эти «золотые цепи» не по «священности уз брака», а по коммерческим соображениям.**

Ведь Лариса-то плакала еще до того, как Паратов сообщил ей о своем обручении,— следовательно, она уже понимала, что Паратов не в силах возвыситься над бряхимовщиной. Паратов, очевидно, развенчал себя в глазах Ларисы еще там, за Волгой. **Если это так, то тогда становится понятным столь оскорбительное по отношению друг к другу поведение и Ларисы, и Паратова.** Лариса не может простить Паратову, что он оказался не таким, как она того ждала, что любовь для него все-таки дело второстепенное; Лариса не может простить Паратову, что он разрушил «идеал мужчины» — обманул ее тем, что выдавал себя раньше не за того, каков он есть на самом деле: слабый и запутавшийся — такой же, как и все бряхимовцы.

Паратов же, очевидно, не может простить Ларисе того, что она — единственная женщина, которую он действительно любит,— явилась свидетельницей его падения...

И вот оба унижают друг друга, мстят друг другу за то, что не смогли вырваться из цепких бряхимовских объятий... Паратов поедет «жениться на миллионах». А Лариса?... Для Ларисы — то, что впереди, теперь еще страшнее... Сегодня утром ей казалось, что она сможет найти радость в «скромной, тихой семейной жизни», сейчас она поняла всю несбыточность, пустоту подобных мечтаний. Быть может, будь она с любимым человеком, бедность переносилась бы Ларисой более стойко — ведь говорит же она Паратову в ответ на его сетования по поводу «цепей»: «...всякие... цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, большую половину тяжести я возьму на себя...»² Но Паратов оказался не способным на подобное... Оказалось, что «торгашество» победило в нем любовь. Уж коли у орла поникли крылья, то на кого теперь может надеяться Лариса?!

¹ Действие IV. Явление VII.

² Действие IV. Явление VII.

<p>«Кнуров (подходит к Ларисе). Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помыслах нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслуживаете (разрядка моя.—А. П.). Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку?</p>	<p>Что это?.. Как ведет себя Кнуров? Как же он — уже не молодой человек, владеющий иностранными языками, полжизни проводящий в Петербурге и Европе, тоскующий от бряхимовщины, тянущийся к красоте, как же такой человек не понимает всей бестактности своего поведения?! Как же он не понимает, что сейчас нельзя не только делать Ларисе какие-либо предложения, но даже любое, неосторожно пророненное слово может нанести ей страшную боль?..</p>
<p><i>Лариса отрицательно качает головой.</i></p>	<p>Как же такой человек, как Кнуров, не понимает, что даже с точки зрения его эгоистических интересов он поступает самым неумным образом: сейчас все его предложения</p>
<p>И полное обеспечение на всю жизнь?</p>	<p>не только не могут приблизить Ларису к Кнурову, но наоборот — могут навсегда отдалить ее от него!</p>
<p><i>Лариса молчит.</i></p>	<p>Может быть, все рассуждения, которые мы вели о Кнурове до сих пор, были ошибочными?</p>
<p>Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.</p>	<p>Может быть ремарка автора — «читает французскую газету» нас увела не в ту сторону?</p>
<p><i>Лариса поворачивает голову в другую сторону.</i></p>	<p>Может быть, мы неправильно расшифровали характеристику Островского — «крупный делец последнего времени»?</p>
<p>Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.</p>	<p>Может быть, между дельцом Кнуровым и купцом Диким («Гроза») следует поставить знак равенства,— Кнуров такой же самодур — представитель «темного царства»?</p>
<p><i>Лариса молчит.</i></p>	<p>Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня,— и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги не были. Для меня невозможного мало. (Почтительно кланяется и уходит в кофейню.)»¹</p>

Но в том-то все и дело, что Кнуров — уже из другого «царства» — царства «последнего времени» — бряхимовских «законов жизни»!

В том-то и дело, что чтение французских газет, посещение Парижа, тяга к красоте мешают Кнурову быть бряхимовцем, А в Бряхимове все «на вес золота ценится, в полном

¹ Действие IV. Явление VIII.

смысле наступает золотой век». Очевидно, чтобы правильно оценить поступки Кнурова, надо попытаться взглянуть на случившееся с его, кнуровских, позиций: у Ларисы Дмитриевны был небогатый, но жених — Карандышев, она бросила его, так как Паратов пообещал жениться на ней. «И должно быть, обещания были определенные и серьезные». Теперь Лариса Дмитриевна осталась у разбитого корыта: ни жениха, ни Паратова, и вообще никаких средств к существованию, — «уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел!» Ей плохо, ей надо помочь, пусть знает, что для нее еще не все потеряно в жизни — она может жить прекрасно, жить припеваючи, что будут исполнены «все ее желания и даже капризы, как бы они... дороги не были», и что для нее будет — «невозможного мало», и вообще, хоть завтра же «со мной в Париж на выставку»!

Очевидно, Кнурову такое проявление «заботы о Ларисе» представляется не только естественным, но и самым гуманным, самым нравственным — он искренне «желает ей добра и счастья», ибо она его «вполне заслуживает»! Кнуров — это еще одна разновидность бряхимовского уродства. По-видимому, и в Кнурове Островский осуждает не столько самого Кнурова, сколько «законы жизни», создавшие такой ужасный сплав признаков культуры с трагическим непониманием основ любой культуры — нравственностью...

А чем же закончилась для Вожеватова эта поездка за Волгу? Надо вспомнить, что, когда начинался «этот воскресный день», Вожеватов не знал, куда себя девать от скуки, чем заполнить этот предстоящий длинный воскресный день. Но затем с приездом Паратова день заполнился длинным рядом «развлечений»: дурачил людей «англичанином» Робинзоном, напоил с помощью все того же Робинзона Карандышева, с помощью Паратова сорвал торжественный карандышевский обед, уехал с Ларисой кутить за Волгу...

Лариса-то надеялась небось, что вырвется с помощью Паратова куда-то на простор, а ей тоже — кукиш с маслом! — сиди со своим Карандышевым, кисни здесь, в Бряхимове, как и все!.. А не захочешь так, как все, то пожалуйста — иди на содержание к старику! Весь город судить да рядить по ее поводу будет — **«вот смеху-то» будет!**

Итак, этот воскресный день заканчивается, а Вожеватову надо еще все свои «шуточки» довести до конца... Робинзон ждет не дождется, когда он поедет с Вожеватовым в Париж. Ведь Вожеватов так уговаривал его: «Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать! После Парижа тебе какая цена-то будет!»¹

И вот как будто настало время собираться в Париж: Паратов завтра утром уезжает отсюда, и что будет с Робинзоном, неизвестно...

«Робинзон... Ты в Париж обещал со мной ехать...

Вожеватов. ...Послушай, вот что, поезжай лучше ты один...

Робинзон. Как один? Я дороги не найду... Я по-французски не совсем свободно...

Вожеватов. Да и не надо совсем и никто там не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции!..

Вожеватов. Да какая столица! Что ты, в уме ли? О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон. Браво, браво!

Вожеватов. А ты полагал, в настоящий?.. Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя? Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать, да показывать тебя?

Робинзон. Хорошей ты школы, Вася, хорошей, серьезный из тебя негодник вый-

¹ Действие III. Явление X.

дет...»¹

Да, если признак делового человека, негоцианта,— бездушие и безразличие к людям, то у Вожеватова как будто есть все данные для этого. Во всяком случае, он не только свободно отказывается от своих слов — он даже издевается над простодушным Робинзоном! И делает-то он это с каким-то садистическим удовольствием! Даже Паратов — продукт той же бряхимовщины — даже он с омерзением говорит Робинзону о Вожеватове: «...Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии... в полном смысле наступает золотой век. Но, уж не взыщи, подчас **и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят — на какого Медичиса нападешь...**» (Разрядка моя.— *А. П.*)² А как Вожеватов поступает с Ларисой?! Мало того, что он сделал все для того, чтобы «старикашка Кнуров» имел все основания пригласить Ларису в содержанки,— нет, Вожеватову еще понадобилось лично участвовать в унижении Ларисы — пусть она попросит его помощи, а он откажет ей...

...Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса. Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то! Ничего не поделаешь...

Лариса. Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу»³.

Ну, коли «ничего не можешь», так зачем же подходить к человеку, когда тот нуждается в помощи?!

Определяя исходное событие пьесы, мы сделали ряд предположений по поводу основного мотива поступков Вожеватова. Сейчас, когда мы подходим к концу анализа, когда мы вскрыли почти все события пьесы, мы можем убедиться в верности предположений, на которые нас натолкнуло исходное событие. Да, действительно, Вожеватов — страшная фигура: этот «очень молодой человек» абсолютно бездушен, более того — он ненавидит, презирает всех вокруг себя, для него единственное удовольствие — изощренное унижение других людей. Вожеватов — последняя, свежайшая продукция бряхимовского «золотого века»!..

А Карандышев? Сорванный Ларисой и ее «друзьями» обед, ее поездка с Паратовым за Волгу — как все эти события отразились на дальнейших поступках Карандышева? Давайте еще раз вернемся к началу пьесы. Наше знакомство с Карандышевым началось тогда, когда он был на вершине блаженства. Он, «молодой, небогатый чиновник», женится на первой красавице города! Сколько бряхимовских толстосумов добивалось расположения Ларисы, а она предпочла именно его!..

Правда, Карандышев знает, что он для Ларисы «только та соломинка, за которую (она) хватается (как) утопающий», он знает, что она пока его не любит, что она «только хочет полюбить» его... Но, очевидно, его любовь к Ларисе так сильна, что он уверен в том, что она растопит в конце концов и сердце Ларисы. О, когда мужчина по-настоящему любит, он способен на многое: каждое желание женщины не только немедленно выполняет-

¹ Действие IV. Явление VI.

² Действие IV. Явление VII.

³ Действие IV. Явление VIII.

ся, но даже угадываются эти желания!.. Чуткость любящего человека может творить чудеса!..

Наверное, именно на это рассчитывает Карандышев? Проверим. В самом начале пьесы Лариса просит Карандышева: «Поедьте поскорей в деревню!» Но Карандышев почему-то не торопится уезжать, наоборот — каждое воскресенье «таскает Ларису на бульвар»...

Ларисе чрезвычайно неприятны напоминания о Паратове...

«**Карандышев.** Лариса Дмитриевна, скажите мне, только прошу вас, говорите откровенно!.. Ну, чем я хуже Паратова?»¹

Лариса перебарывает в себе и такое поведение Карандышева, она по-прежнему готова выйти за него замуж, только молит об одном:

«**Лариса.** ...Сделайте для меня эту милость, поедьте поскорей!.. Когда думаете ехать?..

Карандышев. После свадьбы... хоть на другой день. Только венчаться непременно здесь...

Лариса. ...Ну, пожалуйста, если свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтоб поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее!»

Карандышев в ответ на это устраивает званый обед и приглашает всех знатных людей города!..

Лариса, узнав о приезде Паратова, умоляет Карандышева немедленно уехать!..

«**Карандышев.** Теперь-то и не нужно ехать»².

Согласитесь, все эти поступки Карандышева мало напоминают поступки любящего и потому чуткого человека. Скорее наоборот: так может поступать только очень не чуткий, черствый человек, которому абсолютно наплевать на желания и просьбы другого человека; человек, считающийся только со своими желаниями — короче, глубоко эгоистичный человек, способный любить только себя!..

Но ведь сама Лариса утверждает, что «единственное достоинство...» ее «будущего супруга» в том, что «он любит» ее... Может быть, эта уверенность Ларисы происходит оттого, что три года Карандышев безответно ухаживал за ней? Ведь три года он безответно ходил к ним в дом, и... «бросал на всех зверские взгляды...».

Но как же совместить это трехлетнее систематическое безответное преследование со столь не менее систематическими эгоистическими поступками? Что эта за странная «любовь»? Что заставляло Карандышева три года добиваться Ларисы? Может быть, расчет на то, что с женитьбой улучшится его материальное положение? Но ведь Карандышев, как и весь Бряхимов, знает, что Лариса — бесприданница.

Следовательно, ни истинное чувство любви, ни жажда обогащения не руководят Карандышевым в его желании непременно стать обладателем Ларисы. Так что же все-таки руководит им?

«Юлий Капитоныч Карандышев, молодой человек, небогатый чиновник»³. От Жовтатова мы узнаем, что у Карандышева есть какое-то маленькое «родовое именишко», от-

¹ Действие III. Явление VI.

² Действие II. Явление VI.

³ Характеристика Островского в перечне действующих лиц.

куда он «выписал клячу какую-то разношерстную, кучера маленького...». Следовательно, он потомственный дворянин, вынужденный жить в Бряхимове и служить маленьким чиновником, чтобы прирабатывать на жизнь. Он, образованный и неглупый человек (Лариса несколько раз в пьесе говорит, что Карандышев «неглупый человек»), вынужден в силу своей бедности терпеть постоянные унижения от купчика Вожеватова! Да и от него ли одного?! Миллионер Кнуров даже не удостоивает его при встрече кивком головы... Он «много, очень много перенес уколов для своего самолюбия», (его), «гордость не раз была оскорблена... уж эти фаты одолели (его) своим фанфаронством». Причем, ведь почти никто из этих бряхимовских фанфаронов, с точки зрения Карандышева, вовсе и не достоин своего богатства — «ведь не сами они наживали богатства, что ж они ими хвастаются!..». Ах, как завидует им всем Карандышев! Как он ненавидит всю эту бряхимовскую буржуазию!

Вьется эта чернь около красавицы Ларисы, но никому из них не удастся заполучить ее...

Лариса не станет ничьей содержанкой, она выйдет замуж только за достойного ее по всем статьям человека... Если бы Карандышеву — деньги, утер бы он нос всем им!.. И вот вдруг Лариса согласилась принять его предложение! Да, Карандышев знает, что она его вовсе не любит, что он «только та соломинка», за которую «хватается» утопающая Лариса. Основное его желание — отомстить всем бряхимовским самодовольным рокам. Это стремление столь велико, что для Карандышева нелюбовь Ларисы не имеет никакого значения. И потому для него главное — удовлетворение своего честолюбия.

«Карандышев. ...венчаться непременно здесь, чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Лариса. Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

Карандышев (*с сердцем*). Так правду эту вы и знайте про себя!.. Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Лариса. Зачем это?

Карандышев. Как зачем? Разве вы уж совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Лариса. Самолюбие! **Вы только о себе. Все себя любят!** (Разрядка моя.— А. П.) Когда же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведете вы меня до гибели?!»¹.

Но Карандышев не слышит Ларису — он весь заполнен грандиозным планом мести бряхимовцам — «сегодня обед», и уж там он отыграется за все: «Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых; надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними... ..все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастье, которое вы делаете мне своим выбором, за то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот и все, вот и вся моя месть!»²

Поразительно, не правда ли? Человек три года добивался любви женщины. Она, наконец, согласилась, но просит только об одном — «уехать отсюда поскорее!». Он не только не выполняет никаких ее просьб, но совершенно цинично объясняет ей, что для него самое главное: отомстить всем, насмеяться над всеми, и чтобы при этом «посторонние думали», что она его любит и что верит в «искренность чувств» его! Как можно такое ска-

¹ Действие II. Явление VI.

² Действие II. Явление VI.

зять женщине, которая собирается стать твоей женой? Разве если только специально придумывать изощренное оскорбление?! Но вряд ли Карандышев хотел оскорбить Ларису — зачем ему это? Нет, очевидно, он настолько полон этой своей «мстью» бряхимовцам, что не замечает при этом, какие ужасающие по своей бесчеловечности удары наносит своей будущей жене! Какой кошмар! Это похоже на какой-то бред маньяка, ничего не видящего перед собой, кроме одной всепоглощающей его страсти — утверждения себя!

Посмотрите, как поразительно Островский выстраивает конфликт далее.

Вот, наконец, обед состоялся. Карандышев, наконец, сделал то, к чему он так долго (наверное — всю сознательную жизнь!) стремился — он отомстил.

«Карандышев. Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну.

Все берут стаканы.

Главное, неоценимое достоинство Ларисы Дмитриевны — то, господа... то, господа... то, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличить золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее, но она... искала для себя человека не блестящего, а достойного...

Паратов (*одобрительно*). Bravo, bravo!

Карандышев. И выбрала...

Паратов. Вас! Bravo! Bravo!

Карандышев. Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь. Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать, но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для меня предпочтение. Господа, я сам пью и предлагаю выпить за здоровье моей невесты!

Паратов, Вожеватов и Робинзон. Ура!

Паратов. Есть еще вино?.. Надо еще тост выпить... За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева!

Карандышев. Ах, да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду, хлопочу; я достану. (*Уходит.*)

Входят Карандышев и Иван с бутылкой шампанского.

Карандышев. Я, господа... (*Оглядывает комнату.*) Где ж они? Уехали?.. Обиделись? — понимаю! Ну, и прекрасно...

И это все говорится при Паратове — «блестящем барине»!

Да, Карандышев, несмотря на то, что пьян изрядно, тем не менее упорно и пунктуально осуществляет весь свой план мести!

Полное торжество Карандышева! Паратову ничего иного не остается, как только сделать вид, что он ничего не понял — ну пускай, пускай подымет тост за Карандышева! Карандышев не откажет ему в этом. Он даже вина еще попробует подать для такого дела!

Напомним, что, пока Карандышев бегал за вином, все уехали за Волгу.

Карандышев счастлив: месть его достигла цели.

<p>Карандышев (<i>с горечью</i>). Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне... все это преднамеренно — все вы вперед сговорились... у вас одна шайка, вы все заодно... Но знайте... Если мне... остается только повеситься от стыда и отчаянья, или мстить, так уж я буду мстить... Мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого (разрядка моя.— Л. П.). (<i>Схватывает пистолет и убегает.</i>)»¹</p>	<p>Но вот в минуту своего, казалось бы, полного торжества Карандышев узнает, что Лариса вместе со всеми уехала за Волгу!.. Бряхимовцы оказались хитрее его — вместо торжествующей мести Карандышев опозорен на весь город. Завтра все об этом будут знать — вот «смеху-то будет!». Такое пережить невозможно: или вешаться... или все-таки мстить — мстить всем этим бряхимовским рожам!</p>
---	---

Карандышев бежит по городу с пистолетом, ищет «эту шайку»; тем временем Кнуров уже успел выиграть Ларису в «орлянку» и сделать ей свое «предложение»; тем временем Лариса уже пыталась покончить с собой — броситься с берега в пропасть, как Катерина...

<p>«Лариса. Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? (<i>Задумывается.</i>) Ах, нет, нет... Не Кнуров... Роскошь, блеск... Нет, нет... я далека от суеты... (<i>Вздвинув.</i>) Разврат... Ох, нет... Просто, решимости не имею. Жалкая слабость; жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно... Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... Пока еще упрекнуть себя не в чем...» (Разрядка моя.— А. П.)</p>	<p>А вот что думает Катерина перед смертью: «Катерина. Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно... В могиле лучше... ..Умереть бы теперь... Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя!.. Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила...Ах, скорей, скорей! (<i>Подходит к берегу.</i>) Друг мой! Радость моя! Прощай!» Обе женщины не видят смысла в дальнейшей жизни; обе подходят к обрыву над Волгой... Катерина бросается в Волгу... А Лариса? У Ларисы нет сил расстаться с жизнью... И хотя она утверждает, что предложение Кнурова ее абсолютно не смутило, тем не менее она бы хотела, чтобы кто-то помог ей расстаться с жизнью пока... «Пока еще упрекнуть себя не в чем...»</p>
---	---

Появляется Карандышев — он уже знает об орлянке (ему все рассказал Робинзон). Знает, что Кнуров «выиграл» Ларису...

<p>«Лариса (<i>поднимая голову</i>). Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь? Карандышев. ...Я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас... Чтобы отомстить за ваше оскорбление. Лариса. Для меня самое тяжкое</p>	<p>Карандышев лжет — ему нет дела до оскорбления Ларисы, он сам столько раз ее уже оскорблял — нет, в том-то все и дело, что оскорблен он! А если Лариса — не дай</p>
--	---

¹ Действие III. Явления XIII, XIV.

оскорбление — ваше покровительство...

Карандышев. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку — и это не оскорбление! Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас, как на женщину... они смотрят на вас, как на вещь. Ну, если вы вещь — это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может. (Разрядка моя.— *А. П.*)

Лариса (*глубоко оскорбленная*). Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, я испытала себя... Я вещь!.. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

Карандышев. Я беру вас, я ваш хозяин. (*Хватает ее за руку.*)

Лариса (*оттолкнув его*). О, нет! Каждой вещи своя цена есть... Ха, ха, ха... слишком, слишком дорога для вас... Уж если бы вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите, пошлите ко мне Кнурова (разрядка моя.— *А. П.*).

Карандышев. Что вы, что вы, опомнитесь!.. Уедемте, уедемте сейчас из этого города...

Лариса. Поздно. Я вас просила взять меня поскорее из цыганского табора... видно, мне жить и умереть в цыганском таборе... Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты...

Карандышев. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? (*Падает на колени.*) Я вас люблю, люблю.

Лариса. Лжете. Я любви искала и не нашла... ее нет на свете... Я не нашла любви, так буду искать золота. **Подите, я вашей быть не могу!** (Разрядка моя.— *А. П.*)

Карандышев. Так не доставайся ж ты никому! (*Стреляет в нее из пистолета.*)

Лариса (*хватаясь за грудь*). Ах! Благо-

бог! — теперь откажет ему в руке, то позор будет еще более страшным!.. И он начинает действовать. Он не брезгует ничем — он делает самое непозволительное для мужчины: желая отдалить Ларису от всей этой «шайки», Карандышев сообщает Ларисе, что там ее уже считают, по существу, содержанкой... Как ужасно, как подло и глупо он поступил! После всего случившегося ему бы некоторое время не подходить к Ларисе вовсе — дать ей прийти в себя («ведь не глуп же он!» — утверждала Лариса), и, возможно, Лариса бы оценила и его терпение, и его такт... Но — уввы! — Карандышев не мог поступить иначе, чем поступил, ибо он занят не Ларисой, не ее судьбой, **а только собою.**

Очевидно, Карандышев совершенно уже не понимает, что делает, — теперь и он обращается с Ларисой так же, как и Кнуров, и Вожеватов. Что натворил Карандышев?! — Он толкнул Ларису на тот путь, о котором она, будучи одна около перил решетки, подумала и испугалась... Теперь же Карандышев наглядно показал ей, что если и вернется к нему, то это будет той же самой продажей; ибо она знала, что не любила его, а только «пыталась полюбить», но Лариса была уверена, что он все-таки ее любит!

Теперь же, в эти страшные для нее минуты — минуты отчаяния, она окончательно убедилась, что Карандышев занят только собою, спасением только себя, своего самолюбия... Следовательно, идти за него замуж — равносильно тому, что идти на грошовое содержание!.. Падать с горы, так уж с высокой — Кнуров!

Итак, Лариса готова идти на содержание к Кнурову! **Бряхимов сломал, уничтожил нравственно и эту прекрасную человеческую личность...**

Карандышев все-таки отомстил Бряхимову — никому не достанется эта дорогая вещь — никому из тех, кого он так ненавидел всю жизнь!

дарю вас! (*Опускается на стул.*)... Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда на стол! Это я сама... сама. Ах, какое благодеяние!..

Из кофейной появляются Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон и другие.

Все. Что такое, что такое?

Лариса. Это я сама... Никто не виноват, никто... Это я сама. За сценой цыгане запевают песню.

Паратов. Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса (*постепенно слабеющим голосом*). Нет, нет, зачем!.. Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! **Вам надо жить, а мне надо умереть...** (*Разрядка моя.— Л. П.*) Я ни на кого не жалею, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю. (*Посылает поцелуй.*)

*Громкий хор цыган*¹.

У самой Ларисы не хватило сил, чтобы не упасть окончательно на самое дно... И поэтому, очевидно, искренняя ее признательность тому, кто помог ей (сам того не желая!).

Ларису окружают сейчас именно те люди, которые в разной степени, но почти каждый виновен в ее смерти. Но она не только ни на кого не обижается, но даже утверждает, что они «все хорошие люди» (!?) Что это? Проявление ее религиозности, или Ларисе, как это бывает перед смертью, открылась истина — **все бряхимовцы сами по себе неплохие люди — ужасен Бряхимов, его законы, делающие бряхимовцев преступниками.**

Итак, разразилось последнее событие пьесы — «смерть Ларисы Огудаловой!»

Для Ларисы это событие, как мы уже говорили, — избавляющее ее от страшного пути к Кнурову, а может быть, и другим «кнуровым»...

А для всех остальных бряхимовцев эта смерть станет ли событием, которое кардинально изменит их жизнь?

Может быть, Паратов откажется теперь от своей «миллионной невесты»? Вряд ли! Может быть, Вожеватов, потрясенный случившимся и своей ужасной ролью в этом, кардинально пересмотрит все свое поведение и станет совершенно по-иному относиться к людям? Вряд ли. Ведь смерть была уже в глазах Ларисы, когда она его молила о сочувствии, но он прошел мимо... Может быть, в жизни Кнурова что-то изменится? Может быть, он отменит хотя бы свою деловую поездку в Париж на выставку? Вряд ли — финансовая корпорация «Кнуров» должна функционировать и, притом, бесперебойно... А что будет с Огудаловой? Наверное, будет «катиться» далее, куда-нибудь в приживалки...

Что будет с Карандышевым? Создается ли он в своем преступлении или нет? Здесь возможны разные варианты. Поскольку убийство из-за ревности часто оправдывало убийцу не только юридически, но и создавало в глазах общества ореол мученика и даже героя, то очень может быть, что Карандышев мог бы громогласно признаться в убийстве! А может быть, наоборот, тихо жил, упиваясь своей ролью мученика и страдальца, у которого Бряхимов отнял «единственно светлое, что было в его жизни!».

Иными словами, во всех вариантах и Карандышев остался бы таким же мелким, са-

¹ Действие IV. Явления IX, XI, XII.

мовлюбленным и уязвленным человечком, каким был и до убийства Ларисы... Может быть, для Робинзона эта смерть внесет какие-то изменения в его жизнь — то есть уезжающий из Бряхимова Паратов, может быть, не бросит теперь его здесь на произвол судьбы, а возьмет с собою?

Вряд ли. Зачем Паратову постоянно иметь перед глазами свидетеля его окончательного падения?..

Ефросинья Потаповна в душе только порадуется, что теперь уж наверняка в дом не придет такая требовательная невестка.

Гаврило и Иван по-прежнему будут торговать в своей кофейне. А хор цыган будет петь для всех, кто хорошо платит.

И, наверное, не случайно пьеса кончается у Островского ремаркой — «Громкий хор цыган». Не просто — «за сценой пение цыган», а именно «громкий хор», то есть хор, выражающий радостное настроение,— цыгане поют весело, **ибо в Бряхимове «искусство на вес золота ценится».** **Продолжаете Бряхимове торжествовать «золотой век»!** **Следовательно, и последнее событие пьесы — «смерть Ларисы»,— ничего кардинально не изменило в Бряхимове!»**

Глава X

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ И ИДЕЯ ПЬЕСЫ

Итак, какие крупные события мы обнаружили в пьесе?

1. Исходное — «опять полдень воскресного бряхимовского дня!».
2. «Приезд Паратова накануне свадьбы Ларисы и Карандышева!»
3. «Обед у Карандышева!»
4. «Лариса и ее друзья уехали с обеда за Волгу!»
5. «Смерть Ларисы Огудаловой!»

Какую историю можно рассказать, основываясь на данных событиях?

Живут разные люди в Бряхимове¹, где все «на вес золота ценится...». Золото это обезличивает и людей, и саму жизнь — она «плетется однообразно и тягуче...».

Для кого-то это золото дает неисчерпаемые возможности — и они уже не знают, что им делать и с этим золотом, и с самим собою... (Кнуров, Вожеватов). Кто-то стремится овладеть этим золотом и ради этого продает себя (Харита Огудалова — в молодости, Паратов). Кто-то ради получения хоть малой толики от этого золота крутится около тех, у кого его много (Гаврило, Иван, цыгане, Робинзон...). Тот, кто не надеется получить много золота, жаждет отомстить хоть как-то тем, у кого есть это золото (Карандышев)...

И есть только один человек в Бряхимове — Лариса Огудалова, у которой хотя нет золота, но она и не рвется к этому золоту, и отсутствие этого золота не делает ее несчастной. Она больше всего ценит и в людях, и в себе совсем другие ценности: искренность, доброту, честность, смелость, талант, красоту... И оттого, что Лариса не такая, как все бряхимовцы, это беспокоит... Причем каждого по-своему: одному хочется встать в уровень с нею, другому хочется заполнить ее для себя, третьему — развенчать ее (пусть станет тоже бряхимовкой!), четвертому хочется заполнить ее только для того, чтобы она не досталась остальным — пусть завидуют!.. Вокруг Ларисы разворачивается борьба бряхимовцев. Каждому кажется, что если он добьется своего, то ему, быть может, удастся разорвать эти тягостные, скучные золотые бряхимовские цепи, встать над ними, преодолев их в себе, или овладеть ими.... Но ни у кого ничего не получается... Наоборот, к концу сломлена Лариса: у нее перед глазами «уже золото заблестело», она готова уже стать такой же бряхимовкой, пойти на содержание к Кнурову... И, наверное, если бы не смерть — физическое уничтожение Ларисы, то Лариса была бы раздавлена нравственно... Ларису уничтожили, а хор бряхимовских цыган громко поет — продолжается «однообразно плетущаяся бряхимовская жизнь».

Из всей этой истории можно сделать хотя и близкие друг к другу, но все-таки разные выводы:

- 1) Все эти люди — бряхимовцы, сами по себе, может быть, и неплохие люди — но власть золота уродует их. Поэтому надо уничтожить эту власть, надо изменить саму жизнь!
- 2) Бряхимовщина — страшная сила, она уничтожает не только все лучшее, что есть в людях, но и лучших из людей! Вырваться из власти бряхимовщины никому не дано...

Возможны, наверное, и другие варианты выводов из этой истории. Это зависит уже от степени зрелости мировоззрения режиссера, читающего пьесу.

¹ Само понятие – Бряхимов, бряхимовская жизнь – очевидно, широкое понятие у Островского. Ведь такого реального г.Бряхимова не было. Можно под Бряхимовом было понимать любой город России – таких Бряхимовых было много. Паратов с Робинзоном приехали в Бряхимов из другого Бряхимова; а для Кнурова и Москва, и Петербург, и Париж – тоже может быть Бряхимов...

Н. А. Добролюбов, как мы помним, утверждал, что: «Выхода из «темного царства» мы не нашли в произведениях Островского. Винить ли за это художника? Не оглянуться ли лучше вокруг себя и не обратить ли свои требования к самой жизни, так вяло и однообразно плетущейся вокруг нас...» Иными словами, Добролюбов утверждал, что, желая того или нет, Островский призывал всем своим творчеством к переделке тех законов жизни, в которых могли рождаться такие страшные истории — ибо виноваты были в этих историях не люди, а реально существующие «законы жизни»...

Нам думается, что изберем ли мы позицию, близкую к добролюбовскому взгляду на творчество Островского или менее радикальную позицию, но во всех случаях нам теперь вряд ли захочется возвращаться к явно обедненному мелодраматическому варианту прочтения пьесы Островского... Надеемся, что произведенный нами, анализ пьесы Островского представится интересным и убедительным с разных позиций:

1) **С позиции театральной.** При таком прочтении пьесы всем актерам с первой же минуты пребывания на сцене есть, что играть, а режиссеру есть, что делать, так как все действия актеров постоянно надо направлять «одним общим интересом»!

2) **С позиции идейной и художественной.** Такое прочтение близко ко всем эстетическим высказываниям самого Островского. Такое прочтение близко и к высказываниям передовой критической мысли и времен Островского, и нашего времени. Такое прочтение близко нам, советским художникам, ибо оно исторично и социально.

Давайте теперь еще раз оглянемся назад — что послужило нам поводом, толчком к рассуждениям, приведшим, в конце концов, к такому взгляду на пьесу? Все началось с мучительных, длительных, всесторонних поисков исходного события.

Исходное событие — «опять полдень воскресного бряхимовского дня!» — заставило нас взглянуть на все дальнейшие события пьесы не как на события мелодраматической истории, а как события «социальной бряхимовской драмы»!

Эта бряхимовская драма началась с исходного события и закончилась «смертью Ларисы».

Заметим, что первое появление в пьесе Ларисы со словами «Уедемте, уедемте отсюда!» — происходит на бряхимовском бульваре. Погибает Лариса на этом же самом бряхимовском бульваре!.. Она ненавидит этот бульвар, как-то пытается вырваться оттуда. И... ничего не получается. Вслед за Гоголем, Островский как бы заключает: «О, не верьте этому приволжскому бульвару (Невскому проспекту)!.. Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!»

Это место, где начинается и кончается пьеса, Островскому представлялось чрезвычайно важным, неотъемлемым элементом.

В письме к Ф. А. Бурдину от 25 октября 1878 г. он пишет:

«Любезный друг Федор Алексеевич, пьеса посылается сегодня или завтра, справляйся в конторе!..»

Нужна декорация для 1-го действия (она же и в 4-м); сделай милость, похлопочи; эскиз я пришлю (разрядка моя.— А. П.). К постановке приеду и сам прочитаю пьесу артистам...»¹

Заметим, что, когда мы определяли исходное событие, мы не только внимательно изучали, что такое приволжский бульвар для Бряхимова; но, благодаря исходному событию, нам удалось ощутить и атмосферу бряхимовской тоски, царящей на этом бульваре и во всех других местах Бряхимова...

¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XV, с.125-126

Итак, можно констатировать:

- 1) Благодаря определению исходного события, мы сумели почувствовать атмосферу пьесы.
- 2) Благодаря определению исходного события, мы смогли начать следить за развитием этой истории, истории социальной, бряхимовской истории.

А был бы нам ясен смысл того, что хотел сказать Островский всей этой пьесой, если бы не совершилось последнее событие пьесы — «смерть Ларисы»? Можно было бы вместе с Островским сказать: «Бряхимовщина — страшная сила, она уничтожает не только все лучшее, что есть в людях, но и лучших из людей!»! Можно ли было сделать такой вывод, пока Лариса еще не попросила Карандышева прислать к ней Кнурова (нравственная гибель Ларисы) и пока Карандышев не убил Ларису (уничтожение Ларисы)? Конечно же — нет. Правда, такой вывод готовился автором долго. На протяжении всей пьесы мы уже чувствовали, как в нас постепенно нарастает протест против всего бряхимовского, губящего в людях разные проявления человеческого начала. Но, конечно же, только смерть Ларисы в самом конце пьесы заставила нас почувствовать и всю боль за ее судьбу, и возмутиться против всего того, что неизбежно привело Ларису к гибели.

Следовательно, **наиболее полно понять идею автора нам помогло только последнее событие — «смерть Ларисы».**

Очевидно также, что идея автора начала проявляться с самого начала, с возникновения исходного события, когда еще только клубный буфетчик Гаврило ругал на чем свет стоит эту бряхимовскую жизнь; а наиболее точно идея раскрылась только тогда, когда случилось последнее событие — бряхимовская жизнь задушила лучшее в Бряхимове — Ларису Огудалову!.. Между исходным и последним событием развивалась вся идея пьесы, не «в виде сентенции», а в действиях «живых образов». Между исходным и последним событием проявилось все богатство пьесы: атмосфера, характеры, лексика, разнообразие предлагаемых обстоятельств. «Чтобы спастись от неминуемой растерянности перед этим богатством, нам нужно определить исходное, главное событие. Мы должны знать, без какого события не было бы пьесы, какое событие определяет всю последовательность течения пьесы»¹. То, что «всю последовательность течения пьесы» определяет исходное событие,— это мы уже поняли. А «без какого события не было бы пьесы»? Очевидно, без того события «не было бы пьесы», без которого не ясна была бы идея автора. В пьесе Островского эта идея стала ясна нам только тогда, когда совершилось последнее событие. Следовательно, без события «смерть Ларисы» не могла бы состояться «Бесприданница». **Значит, это событие и есть главное событие пьесы.**

Нам думается, что главное событие пьесы (во всех хороших пьесах) — всегда самое последнее крупное событие! Почему главное событие пьесы обязательно должно быть в конце ее?

К. С. Станиславский писал: «Существуют пьесы (плохие комедии, мелодрамы, водевили, ревью, фарсы), в которых сама внешняя фабула является главным активом спектакля...

...Но в других произведениях нередко сама фабула и ее факты не представляют значения. Они не могут создать ведущей линии спектакля, за которой с замиранием следит зритель... В таких пьесах факты нужны, поскольку они дают повод и место для наполнения их внутренним содержанием. Таковы, например, пьесы Чехова.

Лучше всего, когда форма и содержание находятся в прямом соответствии. В таких

¹ М. О. Кнебель. Поэзия педагогики, с. 309

произведениях жизнь человеческого духа роли неотделима от факта...

В большинстве пьес Шекспира существует полное соответствие и взаимодействие внешней, фактической, и внутренней линии»¹.

Думается, что не только у Шекспира форма и содержание находятся в прямом соответствии с «жизнью человеческого духа роли». Если вы попытаете проанализировать тщательно пьесы самых различных крупных драматургов, то увидите одну общую закономерность.

Оказывается, настоящие драматурги так строят свои пьесы, чтобы «жизнь человеческого духа» пьесы и ролей развивалась напряженно до самого конца пьесы.

Поэтому-то и события нарастают до самого конца пьесы. И, естественно, что **самое главное, самое крупное событие, вмещающее в себя всю силу и сложность пьесы,— такое событие и случается всегда только в ее конце.**

Действительно, если бы главное событие совершилось где-то в середине пьесы, то «жизнь человеческого духа роли и пьесы» была бы исчерпана — зрителю все бы стало уже ясно.

А. Н. Островский, не только прекрасно чувствовавший природу действия, природу театра, но и много размышлявший о законах сценического искусства, абсолютно был уверен, что в драме все должно быть подготовлено к главному событию, все действие должно устремляться к нему.

Вот что он писал в письме к Н. И. Музилю:

«По актам я не могу посылать пьесу («Бесприданница»), потому что пишу не по актам: **у меня ни один акт не готов, пока не написано последнее слово последнего акта** (разрядка моя.— *А. П.*)².

А. П. Чехов распространял закон главного события не только на драму: «Повесть, как и сцена, имеет свои условия. Так, мне мое чутье говорит, что в финале повести или рассказа я должен искусственно сконцентрировать в читателе впечатление от всей повести...»³

И еще — «Есть у меня интересный сюжет для комедии, но не придумал еще конца. Кто изобретет новые концы для пьесы, тот откроет новую эру...

Не стану писать ее, пока не придумано конца такого же заковыристого, как начало. А придумаю конец — напишу ее в две недели».

Любой автор хочет, чтобы зрители внимательно следили за ходом его мысли до самого конца пьесы. Но только тогда это удастся, когда автор понимает законы развития действия. Режиссер тоже должен знать эти законы. Он должен знать, что:

пьеса развивается от исходного события к главному;

исходное событие предшествует как данность до начала действия пьесы;

исходное событие — это то событие, которое определяет поступки всех действующих лиц, занятых в начале пьесы, до момента, пока не случится в пьесе следующее крупное событие.

Только верное, скрупулезное определение исходного события пьесы может направить верно и весь дальнейший ход анализа пьесы.

Главное событие пьесы — это то событие, благодаря которому нам

¹ К. С. Станиславский. Полн. собр. соч., т. IV, с.247

² А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XIV, с.407

³ А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XV, с.388

раскрывается идея автора.

Главное событие — всегда последнее крупное событие пьесы.

Производя анализ любой сцены пьесы, режиссер все время должен проверять, какое место занимает данная сцена в развитии событий — «от исходного — к главному».

Вскрывая события любого куска пьесы, надо помнить, что любое событие (исходное, крупное, маленькое, главное) тогда вскрыто верно, когда только оно является определяющим фактом для поступков всех действующих лиц, занятых в данном сценическом куске.

И еще несколько слов по поводу приведенного выше анализа пьесы Островского «Бесприданница». Надеемся, что читатели понимают, что цель этой работы отнюдь не в том, чтобы навязать читателям свой взгляд на пьесу «Бесприданница»... Безусловно, можно прочесть пьесу и иначе. Мы ставили себе совсем иную задачу. Основная цель этой работы — попытаться разобрать ту часть новой методики, которая, на наш взгляд, наименее разработана — это домашняя предварительная работа режиссера с пьесой. Мы хотели познакомить читателя с опытом режиссера, пробующего работать методом действенного анализа.

Разумеется, что этот метод, представленный вам анализом пьесы Островского, может и должен быть распространен в режиссерской практике творчески по отношению к каждой отдельно взятой в работу как современной, так и классической пьесе. Подобный подход поможет в работе и режиссерам-профессионалам, и режиссерам иных, сравнительно еще не опытных театральных коллективов.

Как и все новое, метод действенного анализа до сегодняшнего дня является для многих режиссеров и педагогов еще только предметом для познания, а не сущностью их постоянной практики. Поэтому нам представляется важным, чтобы режиссеры и педагоги, являющиеся приверженцами метода действенного анализа, пусть каждый по-своему, но пытающиеся работать этим методом, чтобы они обменивались своим опытом, то есть высказывали в печати все, что им удалось познать, накопить в процессе своей работы.